

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«ЧИТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ЧитГУ)

ВЕСТНИК

**ЧИТИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА № 2 (53)**

CHITA STATE UNIVERSITY JOURNAL

ЧИТА 2009

Основан
в 1995 г.

Учредитель:
Читинский государственный университет

Журнал зарегистрирован как СМИ
29.11.2005, регистрационный номер:
ПИ № ФС 13 – 2010

Журнал участвует в Российском
индексе научного цитирования
(РИНЦ)

Периодичность издания: 6 раз в год

Научные направления журнала,
рекомендованные ВАК РФ для пуб-
ликации результатов исследований
на соискание ученой степени канди-
дата и доктора наук: *искусствоведе-
ние, культурология, науки о земле,
педагогика, политология, право,
психология, филология, философия*

Подписку на журнал «Вестник ЧитГУ»
можно оформить в любом почтовом
отделении. Подписной индекс по
федеральному почтовому Объеди-
ненному каталогу Пресса России и
интернет-каталогу «Российская пе-
риодика» www.palt.ru: 82102.

Подписка осуществляется и через
редакцию. Также журнал можно при-
обрести в розницу. Цена 250 руб.

Тел.: +7 (3022) 41-69-06
E-mail: rik@chitgu.ru
Web: www.journal.chitgu.ru

Все материалы, опубликованные в
научном журнале «Вестник ЧитГУ»
являются авторскими и защищены
соответствующими правами. Пере-
вод материалов и их переиздание в
любой форме, включая электронную,
возможны только с письменного раз-
решения Редакционной коллегии.
Вопросы, касающиеся использования
материалов журнала, направляйте к
главному редактору по электронной
почте, либо по почтовому адресу:
672039, г. Чита, ул. Александро-За-
водская, 30, «Вестник ЧитГУ»

*Мнение редакции не всегда совпада-
ет с мнением авторов.
Качество иллюстраций соответ-
ствует качеству представленных
оригиналов*

ISSN 1999-9976
ISSN (on-line) 2071-7938

Вестник ЧитГУ теоретический и научно-практический журнал

Редакционная коллегия

- Резник Ю. Н.** – гл. редактор, д-р техн. наук, профессор,
ректор ЧитГУ;
- Мальшев Е. А.** – зам. гл. редактора, канд. техн. наук, доцент,
проректор по научной и инновационной
работе ЧитГУ;
- Романова Н. П.** – научный редактор, д-р социол. наук, доцент;
- Эпова Т. А.** – литературный редактор;
- Витовская М. А.** – технический редактор.

Редакционный совет

Председатель редакционного совета: Ю. Н. Резник, д-р. техн. на-
ук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, ректор Читинского
государственного университета.

Члены редакционного совета: *Н.А. Абрамова, д-р филос. наук,
профессор (Чита), С.Я. Березин, д-р техн. наук, профессор (Чита),
И.В. Бычков, д-р техн. наук, профессор (Иркутск), Е.Т. Воронов, д-
р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Чита),
И.П. Глазырина, д-р эконо. наук, профессор (Чита), С.А. Иванов,
канд. техн. наук, профессор (Чита), Н.Б. Иметинов, канд. техн.
наук, профессор (Чита), К.И. Карасев, д-р техн. наук, профессор
(Чита), Е.А. Кудряшов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный
работник высшей школы РФ (Чита), В.И. Летунов, канд. техн.
наук, профессор (Чита), Л.М. Любимова, канд. филол. наук, про-
фессор (Чита), А.В. Макаров, д-р юрид. наук, доцент (Чита), В.Н.
Опарин, д-р физ.-мат. наук, профессор, член-корр. РАН (Новоси-
бирск), И.И. Осинский, д-р филос. наук, профессор (Улан-Удэ), А.Б.
Птицын, д-р техн. наук, профессор (Чита), Н.П. Романова, д-р со-
циол. наук, доцент (Чита), Г.В. Секисов, д-р техн. н., профессор,
заслуженный деятель науки РФ, член-корр. Национальной Акаде-
мии наук Киргизии (Хабаровск), Н.Я. Смольников, д-р техн. наук,
профессор (Волгоград), В.А. Стетюха, д-р техн. наук, доцент
(Чита), И.Ф. Суворов, д-р техн. наук, профессор (Чита), М.Л. Ту-
таренко, д-р филос. наук, профессор, академик РАН (Москва), М.Н.
Фомина, д-р филос. наук, профессор (Чита), И.И. Швецова, к. физ-
мат. наук, доцент (Чита), К.Г. Эрдынеева, д-р пед. наук, профессор
(Чита).*

Ответственный за выпуск Н.П. Романова, д-р социол. наук, доцент.

**Утверждено и рекомендовано к изданию решением редакционно-
издательского совета ЧитГУ.**

Вестник Читинского государственного университета
(Вестник ЧитГУ) № 2 (53). – Чита: ЧитГУ, 2009. – 202 с.
Chita State University Journal. № 2 (53). – Chita St. Univ. Pr. 2009.

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели! Уходящий год был отмечен для нашего университета многими знаменательными событиями, к самым значимым из которых я отношу прохождение университетом аккредитации и получение лицензии на право ведения образовательной деятельности на 5 лет.

Второе по значимости – это работа четырех докторских советов университета, два из которых открыты в этом году, поскольку кадровый вопрос в университете всегда является самым главным. В 2008 г. сотрудниками университета защищено 25 диссертаций, в том числе 18 из них – в диссертационных советах нашего университета. Особенно радуют защиты докторских диссертаций. В университете ежегодно открываются новые специальности, 2008 г. не стал исключением. Кроме того, открыты новые специальности аспирантуры и докторантуры.

В канун наступающих праздников Нового года и светлого праздника Рождества Христова всем сотрудникам, студентам желаю достижения поставленных целей, крепкого здоровья, добра, согласия, спокойствия и уверенности в будущем!

Желаю, чтобы наш вуз креп и развивался дальше, а мы с вами работали и учились в хорошем, стабильном, известном в сибирском и других регионах вузе – Читинском государственном университете.

Пусть наступающий Новый 2009-й год принесет с собой новые радости, новые свершения и новые победы!

Счастья и благополучия вам, вашим родным и близким!

Ю.Н. Резник, д-р техн. наук, профессор, ректор ЧитГУ, заслуженный деятель науки

Юбилейные даты

К 70-летию

*Заслуженного деятеля науки РФ,
доктора технических наук, профессора,
действительного члена (академика)
Международной академии наук экологии и
безопасности жизнедеятельности, Российской
академии естественных наук и Российской
экологической академии*

Воронова Евгения Тимофеевича

Декабрист XX в.

7 апреля 2009 г. исполнилось 70 лет со дня рождения заведующего кафедрой безопасности жизнедеятельности ЧитГУ, Заслуженного деятеля науки РФ, доктора технических наук, профессора, действительного члена (академика) Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, Российской академии естественных наук и Российской экологической академии Евгения Тимофеевича Воронова.

Вся научная деятельность Е.Т. Воронова связана с Забайкальем. После окончания в 1961 г. Свердловского горного института им. В.В. Вахрушева по специальности «Подземная разработка месторождений полезных ископаемых» Е.Т. Воронов был направлен в Читинский филиал ЦНИГРИ (с 1964 г. – Забайкальский комплексный научно-исследовательский институт), где прошел путь формирования от молодого специалиста до одного из ведущих ученых Забайкалья по охране и безопасности труда.

В 1968 г. он защитил кандидатскую, а в 1985 г. докторскую диссертацию; в 1989 г. ему присвоено ученое звание профессора. С 1973 по 1993 гг. он возглавлял отраслевую лабораторию охраны труда и техники безопасности ЗабНИИ МинГео СССР.

Научные исследования Е.Т. Воронова за этот период охватывают широкий спектр горнотехнических проблем. Он является ведущим ученым Сибири в таких областях, как борьба с пылью, теп-

ловой режим и вентиляция на рудниках Севера; охрана труда и снижение травматизма на геолого-разведочных работах; безопасная технология подземных горных работ в условиях вечной мерзлоты. Под непосредственным руководством и при личном участии Е.Т. Воронова выполнено около 30 научно-исследовательских работ, по результатам которых подготовлено и издано 3 монографии, 25 отраслевых методических руководств и рекомендаций и около 200 научных статей.

Е.Т. Воронов создал и развил важное для восточных регионов России научное направление по безопасной технологии подземных горных работ в условиях вечной мерзлоты. Под его научным руководством подготовлено 15 кандидатов технических наук.

Наиболее значимыми результатами научно-практической и организационной деятельности Е.Т. Воронова являются:

– создание в ЗабНИИ отраслевой лаборатории охраны труда и техники безопасности, внесшей значительный вклад в обеспечение безопасных условий труда разведчиков недр и развитие минерально-сырьевой базы в северо-восточных регионах России;

– разработка и внедрение эффективного комплекса средств борьбы с пылью при проведении подземных горных работ в условиях вечной мерзлоты, что позволило снизить запыленность воздуха в сотни раз при разведке крупнейших ме-

сторождений Сибири (Удоканского, Зун-Холбинского, Депутатского, Дукатского, Сулуматского, Караль-Веемского, Многовершинного и т.д.) и резко снизить опасность заболевания горняков Севера силикозом;

– научное обоснование и перевод всех крупных подземных разведочно-эксплуатационных объектов в восточных регионах России на прогрессивное общешахтное проветривание, что позволило создать безопасные условия труда горнорабочих по пылевому, газовому и радоновому факторам;

– научное обоснование, оптимизация режимов и внедрение магнитной и химреагентной обработки воды для борьбы с пылью на рудниках Забайкалья, что позволило снизить запыленность воздуха на 40–50 %.

В 1994 г. Е.Т. Воронов прошел по конкурсу на должность заведующего кафедрой безопасности жизнедеятельности, где им была активизирована работа по подготовке кадров высшей квалификации. На базе кафедры за этот период защитили кандидатские диссертации В.И. Сафронов, Ю.П. Глушков, Е.П. Браунер, Д.Е. Воронов, Ю.Н. Галинов, И.А. Бондарь, К.Д. Найданов. Качественно улучшилась материально-техническая и учебно-методическая база кафедры.

С 2000 г. научно-организационная деятельность Е.Т. Воронова переключается на решение актуальной проблемы повышения радиационной безопасности горнорабочих на урановых рудниках России. Под его научным руководством и непосредственном участии совместно с ОАО «ППГХО» разработан и внедрен комплекс технических и аэродинамических решений по повышению эффективности и безопасности технологии подземной разработки урановых месторождений на основе управления процессами выделения и выноса радона. Разработаны и внедрены проекты эффективного общешахтного проветривания рудников № 1, 2, 8 и «Глубокий». Проведен необходимый комплекс воздушно-депресссионных и радоновых съемок с целью оптимизации систем вентиляции нижних горизонтов урановых рудников и нормализации радиационной обстановки на подземных горных выработках.

На базе выполненных исследований закономерностей формирования радиационной обстановки им обоснован и внедрен компрессионный метод проветривания очистных блоков, позволяю-

щий значительно снизить выделение радиоактивного газа (радона) в рудничную атмосферу. В результате внедрения результатов исследований Е.Т. Воронова в значительной степени решена проблема радиационной безопасности на урановых рудниках.

За заслуги в научной деятельности Е.Т. Воронов был избран действительным членом (академиком) Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности (1996 г.), Российской экологической академии (1997 г.), Российской академии естественных наук (2001 г.), а в 2002 г. ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

Наряду с научно-педагогической деятельностью Е.Т. Воронов проводит активную общественную работу. Для решения актуальных проблем в области экономической, промышленной, экологической и социальной безопасности Забайкальского региона по его инициативе в 1996 г. было создано и успешно функционирует Забайкальское отделение Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности (МАНЭБ), что позволило консолидировать усилия и возможности ведущих ученых Забайкалья, руководителей крупных предприятий, а также различных федеральных и региональных служб Забайкальского края для решения актуальных проблем жизнедеятельности региона.

Е.Т. Воронов является членом консультативного совета по научно-технической политике при Губернаторе Забайкальского края, краевой межведомственной комиссии по охране труда, двух докторских диссертационных советов при ЧитГУ, редколлегий журналов «Вестник МАНЭБ» и «Вестник ЧитГУ», а также экспертом Забайкальского горнотехнического центра по промышленной безопасности.

За многолетний добросовестный труд, большой вклад в развитие науки и подготовку специалистов Е.Т. Воронов отмечен рядом государственных, отраслевых и академических наград и почетных званий: Орден «Знак Почета» (1986 г.); «Заслуженный деятель науки РФ» (2002 г.); «Отличник разведки недр» (1967 г.), «Почетный работник высшего образования России» (1999 г.); «Заслуженный работник горнодобывающей промышленности Читинской области» (2000 г.); «Заслуженный деятель науки и техники Читинской области» (2004 г.); Орден МАНЭБ «Звезда ученого» (2004 г.).

Медали: «За освоение целинных земель (1957 г.); «За трудовое отличие (1976 г.), «За строительство Байкало-Амурской магистрали (1984 г.), «За вклад в экологию и безопасность» им. М.В. Ломоносова (1998 г.), «За заслуги перед Приаргунским производственным горно-химическим объединением» (2004 г.).

Коллектив Читинского государственного университета, научно-образовательная обществен-

ность Забайкалья и Президиум Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности поздравляют Евгения Тимофеевича Воронова с юбилеем, желают ему крепкого здоровья, творческих успехов, счастья и благополучия!

И.А. Бондарь, *помощник ректора*

Научная жизнь

«Молодежная научная весна» в Читинском государственном университете

С 23 по 27 марта 2009 г. в Читинском государственном университете традиционно была проведена «Молодежная научная весна». В рамках этого мероприятия были проведены:

- XXXVI научно-практическая конференция студентов, магистрантов и аспирантов университета;
- студенческие научные конференции юридического института «Актуальные проблемы гражданского права» и «Актуальные проблемы теории и истории государства и права»;
- 11 внутривузовских предметных олимпиад;
- внутривузовский студенческий конкурс «Актуальные проблемы таможенного дела в России»;
- внутривузовский фонетический конкурс;
- деловая студенческая игра «Судебное разбирательство в судах с участием присяжных заседателей»;
- конкурс социально-экономических проектов «Дни карьеры»;
- круглые столы: «Китайский регион в современных мировых процессах», «Самосохранительное поведение: возрастные и гендерные особенности», «Проблемы получения высшего профессионального образования», «Социально-гуманитарное образование – духовное здоровье нации», «Совершенствование кадровой системы в условиях перехода к рыночным отношениям», «Современные тенденции развития мировой экономики и интеграция России в мирохозяйственное пространство».

XXXVI научно-практическая конференция студентов, магистрантов и аспирантов университета

Работа конференции была организована и проведена в форме пленарного, 55 секционных заседаний, 6 круглых столов. В этих мероприятиях приняли участие более 2000 человек, заслушано около 700 докладов.

Тематика студенческих докладов, представленных на конференции, отражает следующие актуальные направления: геология и геофизика, обогащение полезных ископаемых, экономика мине-

рального сырья, автоматизация технологических процессов, технология и организация строительного производства и др.

Всем докладчикам были вручены сертификаты участников, блокноты и ручки с логотипом университета. По итогам конференции студенты, занявшие призовые места, были поощрены.

Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы развития современного китайского общества»

25-27 февраля в Читинском государственном университете проведена первая Международная научно-практическая конференция, посвященная «Актуальным проблемам развития современного китайского общества».

Ее работа была организована в форме пленарного, трех секционных заседаний, семинара «Методологические проблемы исследования китайского региона», деловой игры «Имя Китая» и круглого стола с участием представителей учебных заведений и научно-исследовательских организаций России (г. Чита, г. Москва, г. Улан-Удэ, г. Владивосток) и КНР (г. Харбин, г. Янтай, г. Хух-хото, г. Хайлар).

На конференцию были приглашены ведущие китаеведы России – зам. директора по науч-

ной работе ИДВ РАН, доктор экономических наук А.В. Островский и ведущий научный сотрудник Центра сравнительного изучения цивилизаций Восточной Азии ИДВ РАН, доктор политических наук А.В. Виноградов, которые в своих выступлениях подчеркнули необходимость постоянного изучения Китайской Народной Республики.

Хотя международная конференция проводилась впервые, представлено более 50 докладов преподавателей и студентов как университетов РФ, так и университетов КНР. На конференции обсуждались такие темы, как актуальные проблемы развития КНР в условиях глобализации, выявление новых тенденций развития китайского общества.

Всероссийская научно-практическая конференция «Государственное и муниципальное управление в Забайкальском крае»

12-13 марта 2009 г. на базе института экономики и управления прошла Всероссийская научно-практическая конференция «Государственное и муниципальное управление в Забайкальском крае» с участием представителей власти Забайкальского края, научных и учебных заведений Новосибирск, Улан-Удэ, Читы. На пленарном и секционных заседаниях было заслушано более сорока докладов. В рамках конференции был проведен круглый стол «Кадры в государственном управлении» с участием работников краевой Администрации, руководителей муниципальных образований и студентов университета.

IV Всероссийская научно-практическая конференция «Энергетика в современном мире»

24 марта 2009 г. энергетическим институтом университета проводилась ставшая традиционной IV Всероссийская научно-практическая конференция «Энергетика в современном мире». Тематика пленарного и секционных заседаний отразила многообразие научных исследований, проводимых в университете, крае и стране в области энергетики. Расширился круг участников конференции. Были представлены доклады ученых и исследователей в области энергетики из 20 городов России и Ближнего зарубежья (Армении, Казахстана), поэтому было принято решение об изменении статуса конференции и перевода ее в ранг международной.

I Международная научно-практическая Интернет конференция «Состояние здоровья – медицинские и педагогические аспекты»

I Международная научно-практическая Интернет-конференция «Состояние здоровья – медицинские и педагогические аспекты» впервые организована и проведена институтом социально-политических систем

ЧитГУ совместно со Славянским государственным педагогическим университетом (Украина) на Интернет-сайте ЧитГУ.

В Интернет-конференции приняли участие ученые, аспиранты и преподаватели из 16 регионов России, Украины, Азербайджана, Казахстана, Южной Кореи, Китая.

VI Межрегиональная выставка-ярмарка «Образование и карьера – 2009»

1-3 апреля 2009 г. в Выставочном Центре «Забайкальский» проходила VI Межрегиональная выставка-ярмарка «Образование и карьера – 2009», в которой наш университет принял самое активное участие.

На стендах университета выставлены баннеры, кубки, дипломы и медали за достигнутые успехи. Всем заинтересованным посетителям выставки выдавались рекламные проспекты университета и газета «Абитуриенту ЧитГУ-2009», а также различные издания СМИ со сведениями о ЧитГУ. За творческий подход к представлению образовательных услуг и активное участие в проведении выставки Читинский государственный университет награжден дипломом.

IV межвузовская научно-практическая конференция «Лингвистическое образование в контексте XXI века»

9 апреля 2009 г. подведены итоги пленарного и секционных заседаний IV Межвузовской научно-практической конференции «Лингвистическое образование в контексте XXI века».

С приветствиями в адрес участников конференции выступили: ректор ЧитГУ Ю.Н. Резник, проректор по инновационной и научной деятельности ЧитГУ Е.А. Малышев, директор ЮИ ЧитГУ А.В. Макаров.

На конференцию были представлены доклады из 10 вузов КНР. Традиционно участвуют в конференции китайские ученые Тяньцзиньского международного института культуры, Даляньского университета иностранных языков, Яньтайского института технологий и бизнеса, Пекинского педагогического университета и др. В качестве переводчиков на конференции выступали студенты старших курсов специальности «Международные отношения», которые продемонстрировали хорошо сформированные навыки владения китайским языком в профессиональной области.

В работе четырех секционных заседаний было заслушано более 40 докладов, рассмотрены вопросы и обсуждены проблемы повышения качества языкового образования, активизации сотрудничества между преподавателями иностранных языков различных учебных заведений, проблемы современных тенденций развития языкового образования, основные проблемы в обучении иностранным языкам и культурам и определение путей их решения, обмен практическим опытом преподавания иностранных языков и культур.

В рамках конференции проведен конкурс по китайскому языку и состоялась мультимедийная фотовыставка «Мир изучаемого языка нашими глазами».

В мероприятиях принимали участие студенты специальностей «Международные отношения» и «Связи с общественностью», а также Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет, Читинский институт Байкальского университета экономики и права, Читинская медицинская академия.

Поскольку 2009 г. – год 60-летия установления дипломатических отношений России и Китая, а также год русского языка в Китае, то традиционная фотовыставка «Мир изучаемого языка нашими глазами» была посвящена миру китайского языка и культуры.

На фотовыставку студенты специальностей «Международные отношения» и «Связи с общественностью» представили презентации языковых стажировок в Китае.

Китайские гости пожелали всем студентам огромных успехов в изучении китайского языка.

Т.Б. Бердникова, начальник ИАО НИУ

Искусствоведение

УДК 784 (571.51)

Чуб Елена Анатольевна
Tchub Elena

КОМПОЗИЦИОННО-ДРАМАТУРГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОКАЛЬНЫХ ЦИКЛОВ КРАСНОЯРСКОГО КОМПОЗИТОРА ВЛАДИМИРА ПОНОМАРЕВА

COMPOSITION AND DRAMATURGIC PECULIARITIES OF VOCAL CYCLES OF KRASNOYARSK COMPOSER VLADIMIR PONOMARIOV

Рассматривается проблема циклического объединения камерно-вокальных сочинений красноярского композитора Владимира Пономарёва. Впервые анализируются произведения композитора с точки зрения их композиционно-драматургических особенностей. На основе детального анализа музыкальных текстов вокальных циклов В. Пономарёва дана характеристика композиционного и драматургического инварианта циклов

This article is devoted to the problem of the cycle in the chamber vocal works of Vladimir Ponomariov, a Krasnoyarsk composer. The author of the article tries to analyse the composer's works from the point of view of their dramaturgic composition features. On basis of detailed analysis of musical texts of Ponomariov's vocal cycles there is the author's description of the dramaturgic composition invariant of the cycles

Ключевые слова: красноярский композитор; Владимир Пономарёв; вокальный цикл; композиция; драматургия; форма; инвариант; функция; структура; принцип; монотематизм; симфонизм; хронотоп; редукция; континуальность

Key words: Krasnoyarsk composer; Vladimir Ponomariov; vocal cycle; composition; dramaturgy; form; invariant; function; structure; principle; monosubject-matter; symphonic effect; chronotop; reduction; continuity

Приоритет вокальной музыки в современной композиторской практике констатируется многими исследователями и рассматривается в качестве характерной тенденции развития музыкальной культуры России второй половины XX в. Эта тенденция по своему преломляется и в творчестве красноярцев, проявляющих устойчивый и неослабевающий интерес именно к этой области композиторского творчества.

Самым распространенным жанровым обозначением камерно-вокальной музыки красноярцев является обозначение «вокальный цикл». В качестве особенно притягательного объекта пристального внимания вокальный цикл стал для красноярцев областью активного поиска новых художественно-выразительных возможностей. Наиболее репрезентативными в этом отношении представляются камерно-вокальные произведения Владимира

Пономарёва (Владимир Валентинович Пономарёв (1960 г.р.) – член Красноярской организации СК РФ, доцент кафедры теории музыки и композиции Красноярской государственной академии музыки и театра).

Поскольку вокальное творчество В. Пономарёва представлено исключительно вокальными циклами (в творческом портфеле В. Пономарёва – 11 масштабных вокальных циклов, созданных на протяжении всего творческого пути композитора до настоящего времени), постольку заостряются вопросы о целостности циклической композиции и о композиционно-драматургическом «каноне» вокального цикла как музыкальной формы и музыкального жанра особого типа.

Композиция, или план расположения частей, это – структурный уровень организации музыкального материала произведения в целом. Её слагаемые наделяются теми или иными образно-смысловыми и формообразующими функциями в зависимости от общей логики развития, проявляющейся в определенной системе повторений, контрастов, в группировке частей или разделов формы [1]. Относительная автономность и замкнутость формы частей, их отграниченность друг от друга – обязательные условия структурной организации вокального цикла: дискретность формы, предполагающая доминирование центробежных сил, влечет за собой ослабление внутренних связей в структуре целого. Субординация функций высшего порядка (*i* – импульс, *m* – развитие, *t* – торможение), реализация каждой из которых сосредоточена в разных разделах формы цикла, соподчиняет эти разделы друг другу, «лишая» их самостоятельности и, тем самым, способствуя единству целого. Назовём это принципом комплементарности, или взаимодополняемости композиционных функций (*i*, *m*, *t*), имея в виду, что в форме вокального цикла функция импульса и функция торможения выявлены, как известно, более отчетливо, чем функция развития (см.: [5; 8]).

Поскольку части вокального цикла, в от-

личие от циклов инструментальных, не имеют устоявшихся типовых «содержательных амплуа» и не укладываются в типовые же форм-схемы, то его композиция и драматургия складываются каждый раз по-разному, что, однако, не исключает типизации тех или иных приёмов циклизации [5]. Так, в вокальных циклах В. Пономарёва можно усмотреть некоторые общие закономерности, касающиеся реализации принципа целостности на композиционно-драматургическом уровне структуры художественного текста.

Композиционное решение пономарёвских циклов (независимо от количества частей) ориентировано на трёхчастную структуру, каждый раздел которой четко соотносён с функциями *i*, *m*, *t*. Части цикла группируются, объединяются в разделы, выполняющие ту или иную композиционную функцию. Финальные разделы трёхчастных композиций, как правило, совмещают заключительную и репризную функции (репризность проявляется как в образно-смысловом, так и в музыкально-стилистическом аспектах), что способствует замкнутости циклической формы в целом.

Контраст – один из формообразующих принципов циклической композиции, как правило, предельно заостряется в форме пономарёвских циклов на границе между заключительным и предыдущим (развивающим) разделами, образующей кульминационную зону формы, где драматическая кульминация нередко сопрягается с лирической.

Композиционной целостности циклов способствует тональный план, выполняющий формообразующую функцию. Зачастую в интервальных структурах «звукоряда» тональных центров частей высвечивается «каркас» интонационной формы произведения, что также можно рассматривать как одно из средств достижения целостности цикла [5], наряду со средствами гармоническими, метроритмическими, фактурными и др. При этом ведущую роль играет приём сквозного развития интонационной формы циклов.

Композиция, или «редуцированная фор-

ма» (термин В. Медушевского), есть проявление конструктивного синтаксиса. Форма-композиция обладает содержательностью, но её смысловые значения абстрактны. Она схематизирует «развёрнутую форму» [6], которая наполняет композицию конкретным содержанием и которая суть музыкальная драматургия.

Особенности драматургии вокального цикла как жанра связаны, во-первых, с циклическим принципом строения композиции, во-вторых, с наличием вербального текста, входящего в структуру художественного текста произведения. Образный мир цикла, его идейное содержание задаются поэтическими текстами, а их расположение, последование («искусственный поэтический цикл», созданный композитором) в условиях циклической композиции позволяют говорить о «поэтической драматургии», которая во многом обуславливает драматургию музыкальную. Поскольку «поэтическая драматургия» в каждом конкретном цикле строится по-разному, постольку её музыкальное решение (музыкальная драматургия) индивидуально и рождается в результате «прочтения» стихов композитором. Тем не менее, камерно-вокальные сочинения В. Пономарёва дают основание говорить о некоторых общих принципах и закономерностях временной организации музыкально-поэтического содержания его произведений.

Центральный образ вокальных циклов красноярского композитора – лирический герой, напряженно переживающий глубинные жизненные проблемы, дисгармонию земного бытия, ищущий ответы на глобальные «вечные» вопросы, главным из которых становится вопрос о смысле жизни. Острота переживания и интенсивность поиска ответа на эти вопросы определяют динамику развёртывания целого (векторную направленность линии развития содержания), а логика драматургического процесса выглядит следующим образом: переживание дисгармонии – её изживание (поиск внутренней опоры) – обретение внутренней гармонии. В более широком, обобщенном виде драматургическая логика всех циклов В. Поно-

марёва сводится к формуле «вопрос – ответ». Именно «ответ» является смысловым центром того или иного произведения, его идейно-образной доминантой. Данный «драматургический инвариант» многообразно варьируется в пономарёвских циклах. Эти «варианты» различаются, во-первых, в зависимости от ракурса поставленного вопроса (в данном случае, это один и тот же вопрос – вопрос о смысле жизни) и предлагаемого автором ответа на него (любовь, творчество, возвращение к духовному истоку Бытия); во-вторых, в зависимости от «сюжета», точнее, «внутреннего сюжета», отражающего процесс смены душевного состояния лирического героя в его психических реакциях на те или иные явления, обстоятельства, события внешнего мира («внешний» сюжет выступает поводом «внутреннего»); в-третьих, в зависимости от соотношения стадий процесса переживаний лирического героя (эти стадии соответствуют экспозиционной и развивающей функциям в композиции цикла – i, m).

Теми или иными особенностями драматургической логики, в сочетании с принципами монотематизма (музыкальное воплощение и последовательное развитие в циклах получает лишь один, центральный образ – образ лирического героя) и микротематизма (развернутая характеристика микротематизма как явления музыкального искусства представлена в работах Е. Ручьевской [7]) как ведущих принципов построения музыкальной ткани рассматриваемых циклов, определяется предпочтение, отдаваемое автором драматургии либо интегративного, либо кристаллизирующего типа. Развитие «событий» реализуется на всех уровнях системы музыкально-выразительных средств, но концентрированно – на уровне интонационно-тематическом.

Интегративность и кристаллизация – принципы, обуславливающие логику музыкальной драматургии, – проявляются в постепенном, последовательном отборе и «собирании» в процессе развития тематически значимых элементов (мотивы – микротемы) в единое музыкально-тематическое целое (комплекс

микротем), концентрирующее в себе идейно-смысловое содержание того или иного цикла. При этом процесс развития в целом характеризуется векторной направленностью и непрерывностью. Таким образом, логика музыкальной драматургии коррелирует с общей драматургической идеей («вопрос – ответ»), а именно: «диффузное бытие» интонационно-тематического материала (неустойчивость) – его кристаллизация и консолидация (устойчивость).

Сквозное интонационно-тематическое развитие основного музыкального образа – образа лирического героя (принцип монообразности) в масштабах всей циклической композиции – в сочетании с определенным комплексом ладогармонических, метроритмических, фактурных связей, а также наделение инструментальной партии относительно самостоятельной интонационно-драматургической функцией – всё это в совокупности позволяет говорить о симфонизации как важнейшем принципе музыкальной драматургии вокальных циклов В. Пономарёва. Непрерывное динамичное становление ведущей образно-интонационной сферы, целенаправленное её развитие – от исходного множества контрастирующих элементов к их синтезу – всё это характеризует творческий метод композитора как такой метод художественного отражения действительности в музыке, который определяется как симфонизм. Этим методом «диктуется» соответствующий тип музыкальной драматургии. Поскольку все циклы В. Пономарёва, во-первых, имеют в своей основе драматические коллизии, во-вторых, в них главенствует лирическая образная сфера (в центре – лирический герой), в-третьих, музыкальная драматургия циклов сочетает в себе самые общие принципы драматургии вокального цикла (как-то принцип контраста, группировка частей, логика их следования, функции кульминаций и финалов и т. д.) и симфонические принципы временной организации музыкально-поэтического содержания, постольку наиболее предпочтительный для этого композитора тип музыкаль-

ной драматургии в рассматриваемых циклах можно определить как лирико-драматический (или моделирующий [6]). Таким образом, наряду с симфонизацией, камерно-вокальные сочинения В. Пономарёва являются примером драматизации (тенденции симфонизации и драматизации определяются исследователями как характерные тенденции развития жанра камерно-вокального цикла в отечественной музыке XX века [3; 4]) лирического по сути жанра.

Характерно, что композиционный план «вокальных лирико-психологических монодрам» В. Пономарёва, образуемый соподчинением драматургических стадий, принципиально не отличается от инварианта композиционного плана, или формы-схемы вокального цикла вообще, и драматургические функции соподчинены с функциями композиционными: экспозиции-завязке соответствует функция *i*; развитию-кульминации – функция *m*; а посткульминационному развитию-развязке – функция *t*. В рамках того или иного цикла абстрактные значения композиционных функций приобретают то или иное конкретное значение, обусловленное имманентными свойствами так называемой драматургической («развёрнутой») формы, т.е. композиция и драматургия «срастаются», а их конгруэнтность становится важной частью организации художественного целого.

На драматургическом уровне организации формы пономарёвских циклов прослеживается влияние тенденции камернизации как одной из характерных тенденций развития жанра в отечественной музыке второй половины XX столетия. Это влияние связано, в первую очередь, с проблемой отношения реального (физического) и художественного (идеального) времени. Последнее обладает расширенным полем элементарно-структурных отношений по сравнению с реальным пространством и временем, что позволяет осуществлять с ним такие трансформации, которые противоречат реальной структуре физического хронотопа.

Особые художественно-выразительные возможности циклической формы заключаются в том, что явление, событие, процесс может быть показан с разных точек зрения (одновременность событий разных планов, ведение нескольких сюжетных линий) и в разных временных срезах (прослеживается такая организация художественного времени, при которой из реального времени художником как бы «изымаются» определенные куски, из которых в дальнейшем создается текст).

Безусловно, В. Пономарёв использует эти возможности формы, однако приоритетным для него становится сам процесс движения (развития «событий»), процесс разворачивания художественного времени, который мыслится композитором как естественный, последовательный. В циклах В. Пономарёва достаточно полно моделируются причинно-следственные отношения, закономерные переходы из одного эмоционально-психологического состояния в другое, подлинные временные процессы. Композитор как бы отождествляет художественное время со временем реальным, создает иллюзию реального времени.

Эти особенности организации художест-

венного времени в циклической композиции характеризуют один из специфических методов работы композитора с художественным текстом – метод, который можно было бы определить как метод редукции («редукция» – от лат. *reductio* – отодвигать назад, возвращать – термин, обозначающий действия или процессы, приводящие к упрощению структуры какого-либо объекта, методологический приём сведения данных к исходным началам» [10; С. 389].

Таким образом, дискретность циклической формы преодолевается на уровне драматургии благодаря особым способам работы композитора с художественным временем. Не смотря на отчетливость границ между масштабно-синтаксическими структурами разного уровня, форма вокального цикла в целом воспринимается как континуальная, где принцип тождества преобладает над принципом контраста, континуальность – над дискретностью. С одной стороны, таким путем достигается целостность формы цикла. С другой стороны, в континуальности формы можно усмотреть проявление континуальности как свойства мышления композитора.

Литература

1. Анализ вокальных произведений [Текст]: учеб. пособие / отв. ред. О.П. Коловский. – Л.: Музыка, 1988. – 352 с.

2. Бобровский, В. Функциональные основы музыкальной формы: Исследование [Текст] / В. Бобровский. – М.: Музыка, 1978. – 333 с.

3. Васина-Гроссман, В. Мастера советского романса [Текст] / В. Васина-Гроссман. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Музыка, 1980. – 316 с.

4. Григорьева, А. Камерная вокальная музыка: поиски и обретения [Текст] / А. Григорьева // Музыкальная академия. – 1997. – № 2. – С. 43-55.

5. Крылова, А. Вокальный цикл. Вопросы теории и истории жанра [Текст] / А. Крылова. – М.: ГМПИ им. Гнесиных, 1988. – 55 с.

6. Медушевский, В. О музыкальных универсалиях [Текст] / В. Медушевский: в кн.: С. Скребок-

ва Статьи и воспоминания // Сост. Д. Арутюнов. – М.: Сов. композитор, 1979. – 309 с.

7. Ручьевская, Е. Функции музыкальной темы [Текст] / Е. Ручьевская. – Л.: Музыка; Ленингр. отд-ние, 1977. – 160 с.

8. Ручьевская, Е. Цикл как жанр и форма [Текст] / Е. Ручьевская, Н. Кузьмина // Форма и стиль: сб. науч. тр. – Л.: ЛОЛГК им. Н.А. Римского-Корсакова, 1990. – Ч. II – С. 129-174.

9. Селицкий, А. Основы музыкальной драматургии [Текст]: учеб. пособие для теоретико-композиторских факультетов муз. вузов / А. Селицкий, И. Дёмина. – Ростов-на-Дону: Ростовская гос. консерватория им. С.В. Рахманинова, 2003. – 60 с.

10. Философский энциклопедический словарь [Текст]. – М.: Инфра-М, 2005. – 576 с.

Коротко об авторе

Чуб Е.А., старший преподаватель кафедры теории музыки и композиции, Красноярская государственная академия музыки и театра (КГИИ)
eachub@yandex.ru

Научные интересы: камерно-вокальная музыка (вокальные циклы) красноярских композиторов, вокальный цикл как жанр и форма; проблемы эволюции жанра; авторский стиль

Briefly about author

Tchub E., Lecturer of Theory of Music and Composition Department, Krasnoyarsk State Academy of Music and Theatre (KSAMT)

Scientific interests: Krasnoyarsk composers' chamber vocal music (vocal cycles), vocal cycle as the genre and form; problems of genre evolution, the author's style

Культурология

УДК 130.2

Букина Нина Викторовна
Bukina Nina

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО МИФОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ КАК ФОРМЫ КУЛЬТУРНОГО КОДА

PECULIARITIES OF MODERN MYTHOLOGICAL THINKING AS FORMS OF CULTURAL CODE

Рассматриваются основные особенности современного мифологического мышления. Современный миф представляется как культурный код, который обычно используется как инструмент политического воздействия на массовое сознание

The article considers main peculiarities of modern mythological thinking. Modern myth is represented as cultural code which is used as an instrument of political influence on mass consciousness

Ключевые слова: миф, мифологическое мышление, современный миф, политический миф, культурный код

Key words: myth, mythological thinking, modern myth, political myth, cultural code

Современное постмодернистское понимание культуры дает основания для нового осмысления повседневной жизни через механизмы саморефлексии. Поскольку одной из основных тенденций постмодернистского мировоззрения является отрицание ценностей массовой культуры, то немаловажным представляется анализ механизмов формирования элементов этой культуры, способов их кодирования, выражения и особенностей восприятия. Следовательно, актуальность выбранной темы обусловлена современными проблемами социогуманитарного знания, в частности, влияния существующих мифов современности на сознание человека.

Исходя из заявленной темы, целью нашего исследования является выявление особенностей существования современных мифов в массовом сознании людей.

Для достижения выбранной цели плани-

руется решить ряд задач:

- проанализировать традиционное и современное понимание мифа, его особенностей в зависимости от функциональной нагрузки;
- представить мифологическое мышление как культурный код;
- оценить степень влияния современных политических мифов на «массового потребителя» культуры;
- рассмотреть современные тенденции «разоблачения» мифов.

Рассмотрим все по порядку. Общепринято считать мифы результатом творения людей с традиционным типом культуры: «... это создания коллективной фантазии, обобщённо отражающие действительность в виде чувственно-конкретных персонификаций и одушевлённых существ, которые мыслятся первобытным сознанием вполне реальными. Специфика мифов выступает наиболее четко в первобыт-

ной культуре, где мифы представляют собой эквивалент науки, цельную систему, в терминах которой воспринимается и описывается весь мир» [1]. Именно такая трактовка мифа считается традиционной. В этой форме миф является объектом исследователей по этнографии, фольклористике, этнолингвистике и других областей науки.

Классическими в этом плане являются работы К. Леви-Стросса, посвященные анализу мифов и мифологического мышления, которое выступает как отражение образного сознания древнего человека. При этом, анализируя структуру мифа, он указывает на сложность этой системы и её строения. По мнению Леви-Стросса, структурообразующими компонентами мифа выступают:

1) «сообщение» – совокупность основных элементов содержания мифа;

2) «арматура» – совокупность относительно устойчивых черт для данной группы мифов, выделенной тематически;

3) «коды» – аспекты повествования (отображающие определенные стороны жизнедеятельности общностей и этнографической действительности), служащие в нём координатами для выражения связи элементов содержания и арматуры с «проблемой мифа», присущей данной группе мифов.

В анализе мифов «коды» – это способы связи устойчивых элементов мифа со всей совокупностью элементов его содержания.

Таким образом, перед нами открывается новая сторона мифов – кодирование. Так, например, Клод Леви-Строс, анализируя группы мифов, приходит к выводу, что «кодам, скрепляющим собой большие семантические подразделы в мифологическом мышлении, принадлежит, по сути, роль категорий мифологического мышления [2].

Коды в качестве категорий мышления, маркирующие его маршруты в мифологическом поле, преемственно связаны с методикой выявления структуры мифа, но охватывают гораздо более обширную семантическую и логическую область: «...мы уже восходим от рас-

смотрения отдельных мифов к рассмотрению определенных путеводных схем, которые упорядочены по одной и той же оси» [3]. Итак, в мифологическом поле коды играют роль проводников мышления.

Остановимся подробнее на понятии «культурный код». По мнению структуралистов, культурный код выступает вторичным языком культуры после естественного языка и семиотических единиц. Это означает, что при культурном кодировании информация скрыта на более высоком уровне, чем при обычном знаково-символьном выражении, т.е. культурный код – это не просто семиотическая система, а это определенные правила функционирования этой системы. С этой точки зрения можем предположить, что миф выступает в качестве культурного кода. Причём, начатая нами мысль о различном понимании мифа в традиционном и современном обществе гармонично вписывается в концепцию динамики культурных кодов: меняется форма мышления человека – изменяется и культурный код, причём как в плане выражения, так и в плане содержания.

Подобный анализ структуры мифов и категорий кодирования позволяет не только вскрывать исторические типы мышления человека, но делать экстраполяцию на сегодняшний день. Не случайно современные исследователи говорят о том, что миф существует и в современных обществах, а мифологическое сознание проявляется в каждой сфере культуры.

Эпоха модерна показала, что мифы – это неотъемлемая часть современного общества. Именно в XX в. значение термина «миф» приобрело более широкое значение, чем просто «особенность первобытного мышления». Современный миф приобрел негативную окраску и стал употребляться в контексте чего-то ложного, условного, фантастического. Главным образом, миф в XX в. приобрёл значение политического инструмента. Об этом говорят многие современные исследователи. Так, например, А.Н. Кольев в своей книге «Политиче-

ская мифология» отмечает существование политических мифов: «...Политическая идея вызывает к жизни политическую мифологию, являющуюся для массы её чувственным инобытием, а для политической элиты – диалектическим завершением идеи. Политическая практика затрагивает массив групповых и национальных архетипов, устанавливает контакт между управляющими и управляемыми. Превращаясь в символы, они создают в политике символическое пространство, в котором могут быть реализованы типы принятия решений, для которых мифология становится важнейшим элементом этого процесса» [4].

Можно выделить несколько мифов, существовавших в середине XX в:

– миф об однолинейном развитии мира, в котором утверждается идея о том, что все культуры проходят один и тот же путь развития: от простого к сложному, от отсталых до прогрессивных. Конечно, западные страны в этом процессе занимают главенствующее положение и «обязаны» помочь «отсталым» народам приобщиться к современной развитой культуре. Такая позиция запада легла в основу колониальной политики в прошлом и многочисленных войн с «противостоящими» народами сегодня;

– миф о лучшем будущем, призывающий двигаться к идеальному обществу с верой в то, что завтра обязательно будет «лучше и светлее», чем сегодня, надо только немного потерпеть и всем вместе приложить громадные усилия для резкого скачка. Печальные последствия таких установок до сих пор имеют свои отголоски (вспомним политику «большого скачка» в Китае, когда в гонке за мировое первенство по выплавке стали миллионы людей погибли от голода и эпидемий, так и неждавшись «счастливого коммунизма». Или знаменитое хрущевское «поднятие целины», обернувшееся не только экономическим кризисом страны, но и экологическими проблемами);

– миф о прогрессе – означал, что на пути прогрессивного развития человечеству следует отказываться от «пережитков прошлого» и

отметать всё устаревшее;

– миф о единообразии мира, который представлял национальное разнообразие как проявление отсталости перед эталонными культурами. Этот миф повлек за собой тенденцию к установлению английского языка как мирового, появлению различных агрессивных настроенных к «иным» групп молодежи (скинхеды), а также навязывание единой культуры для всех народов (тенденция глобализации и вестернизации);

– миф о познаваемости мира, главный лозунг которого «наука может все» – речь здесь идет о том, что наука не стоит на месте и рано или поздно разгадает все тайны мироздания. Миф, безусловно, по своей природе оптимистичен и связан с верой в «светлое будущее». Вот только не говорит этот миф ничего о том, сколько пользы принесет эта наука, а сколько вреда (речь идет о деструктивной функции науки, например, о последствиях изобретения атомного оружия);

– миф об управляемости мира – тесно связан с предыдущим мифом и может быть сформулирован как «знание – это сила». Но поскольку сила – это всегда инструмент государства, то и управляемость мира начиналась с управляемости государством, с построением четкой, несгибаемой идеологии, которой все должны были следовать.

Начавшаяся эпоха постмодерна выявила интерес к природе мифа и его «разоблачению». Тем более, что естественное разрушение мифов XX в. позволило переосмыслить последствия существования таких мифов и выступить с открытой критикой тенденций модерна. Начало этому процессу положили классики постмодерна – Р. Барт, Ж. Делез, Ж. Лиотар, Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида.

Так, согласно Ролану Барту [5], все культурные феномены, все виды коммуникации кодируются в знаковых системах, которые являются продуктом мифотворческой деятельности. По его мнению, любое культурно значимое явление представляет собой речевое высказывание, дискурс, являющиеся носителями

мифического сообщения. Французский учёный подходит к проблеме происхождения и сущности мифа с точки зрения семиологии, исследующей знаковые системы любых типов социальной практики в аспекте латентных смыслов, которые требуют расшифровки или «чтения». Затрагивая проблему разоблачения мифа, Барт считает лучшим средством против мифа мифологизацию его самого или создание искусственного мифа. В этом случае «вторичный миф» будет представлять самую настоящую мифологию. Здесь уже, согласно Барту, «похищается» не язык, а сам миф. Для этого достаточно сделать его отправной точкой семиологической системы, превратить его значение в первый элемент вторичного мифа [6].

Среди российских исследователей, занимающихся проблемами современной мифологии, можно назвать таких ученых, как Неклюдов [7], Мелетинский [8], Шнирельман [9] и др. В их исследованиях анализируется существование мифов в современном обществе, проводится обращение к мифам прошлого и рефлексия на настоящее, а они стремятся в своих исследованиях найти способы «разоблачения» современных мифов. Так, упомянутый А.Н. Кольев не только проанализировал структуру и сущность современных политических мифов, но и привел механизм борьбы с

этими мифами. По его мнению, главным оружием против политического мифа является контр-миф: «Современный контр-миф – всегда опрошенная и искаженная копия какого-то другого мифа, против которого зачастую контр-миф и направлен. Например, мода на те или иные научные теории подменяет их сниженными почти до бытовых банальностей формами мифологии. Такого рода мифы соответствуют и дарвиновскому учению, и гипотезе о внеземных цивилизациях, и теории относительности...» [10].

Подводя итог, можем отметить, что начавшаяся эпоха постмодерна открывает новые направления научных исследований, связанных с проблемами массового сознания и их влияние на формирование мышления человека. Поскольку древнейший исторически зафиксированный тип человеческого мышления – мышление мифологическое, то анализ существования мифов сегодня, механизмы их формирования и функционирования в современном мире представляют особый интерес для дальнейших исследований (*исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Культурный код как рефлексия культуры», проект № 09-03-95173и1Мл*).

Литература

1. Аверинцев, С.С. Миф [Электронный ресурс] / С.С. Аверинцев. – Режим доступа: <http://bse.sci-lib.com/article077057.html> (02 марта 2009).
2. Островский, А.Б. Парадигма мифологического мышления: очерк вклада К. Леви-Строса [Текст] / А.Б. Островский. – СПб.: Кронос, 2004. – 182 с.
3. Леви-Строс, К. Мифологики: от мёда к пеллу [Текст]: в 4 т. / К. Леви-Строс; пер. с фр. Н.Б. Маньковской. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – Т. 1.: 442 с.
4. Кольев, А.Н. Политическая мифология [Электронный ресурс] / А.Н. Кольев. – Режим доступа: <http://www.savelev.ru/book/ch=24> (05 марта 2009).
5. Барт, Р. Мифологии [Текст] / Р. Барт. – М.: Академический проект, 2008.
6. Чубукова, Е.И. Мифологическая концепция коммуникации Р. Барта [Электронный ресурс] / Е.И. Чубукова – Режим доступа: http://anthropology.ru/ru/texts/chubukova/misl8_52.html
7. Неклюдов, С.Ю. Структура и функции мифа [Текст] / С.Ю. Неклюдов // Современная российская мифология: сб. статей; сост. М.В. Ахметова. – М.: Рос. гос. гум. ун-т, 2005. – С. 9-27.
8. Мелетинский. Миф и XX век [Электронный ресурс] / Мелетинский. – Режим доступа: www.philologos.narod.ru (17 фев. 2009).
9. Шнирельман. Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика [Электронный ресурс] / Шнирельман. – Режим доступа: www.philologos.narod.ru (17 фев. 2009).

10. Кольев, А.Н. Политическая мифология [Электронный ресурс] /А.Н. Кольев. – Режим доступа: <http://www.savelev.ru/book/?ch=24> (05 марта 2009).

Коротко об авторе

Briefly about author

Букина Н.В., аспирантка, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
moynauka@list.ru

Bukina N., graduate, Chita State University (ChSU)

Научные интересы: культурология, философия культуры, семиотика

Scientific interests: culture science, philosophy of culture, semiotics

---

УДК 008. 001 (571.54/55)

Филиппова Надежда Павловна
Filippova Nadezhda

СИМВОЛО-ЗНАКОВЫЕ СИСТЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЗАБАЙКАЛЬЯ

SYSTEMS OF SYMBOLS AND SIGNS OF REGIONAL TRANS-BAIKAL CULTURE

Рассматриваются симвоно-знаковые системы культуры Забайкалья, которые являются своеобразным маркером региона, его отличительной чертой. Главными знаковыми системами культуры определены геокультура, этнокультура и особый тип личности «Сибиряк-забайкалец». Знание и изучение семиозиса культуры позволяет найти ориентиры для моделирования системы ценностей культуры будущего

The article considers systems of symbols and signs of Trans-baikal culture which are original token of the region, its distinguishing peculiarity. Main sign systems of culture are determined by geoculture, ethnic culture and special type of a person – “Siberian-Trans-baikal”. knowledge and study of culture semiosis makes it possible to find principles for future culture value system modelling

Ключевые слова: региональная культура, символы и знаки, этническая самоидентификация, социокультурные системы, Забайкальский регион

Key words: regional culture, symbols and signs, ethnic self-identification, socio-cultural systems, Trans-baikal region

Историческая память, причастность к культуре предков, к исконным корням своим воскрешается в старых символах, которые важны нам, прежде всего, как памятники прошлого. Нам также важно проследить динамику изменения понимания и значимости многих символов и знаков в региональной культуре.

Прочитав символы и знаки культуры прошлого нашего региона и сопоставив их с общей картиной культуры России и мира, мы можем смоделировать состояние культуры будущего нашего региона.

Как отмечают Н. Соболева, В. Артамонов: «... к символам «не своей эпохи» надо относиться осторожно. Однако это не значит, что они нам не интересны. Причины и принципы их возникновения, их эволюция помогают не только всесторонне представить

исторический процесс, но и приблизиться к пониманию, «расшифровке» мировоззрения человека прошлого, раскрыть закономерности его мышления, *смысл его поступков, вплотную подойти к изучению социальной психологии отдельных слоёв российского общества, его менталитета (склада ума, мышления) – вопросам недостаточно изученным, но очень важным»* [10; С. 6].

Региональные символы и символика рассматривают репрезентирующее региональное сообщество, закрепленное в социальном и ментальном пространстве и служащее знаками его консолидации: *те человеческие типы, которые объединяют в себе характерные черты личности, воспитанной в определенной среде, исторических условиях, на данной территории и имеющие официальную символику* [8; С.10].

Каждый регион имеет свою социокультурную систему, которая состоит из набора специфических символов и знаков, присущих только данному краю, области, району.

Символо-знаковая система конкретного региона, а в данном случае, Забайкалья, включает определенный набор характеристик: исторических, геополитических, этнографических, топонимических и т.д.

Согласно определению К.М. Хоруженко, который отмечает, что *символо-знаковую систему региона определяет этнографическая символика – термины этнографии, социологии и культурологии, служащие для обозначения комплекса тех элементов и явлений материальной и духовной культуры, в рамках этнической части культуры этноса, которые помимо своей непосредственной функциональной роли – удовлетворение тех или иных нужд своих носителей – выполняют также этноразличительную функцию и служат определенными метками, которые обозначают принадлежность данного индивида к той или иной этнической общности и отличают его от представителей другой* [12; С. 374].

С данным определением мы можем согласиться при условии, что здесь должен присутствовать еще один немаловажный компонент. Такая система является *своеобразным исторически сложившимся культурно-кодовым текстом региональной культуры*, в котором на протяжении длительного времени в силу сложившихся исторических обстоятельств сформировался целый семиотический комплекс понятий символического означивания культурного пространства. Таким образом, мы можем говорить о историко-культурном комплексе подходов к рассмотрению этнических символов и знаков, являющемся основополагающим для региональной культуры Забайкалья.

Знаковые системы региональных культур как основополагающие: *космоприродные, или естественные* (геокультура, этнокультура); *религиозные* (шаманизм, ламаизм, буд-

дизм, христианство, ислам, иудаизм); *изографические* (наглядно-образные символы в изобразительном искусстве, письменность, жилище, костюм, прикладное творчество народов).

Определяющими факторами данного подхода будут являться понятия, такие как *природосообразность и культуросообразность*, которые позволяют нам рассматривать особенность символа-знаковой картины культуры Забайкалья.

Опираясь на исследования специалистов по проблемам изучения *региональной культуры* (Г.А. Аванесовой, В.Л. Кургузова, А.О. Бороноева, И.Я. Мурзиной, Н.В. Сверкуновой и А.В. Спиридоновой), можно выявить несколько подходов к проблеме региональной культуры.

Анализ своеобразия культур регионов по территориальному признаку, его истории, хозяйственной деятельности, духовных черт особенно важен для таких стран, как Россия, которая составляет сложный пространственный организм, что нельзя рассматривать как монообъект. Мы можем выделить такие административно-территориальные регионы за пределами Урала, как Сибирь, Красноярский край, Прибайкалье, Забайкальский край, Дальний Восток. Для каждого из этих регионов присуща своя локальная история, судьба, этнические представительства, специфический набор символов и знаков, маркирующих региональную культуру. Едины они будут в одном – у них общая историческая судьба с Россией. Для выявления индивидуальных, специфических черт культуры необходим семиотический подход, он в большей степени позволяет выявить процессы идентификации. Поэтому аспекты изучения региональной культуры могут иметь следующие подходы:

1) *региональная культура как культура полинациональная*. При таком подходе в региональной культуре маркером является культура автохтонных народов, а регион рассматривается в качестве территории, на которой возникла и развивалась автохтонная культура, т.е. регион продуцирует особый тип культуры

[7; С. 23]. В статье речь идет о культуре народов Забайкалья – эвенков, бурят, старожилов, семейских, которые составили базу современного социокультурного состояния региона;

2) *региональная культура с гетерогенной основой* – в данном контексте рассматривается русская культура как основа, сохраняющая базовую культуру для формирования культурного пространства региона;

3) *культурное пространство Забайкальского региона* – пространство поликультурного и поликонфессионального взаимодействия и одновременного развития духовного опыта народов Восточной Сибири;

4) *региональная культура как культура, сохраняющая в себе основы материнской, а в границах России русской культуры, но при воздействии на нее других культур и разных факторов, приобретает индивидуальные черты, местный колорит;*

5) местный колорит региональной культуре придают системы специфических, семиотических комплексов, к которым относятся геоприродные, историко-культурные, этно-конфессиональные, социально-экономические, антропосоставляющие и этнолингвистические черты региона, что будет, в конечном счете, составлять его менталитет. Дополнением местного колорирования будут микросообщества (например, жены декабристов, ссыльные революционеры), культуры социальных групп (забайкальское казачество, староверы, семейские), профессиональные (художники, актеры, музыканты), субкультуры;

6) самобытность культуры забайкальского края состоит не только в том, что это особый этнический тип, но и в том, что он соединил в себе противоположные культуры *Востока и Запада*, реализованные через образ жизни, ментальность его народов, это пространство поликультурного взаимодействия и результат синхронного формирования и развития духовного опыта народов Восточной Сибири.

Рассматривая Россию как *перекресток культур*, известные философы, историки и культурологи приходят к осознанию, что

...единство свободных народов Евразии невозможно *на чисто идеологической* основе, без *поисков понимания* между верующими разных исповеданий [5; С. 18].

Таким образом, из различных подходов изучения региональной культуры для характеристики мы выделяем символическое культурное пространство – Забайкалье, где есть необходимые атрибуты символа-знакового обозначения: территория, географические и климатические условия, этнокультурные системы, определяющие менталитет и историю формирования.

Региональная культура выполняет для локальной территории те же функции, что и «материнская» для всей страны: *человеческую*, создавая определенный тип личности; *регулятивную*, выступая регулятором общественных отношений (на уровне устоявшихся местных норм и принятых законов); *аксиологическую*, формируя систему ценностей, опираясь как на традиции «пришлых людей», так и на традиции местных жителей; *символическую*, наполняя пространство жизни символами; *коммуникативную*, осуществляя связь времен, поколений, культур.

Данные функции являются интегрирующими индикаторами региональной культуры. Забайкалье – это особый регион, где происходит встреча различных этносов и культур как по крупным цивилизационным моделям (Россия, Китай, Монголия), так и в рамках единой цивилизационной системы (Бурятия Восточного Забайкалья – Монголия – Тибет).

Историкокультурная характеристика знаковых систем представлена историческими процессами, фактами, событиями, происходящими на территории региона. Опыт описания историко-культурного пространства широко представлен забайкальскими исследователями [4; С. 17].

История формирования культуры края с древнейших времен наполнялась семиотическим корпусом знаний. Так, например, известные в истории и археологии артефакты «оленьи камни», скульптура головы медведя, изго-

товленная из позвонка шерстистого носорога, «жезл начальника» из рога оленя, украшенный богатым меандровым орнаментом, являясь памятником культуры забайкальских кроманьонцев, составляют культурные знаки края. Стоянки и могильники, которые являются важным источником изучения того или иного этноса, проливают дополнительный свет на их духовные ценности, различные символы и знаки, отражающие самобытность и «инаковость» различных культур, динамику культурологических событий. Забайкальский «человек культурный» обозначил свое место пребывания стоянками и следами своей хозяйственной деятельности. Современные названия древних стоянок являются семиотическими мостами во времени между культурой древнейших времен и современной культурой. Сегодня они имеют свое название: *Алханай, Дворцы, Титовская сопка, Сухотино, Толбага, Шилкинская пещера, Егоркина гора, поселение у озер Кулькисон и Харга, Кристинкина пещера* и многие другие [6; С. 9].

Знаковым явлением формирования культуры края историки считают процесс создания монгольской государственности, который происходил на территории Юж. Забайкалья и сопредельных районов Монголии. В Забайкалье с того времени осталось немало памятников, связанных с именем Чингисхана (*чаша Чингисхана, миф-легенда о его захоронении в русле реки Онон и т.д.*).

В связи с этим важно отметить, что своеобразием культурной идентификации является ярко выраженная связь с местом жизни, его особенностями, с природой в ее величии и разнообразии. По наблюдениям исследователей, особенно значимо зафиксирована связь человека с природой, ее различными проявлениями и пониманием их для жизни человека, ее мифологизация. Излюбленные природные места отдыха забайкальцев берега Ингоды, Кенона, Арея, Арахлея, гора Алханай и мн. др. – овеяны мифологическими преданиями, дающими надежду на исцеление.

В современном состоянии культуры За-

байкалья большое влияние имеют *языческие верования и традиции* коренных жителей. Язычество, как факт проявления культуры в современной интерпретации, присутствует равно как славянское (вера в заговор, гадания, празднования Святков, Масленицы и др.), так и бурятское, эвенкийское (шаманско-религиозный синкретизм, обоо, тайлаганы, кормление духов). Современное язычество включает в себя поклонение матери-природе, ее силам, единство человека и природы, по сравнению с конфессиональными образованиями, например, с христианством [3; С. 6]. На примере сохранившегося шаманизма можно проследить языческое благоговейное поклонение матери-природе, которое стало знаковым явлением в культуре Сибири и Забайкалья.

К моменту «демократической колонизации» Сибири на этой территории проживали не менее 40 этнических родоплеменных групп. В дальнейшем формированию сибирского этноса, его этнокультуры, способствовала обоюдная социально-экономическая и культурная ассимиляция. В данном случае речь идет о социально-трудовом и культурном сближении русских с аборигенами и наоборот. Этот тип населения региона получил название «русско-сибирский», который обладает региональными физическими и ментальными чертами. Консолидирующей чертой полиэтничной культуры становится взаимная толерантность, религиозный синкретизм, компромиссность.

Формирование культуры Забайкалья проходит через несколько *знаковых этапов*. Ранние упоминания в письменных источниках о земле *Даурской* начинают появляться в первой половине XVII в. Во второй половине XVII в. уже сложилась целая система *острогов*. В 1689 г. подписан Нерчинский договор с Китаем о *территориальном разграничении*; 1708 г. Даурия входит в состав 8 губерний России; 1851 г. – учреждение Забайкальской области, затем 1920-е гг. – ДВР; в 1937 г. – образование Читинской области, и с 2008 г. новое образование – Забайкальский край.

Геокультурная характеристика необхо-

дима для осознания культурного ландшафта региона. Роль гео-, биоклиматической среды играет значительную роль в истории культуры. Изучение археологических открытий дало возможность сделать выводы об основных способах хозяйственной деятельности народов (охота, собирательство, рыболовство), заселявших регион и позволивших выжить в сложных климатических условиях. Необходимо учесть, что формирование поверхности земли, наступление ледников повлекло за собой изменение климата, повлияло на ход развития культуры, а тесное общение с природой, использование её ресурсов привело к адаптации народов, способных *выживать* в суровых условиях. Суровость климата и пространства Сибири научили население ценить общение, взаимопомощь, формировали коллективистские представления, которые стали основой сибирской ментальности. Еще одно меткое наблюдение, сделанное культурологом В.Л. Кургузовым, о влиянии русской зимы и холода на формирование менталитета народа и исторических событий в России [5; С. 18]. Геоприродной особенностью является большое количество солнечных дней в году, поэтому часто можно встретить устойчивое словосочетание – «Солнечное Забайкалье», которое становится образным символом края. Таким образом, природные условия региона «продиктовали» особенности определенных черт культуры, в том числе национальных типов одежды, традиционной пищи и способствовали формированию комплекса символа-знаковых единиц культуры региона.

Значимый семиотический фактор, который будет встречен исследователем культуры Забайкалья – это *народы*, населяющие край. Всего на территории Забайкальского края проживает около 300 этнических представителей. Об особенностях полиэтничности культуры Забайкалья историк М.В. Константинов пишет: «В порядке подтверждения значения понятия «забайкальцы» отметим, что в Забайкалье практически не пользуются словом «сибиряки». Понятие «забайкальцы» не только озна-

чает местожительство в Забайкалье, а забайкальцам присущ особый менталитет, то есть *особо сложившаяся социальная психология...*» [13; С. 387].

Исследователь Н.В. Сверкунова отмечает следующие характерные признаки «сибирства»: гостеприимство, хлебосольство, щедрость, миролюбие, милосердие, религиозность, нравственность, трудолюбие, зажиточность, обилие продуктов питания, чистота и опрятность (причем опрятность – «коренная добродетель сибиряков», чаще всего упоминаемое качество), независимость характера, чувство собственного достоинства, гордость, насмешливость, юмор, хитрость.

Следует отметить, что культурологическое понятие «*этнический характер*» является дополнительным семиотическим, ментальным компонентом идентификации и формирует другой, специфический тип личности забайкальца, но уже с «*сибирским характером*».

Как утверждает Н.В. Сверкунова, «сибирский характер» – индикатор сибирской идентичности в современных условиях, ...это, скорее, не аналог характера землепроходца, а большое слово, полуметафора, фрагмент и недоминирующая переменная, которая вобрала в себя «осколки» типа; о последнем же в наше время речи идти не может: слишком изменилось как население Сибири, так и России; и то, и другое приобрело новые социальные качества, формируемые соответственно новому социальному строю. «Сибирский характер» сегодня выступает символом сибирской самобытности, постепенно исчезающей, – пишет автор [9; С. 321]. С доводом можно отчасти согласиться. Процессы глобализации не миновали Сибири, и Забайкалья, в частности. Поэтому можно отметить, что глобализация и усиление международных миграций привели к увеличению доли смешанных браков и, соответственно, числа людей с двойной или даже множественной идентичностью.

Региональная характеристика культуры будет не полной без человека – творца символов и человека, ставшего символом. *Герои*,

чи имена стали основой духовной составляющей, знаковым семиозисом истории края, её культуры. Имена, которые символизируют историю культуры России и Забайкалья на разных этапах: Чингисхан, Александр Невский, Ермак, протопоп Аввакум, Е. Хабаров, П. Бекетов, Г. Цибилов; имена декабристов (С.Г. Волконский, И.И. Горбачевский, Д.И. Завалишин и др.); каторжан, народовольцев, революционеров, отбывавших ссылку и поселение (Н.Г. Чернышевский, А.А. Костюшко-Григорович, В.К. Курнатовский и др.); имена героев гражданской войны (С. Лазо, П.Н. Журавлев и др.) и ВОВ (П.Г. Карелин, Г.С. Кочетков и др.), героев-современников, участников военных действий в «горячих точках». Именами героев названы объекты культуры, улицы, площади городов региона. Таким образом, народ сохраняет часть своей культуры, память о людях, которые вписали свою страницу в историю края (сравним безликое название «Пятый мик-

рорайон»). Есть и так называемые незримые герои, но их имена «на слуху», они более известны в узких кругах элитарной и интеллигентской культуры – это имена ученых, врачей, учителей, актеров и музыкантов, замечательных хозяйственников. Они скромно участвуют в культурном строительстве, но страна пока «ценит» других героев «звезд шоу-мира».

Таким образом, без осмысления систем семиотического корпуса знаний культуры региона, без изучения их своеобразия невозможен поиск путей социокультурного развития Забайкальского края. Полиэтнический характер формирования культуры Забайкалья становится значимым явлением в общегосударственной культурной политике, наиболее показательным позитивным примером благополучного сосуществования народов, компактно проживающих на территории Забайкалья на современном этапе.

Литература

1. Ассамблея народов Забайкалья [Текст]. – Чита, 2004. – С. 21-22.
2. Балабанов, В.Ф. История земли Даурской [Текст] / В.Ф. Балабанов. – Чита, 2003. – 400 с.
3. Бороноев, А.О. Территориальная ментальность и проблемы социокультурного развития региона [Текст] / А.О. Бороноев // Сибирская ментальность и проблемы социокультурного развития региона. – СПб., 2007. – С. 11.
4. Записки путешественников и исследователей (вторая половина XVII-XVIII вв.) [Текст]. – Новосибирск, 2007. – С. 4-17.
5. Кургузов, В.Л. Теоретические аспекты менталитета и смыслополагание бытия [Текст] // Сибирская ментальность и проблемы социокультурного развития региона. – СПб., 2007. – С. 18.
6. Константинов, А.В. История Забайкалья (с древнейших времен до 1917 года) [Текст] / А.В. Константинов, Н.Н. Константинова и др. – Чита: ЗабГПУ, 2002. – 248 с.
7. Ляпкина, Т.Ф. Архитектоника культурного пространства Восточной Сибири (кон. XVII – нач. XX вв.) [Текст]: автореф. д-ра культурологии / Т.Ф. Ляпкина. – СПб., 2007. – С. 23.
8. Мурзина, И.Я. Феномен региональной культуры: бытие и самопознание [Текст] / И.Я. Мурзина. – Екатеринбург, 2004. – С. 10.
9. Сверкунова, Н.В. Исследование региональной идентичности: исторический аспект [Текст] / Н.В. Сверкунова // Социология и социальная антропология: межвузов. сб.; под. ред. В.Д. Виноградова и В.В. Козловского. – СПб., 1997. – С. 321-327.
10. Соболева, Н.А. Символы России. Очерки истории государственной символики России [Текст] / Н.А. Соболева, В.А. Артамонов. – М., 1993. – С. 6.
11. Страницы древней истории Забайкалья [Текст] / сост. И.Ю. Портнягина. – Чита, 2002.
12. Хоруженко К.М. Культурологический словарь [Текст] / К.М. Хоруженко. – М., 2000. – С. 374.
13. Энциклопедия Забайкалья: Читинская область [Текст]: в 2 т. Т. 2 – Новосибирск, 2004. – С. 387.

Коротко об авторе

Briefly about author

Филиппова Н.П., доцент кафедры социальной антропологии, религиоведения и философии, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
FilippovaNP25@rambler.ru

Filippova N., Assistant Professor of Social Anthropology, Religion Studies and Philosophy Department, Chita State University (ChSU)

Научные интересы: культура и искусство, культура региона, семиотика, символа-знаковые системы в мировой культуре

Scientific interests: culture and art, culture of the region, semiotics, systems of symbols and signs in the world culture

---

Науки о земле

УДК 622.274

Глотов Валерий Васильевич
Glotov Valerie

ОБОСНОВАНИЕ РАЦИОНАЛЬНЫХ РАЗМЕРОВ ШАХТНЫХ ПОЛЕЙ ПРИ РАЗРАБОТКЕ ЖИЛЬНЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ

JUSTIFICATION OF RATIONAL DIMENSIONS OF MINE TAKES DURING VEIN DEPOSITS EXPLOITATION

Предложена методика выбора рациональных размеров шахтных полей при освоении групп жильных месторождений с учетом достоверности подсчета запасов руды и содержания полезного компонента. Для оценки влияния вероятностной характеристики исходных данных на величину определяемого параметра используется метод Монте-Карло. Приводятся два способа определения ошибки подсчета запасов и среднего содержания. По критерию максимизации чистого дисконтированного дохода оцениваются возможные варианты размеров шахтного поля путем поочередного включения в расчеты характеристик периферийных рудных тел или соседних месторождений

There is methods of rational dimensions of mine takes sampling during vein deposits groups exploitation, subject to reliability of ore reserves calculation and effective component content. In order to estimate probabilistic characteristic influence of basic data on quantity of key parameter synthetic sampling (Monte Carlo method) is used. There are two ways of reserves and average content calculation error determination. On basis of net discounted profit maximization there is a "what-if" evaluation of mine takes dimensions by means of by-turn inclusion of peripheral ore bodies characteristics or adjacent deposits into calculations

Ключевые слова: жильное месторождение, шахтное поле, достоверность информации, метод Монте-Карло, чистый дисконтированный доход, амортизация

Key words: vein deposit, mine take, reliable information, Monte-Carlo method, net discount profit, shock-absorption

Характерной особенностью жильных месторождений является их территориальная разбросанность по площади рудного поля (узла). Жилы располагаются отдельными группами или обособленно на определенном расстоянии от основного месторождения. В контурах одного рудного поля могут

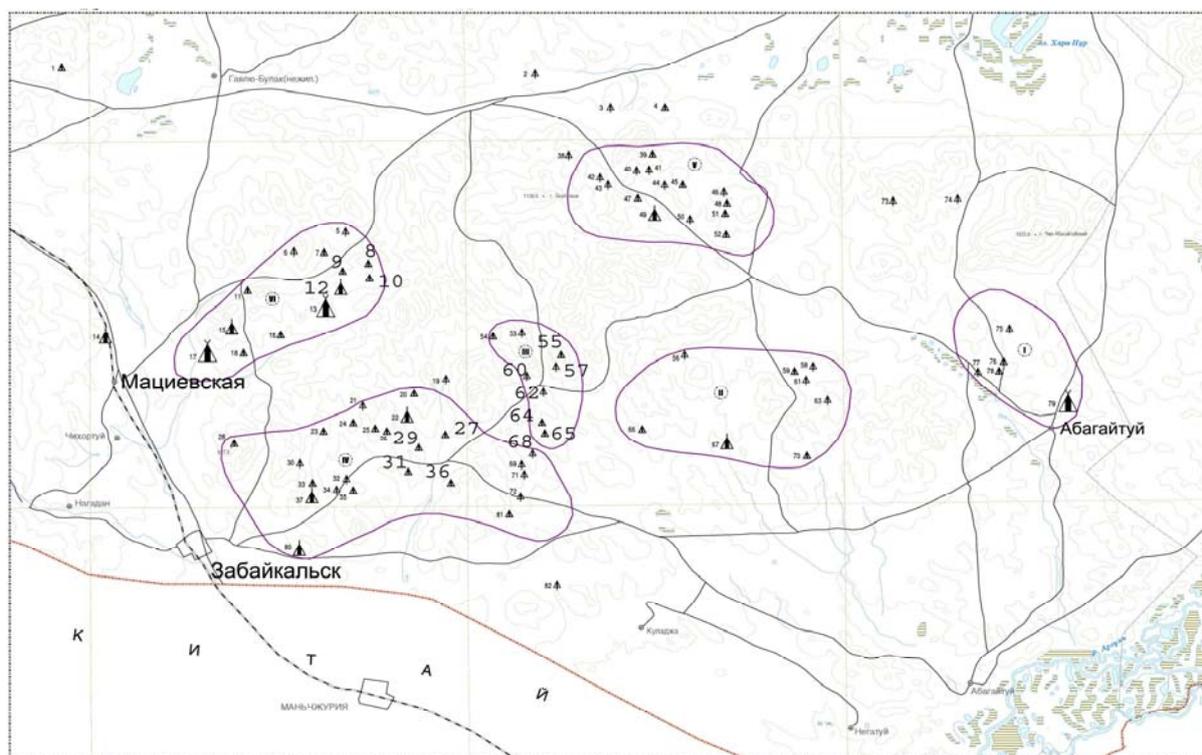
находиться до 15...20 месторождений, расстояние между отдельными жилами варьирует от десятков метров до 1 км и более.

В таких условиях четко ограничить параметры шахтного поля (по условию протяженного безрудного пространства) бывает достаточно сложно. Поэтому на предпроектной

стадии необходимо решить методическую задачу выбора рациональных размеров шахтных полей. Иными словами, из числа отстоящих на расстоянии от главных вскрывающих выработок следует выбрать рудные тела или соседние месторождения, разработка которых дан-

ной шахтой будет считаться целесообразной.

Например, Бугутуро-Абагайтуйский рудный узел на площади 900 км² насчитывает 11 жильных флюоритовых месторождений, 37 рудопроявлений и 34 точки минерализации (рис. 1).

Рис. 1. Схема расположения флюоритовых месторождений Бугутуро-Абагайтуйского рудного узла:

▲ месторождения; ▲ рудопроявления; ▲ пункты минерализации;

8 – Маршрутное, 9 – Зимнее, 10 – Канавное, 12 – Семилетнее месторождение, 27 – Восточно-Бугутурское, 29 – Южно-Бугутурское, 31 – Варнинское, 36 – Таринское, 55 – Капчилское, 57 – Рудопроявление № 6, 60 – Рудопроявление № 3, 62 – Рудопроявление № 5, 64 – Студенческое, 65 – Безымянное, 68 – Северо-Бугутурское

Вопросам выбора рациональных размеров шахтных полей посвящены работы Л.Д. Шевякова, М.И. Агошкова, Н.А. Старикова, А.С. Воронюка, А.Н. Инфантьева, В.А. Шестакова и других ученых.

В одном случае параметры шахтных полей принимаются исходя из предположения, что рудные залежи имеют относительно

сплошной характер распространения, а следовательно, размеры принимаются в соответствии с параметрами месторождения [1, 2].

В работах [3, 4] предлагается применять аналитические методы расчета, используя в качестве критериев оценки минимум себестоимости добычи руды, минимум приведенных затрат на 1 т добытой руды и максимум

суммы дисконтированной прибыли за вычетом предварительных затрат на строительство предприятия.

Предлагаемые методики не учитывают принципиальные особенности жилых месторождений – пространственную разобщенность и низкую достоверность информации о запасах руды и содержании полезного ископаемого по отдельным рудным телам. Кроме этого, предложенные критерии оценки не соответствуют современным требованиям рыночной экономики.

Запасы месторождения и среднее содержание полезного компонента являются величинами случайными и степень их отклонения от параметров, принятых в расчетах, зависит от категории разведанности (преимущественно C_1 , C_2), а также количества наблюдений в пределах участка недр. Вследствие этого имеет место риск неподтверждения геологических данных и в результате – возможность ошибки подсчета ЧДД.

Для определения влияния вероятностной характеристики исходных данных на показатели принимаемых проектных решений используется метод Монте-Карло.

Метод Монте-Карло – это численный метод решения математических задач при помощи моделирования случайных величин. При этом методе исходные параметры проекта рассматриваются как случайные величины, характеризующие непрерывными распределениями заданного вида (нормальные, логнормальные и др.) с соответствующими средними и дисперсиями.

По этим распределениям производится случайная автоматизированная выборка значений и соответствующих вероятностей каждого параметра [5]. Количество сценариев при этом ничем не лимитируется и может быть доведено до нескольких тысяч, что позволяет получать представительные распределения итоговых показателей и уверенно решать по этим распределениям задачу оценки вероятности их критических значений.

Метод Монте-Карло характеризуется

следующими этапами:

– задаются распределения вероятности значений исходных параметров;

– из соответствующих распределений вероятностей каждого исходного параметра случайным образом выбираются значения для каждой переменной, совокупность которых используется для расчета критериев эффективности. Такой выбор осуществляется с использованием компьютерной технологии и повторяется много раз.

В теории вероятности доказано, что сумма различных независимых случайных слагаемых (независимо от закона распределения) оказывается случайной величиной, распределенной согласно нормальному закону (центральная предельная теорема). Поэтому нормальное распределение хорошо моделирует самый широкий круг явлений, для которых известно, что на них влияют несколько независимых случайных факторов [6].

Многочисленные исследования показывают, что ошибки подсчета запасов руды и среднего содержания подчиняются закону распределения, близкого к нормальному. Для генерации случайных чисел можно использовать инструмент «Генерация случайных чисел» (пакет анализа программы Excel).

В зависимости от характеристики объекта возможны два способа моделирования случайных величин.

Первый способ. При помощи ошибки подсчета запасов определяется размах вариации содержания полезного компонента в пробе:

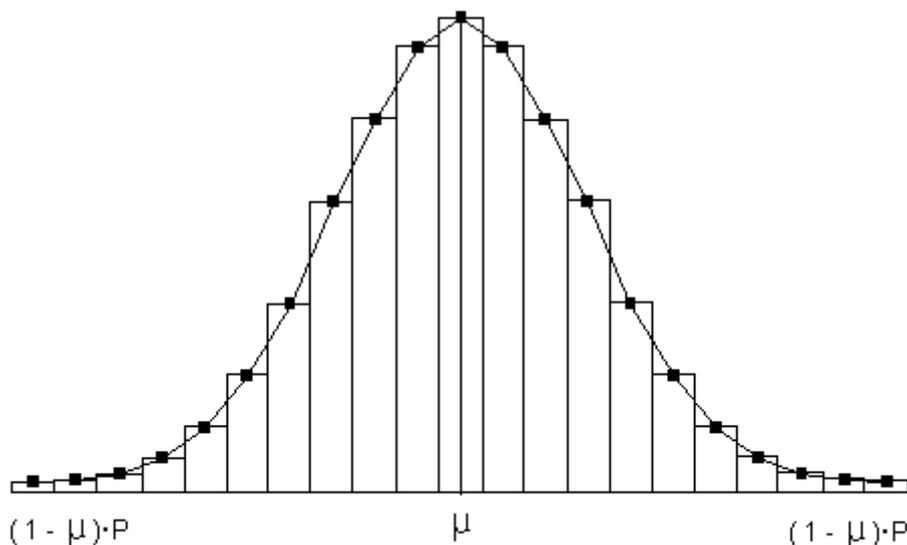
$$R = (\mu + P \cdot \mu) - (\mu - P \cdot \mu), \quad [1]$$

где R – размах вариации; P – ошибка подсчета запасов; μ – математическое ожидание.

Для нормального распределения существует взаимосвязь между среднеквадратическим отклонением и числом наблюдений – вероятность попадания случайной величины в интервал $\mu \pm 3\sigma$ равна 0,997 (правило «трех сигм»), отсюда $R \approx 6\sigma$. Определив среднеквадратическое отклонение (σ) и подставив значение математического ожидания (среднее со-

держание или запасы) в диалоговое окно «Генерация случайных чисел», генерируем случайную величину. Гистограмма плотности ве-

роятности распределения среднего содержания изображена на рис. 2.

Рис. 2. Плотность вероятности распределения среднего содержания

Второй способ имеет более высокую надежность, однако для его применения необходимо накопить большой объем статистической информации по сопоставлению результатов разведки и эксплуатации жильных месторождений со сходными горно-геологическими условиями. Сопоставление результатов отражается коэффициентом достоверности (K_d)

$$K_d = \frac{C_z}{C_p}, \quad [2]$$

где C_z и C_p – соответственно показатели (среднее содержание, запасы руды), полученные по результатам отработки рудного тела (погашенные запасы) и по данным разведки.

Подставляя в диалоговое окно «Генерация случайных чисел» среднеарифметическое и среднеквадратическое отклонения K_d , можно смоделировать его случайную величину.

Относительный риск неподтверждения запасов (r_z) и среднего содержания полезного компонента (r_c) определяются из выражений:

$$r_z = \frac{\sigma_z}{\mu_z}; \quad r_c = \frac{\sigma_c}{\mu_c}, \quad [3,4]$$

где σ_z и σ_c – среднеквадратические отклонения соответственно запасов и среднего содержания;

μ_z и μ_c – математические ожидания соответственно запасов руды и среднего содержания полезного компонента.

Сущность разработанной методики заключается в следующем. В соответствии с имеющейся геологической информацией по известным методикам (акад. Л.Д. Шевякова *Нормы технологического проектирования Гипроцветмет*), а также с учетом рационального места расположения промышленной площадки, безопасности проведения горнокапитальных выработок, экологических требований выбирают место расположения главных вскрывающих выработок.

По критерию $ЧДД_{\text{шх.поле}}$ оцениваются возможные варианты разработки жильного месторождения с поочередным включением в расчеты характеристик периферийных рудных тел или соседних месторождений (р). При варианте с отрицательным значением $ЧДД_{\text{шх.поле}}$

рудное тело исключается из контуров шахтного поля, т.е. должно соблюдаться следующее условие:

$$\begin{aligned} ЧДД_{\text{шх.поля}} &= ЧДД_{p.m.(mm) 1} + ЧДД_{p.m.(mm) 2} + \dots + \\ ЧДД_{p.m.(mm) n} &> 0, \end{aligned} \quad [5]$$

$$\begin{aligned} ЧДД_{p.m.(m.m)} &= \sum_{t=0}^T \frac{1}{(1+E+r_c+r_s)^t} \{ (A_{r,t} C_t \varepsilon \Pi + AM_t + AO_t) - A_{r,t} (C_{\text{доб}} + C_{\text{пер}} + \\ &+ C_{\text{адм}} + C_{\text{пров}} + C_{\text{тр.подз}} l_{\text{подз}} + C_{\text{тр.нов}} l_{\text{нов}} + C_{\text{под}} \sum l_{\Pi}) - H \} - \frac{K_{\text{от}}}{(1+E)^t}, \end{aligned} \quad [6]$$

где t – год отработки рудного тела (месторождения), год;

T – срок отработки рудного тела (месторождения), лет;

$A_{r,t}$ – годовой объем добычи руды из рудного тела (месторождения) в t -м году, т/год;

C_t – среднее содержание полезного компонента в эксплуатационных запасах отдаленного рудного тела (месторождения) разрабатываемого в t -м году, дол. ед.;

ε – коэффициент извлечения полезного компонента при обогащении руды, дол. ед.;

Π – цена за 1 единицу готовой продукции, р.;

AM_t и AO_t – амортизационные отчисления в t -м году от эксплуатации соответственно специализированных основных фондов и горнотехнического оборудования, р/год;

$C_{\text{доб}}$, $C_{\text{пер}}$, $C_{\text{адм}}$, $C_{\text{пров}}$ – соответственно эксплуатационные затраты на добычу, переработку руды, административные расходы, проветривание шахты, р/т;

$C_{\text{тр.подз}}$ – соответственно эксплуатационные затраты на поддержание 1 км горной выработки в год, р/км·год;

$L_{\text{подз}}$, $L_{\text{нов}}$ – соответственно расстояние транспортирования руды под землей и на поверхности, км;

$\sum L_n$ – суммарная протяженность поддерживаемых горных выработок в году, км; H – доля налогов, взимаемых с предприятия при разра-

$ЧДД_{p.m.(m.m)}$ от разработки периферийного рудного тела или соседнего месторождения с учетом риска определяется по формуле

ботке отдаленных рудных (месторождений), р.;
 $K_{\text{от}}$ – дополнительные капитальные затраты на вскрытие и эксплуатацию отдаленных рудных тел (месторождений), р.

Амортизационные отчисления от эксплуатации специализированных основных фондов (AM) рассчитываются по потонной ставке исходя из погашенных запасов отдельного рудного тела или соседнего месторождения. Для t -го года определится по формуле

$$AM_t = \frac{\left(\Phi_p - \sum_{t=1}^T AM_{t-1} \right) A_{r,t-1}}{Q_{\text{ноз}} - \sum_{t=1}^T A_{r,t-1}}, \quad [7]$$

где Φ_p – стоимость специализированных основных фондов, обслуживающих запасы отдаленного рудного тела или соседнего месторождения, р.;

$Q_{\text{ноз}}$ – погашенные запасы отдельного рудного тела (месторождения), т.

Амортизационные отчисления от эксплуатации горнотехнического оборудования (AO) рассчитываются по усредненной норме амортизации на технические средства, задействованные на разработке отдаленных рудных тел или соседних месторождений.

Определится по формуле

$$AO_t = \frac{\left(\Phi_{\text{об}} - \sum_{t=1}^T AO_{t-1} \right) N_{\text{об}}}{100}, \quad [8]$$

где $\Phi_{\text{об}}$ – балансовая стоимость горного обо-

рудования, обслуживающего отдельное рудное тело или соседнее маломасштабное месторождение, р.;

$N_{об}$ – усредненная норма амортизации горного оборудования, %.

Срок отработки определится по формуле

$$T = \frac{Q_n \cdot K_u}{A_r \left(1 - \frac{P}{100}\right)}, \quad [9]$$

где Q_n – промышленные запасы отдаленного рудного тела или соседнего месторождения, т;

K_u – коэффициент извлечения полезного ископаемого из недр, доли ед.;

P – разубоживание руды, %.

С помощью предложенной методики решены задачи выбора рациональных размеров шахтных полей для пяти соседних жильных флюоритовых месторождений Бугутуро-Абагайтуйского рудного узла (Ново-Бугутурское, Южно-Бугутурское, Рудопоявление № 3, Южное и Семилетнее). Исходные данные для расчета ЧДД (капитальные затраты и производственные расходы) приняты на основе прямого счета, а также из проектов (ТЭО) на разработку месторождений и проектов с аналогичными условиями эксплуатации.

Жильное месторождение Бедное находится в 1,5 км к западу от Ново-Бугутурского месторождения. Месторождение залегает в гранитах каменноугольного возраста и только на самом северном фланге – на контакте гранитов с базальтовыми порфиридами верхней юры. Рудовмещающей структурой является тектоническая зона северо-восточного (40-45 °) простирания, которая вмещает кварц-флюоритовую жилу.

Центральная часть жилы имеет субмеридиональное простирание, в ней отмечается повышенная концентрация фтористого кальция. Эта часть жилы принимается за основное рудное тело, протяженность его по простира-

нию с учетом экстраполяции 140 м, средняя мощность за вычетом блока некондиционных руд составляет 1,85 м. От описанной жилы отходит ее северо-западная апофиза. Простирание ее северо-восточное 15 °, падение юго-восточное крутое, прослеженная длина составляет 90 м, мощность колеблется 0,3...1,29 м.

Содержание фтористого кальция в жиле и ее апофизе колеблется 3...71,76 %. Флюорит средне-кристаллический, фиолетового и зеленого цвета. Текстура руд брекчиевидная, прожилковая, вкрапленная, реже кокардовая.

В соответствии с оценочными условиями представляется возможным выделить 5 рудных тел, имеющих различные параметры и степень проявления флюоритовой минерализации. Среднее содержание фтористого кальция – 38,59 %, запасы – 52917 тыс. т, в минерале – 20420 т.

По результатам имитационного моделирования, математическое ожидание запасов руды составило $\mu_3 = 52,9$ тыс. т, среднего содержания $\mu_c = 38,6$ %. Среднеквадратическое отклонение запасов руды $\sigma_3 = 3,71$ тыс. т и среднего содержания $\sigma_c = 0,045$ %.

Относительная величина риска неподтверждения запасов составляет

$$r_3 = \frac{3,71}{52,9} = 0,07 \text{ и среднего содержания}$$

$$r_3 = \frac{0,045}{38,6} = 0,001.$$

ЧДД, рассчитанный по формуле (5), от включения в шахтное поле Ново-Бугутурского месторождения, месторождения Бедное, имеет положительное значение ($ЧДД_{\text{шах поле}} = 2191,0$ тыс. р.). Это свидетельствует об эффективности разработки месторождения Бедное совместно с Ново-Бугутурским.

Расчеты, выполненные по другим объектам, представлены в таблице.

Оценка принадлежности отдельных рудных тел
и жильных месторождений к основным объектам

Основное месторождение	Соседние жильные месторождения, отдаленные рудные тела	Значение ЧДД _{шх} поле, с учетом риска, тыс. р.	Принадлежность к основному объекту
Ново-Бугутурское	Бедное	2191	Входит
	Правобережное	-1905	Не входит
	п. Бугутур	-1919	Не входит
Южно-Бугутурское	Восточно-бугутурское	3234	Входит
	Варнинское	-2552	Не входит
Рудопроявление № 3 и Южное	Проявление № 5	2186	Входит
	Проявление № 6	-934	Не входит
	Капчилское	4664	Входит
Семилетнее	Зимнее	1747	Входит
	Маршрутное	-1383	Не входит
	Канавное	-1473	Не входит

Литература

1. Стариков, Н.А. Вскрытие рудных месторождений: учебник [Текст] / Н.А. Стариков. – Свердловск: ГНТИ литературы по черной и цветной металлургии, 1957. – 349 с.
2. Титов, В.Д. Вскрытие рудных месторождений: учебник [Текст] / В.Д. Титов. – М.: ГНТИ Литературы по горному делу, 1961. – 283 с.
3. Зурабишвили, И.И. Оптимизация вскрытия и подготовки пологих рудных залежей [Текст] / И.И. Зурабишвили, Л.Б. Микадзе. – М.: Недра, 1983. – 184 с.
4. Шестаков, В.А. Проектирование горных предприятий: учебник [Текст] / В.А. Шестаков. – М.: Горная книга, 2003. – 795 с.
5. Карасев, А.И. Теория вероятностей и математическая статистика / А.И. Карасев. – М.: Статистика, 1979. – 279 с.
6. Леман, Э.Л. Проверка статистических гипотез [Текст] / Э.Л. Леман. – М.: Статистика, 1979. – 258 с.

Коротко об авторе

Briefly about author

Глотов В.В., канд. техн. наук, доцент, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
valglo@yandex.ru

Glotov V., Ph. D. (Engineering), Assistant Professor, Chita State University (ChSU)

Научные интересы: исследования в области обоснования горно-технологических параметров и рациональных технологий разработки жильных месторождений полезных ископаемых

Scientific interests: research in a field of mining and technological parameters and rational technologies of vein mining

УДК 622.831

Лизункин Михаил Владимирович
Lizunkin Michael

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ
(ПРИРОДНЫХ) НАПРЯЖЕНИЙ ГОРНОГО
МАССИВА БОМ-ГОРХОНСКОГО
ВОЛЬФРАМОВОГО МЕСТОРОЖДЕНИЯ**

**DETERMINATION OF BASE (NATURAL)
MOUNTAIN RANGE STRESSES OF
BOM-GORKHONSKOYE TUNGSTEN DEPOSIT**

Приведены результаты натурных измерений первоначальных (природных) напряжений массива горных пород Бом-Горхонского вольфрамового месторождения, которые можно использовать на предприятии при решении геомеханических и горнотехнологических задач

The article cites results of full-sized measurement of base (natural) stresses of Bom-Gorkhonskoye tungsten deposit mountain range rocks which could be used in plant under geomechanical and mining and technological problems solving

Ключевые слова: вертикальное напряжение, горизонтальное продольное напряжение, горизонтальное поперечное напряжение, горный массив, квершлаг, метод щелевой разгрузки, напряжение на стенках выработок, первоначальное (природное) напряжение горного массива, штрек

Key words: vertical strain, horizontal longitudinal stress, horizontal lateral stress, mountain range, crosscut, slit unloading method, stress on excavation walls, base (natural) mountain range stress, drift

Для обеспечения безопасного и эффективного ведения горных работ при разработке рудных месторождений требуются знания первоначальных (природных) напряжений горного массива, на основании которых определяют параметры конструктивных элементов систем разработки и крепления горных выработок [1].

Рудные тела Бом-Горхонского вольфрамового месторождения представлены кварц-гюбнеритовыми жилами. Почти 80 % запасов сосредоточено в жиле № 1 и ее смещенной тектоническим нарушением части – жиле 1/16. Вмещающие породы – крупнозернистые порфиоровидные биотитовые граниты.

Морфология жилы изменчивая, характе-

ризуется чередованием раздувов и пережимов и осложняется возле тектонических нарушений. В большинстве случаев около них или вблизи жила резко меняет направление, мощность или выклинивается. Нередко от жилы отходят апофизы под острым углом. Средняя мощность рудного тела равна 1,1 м, в раздувах достигает 2,5...6,0 м, в пережимах 0,05...0,2 м. Угол падения изменчив и варьирует 6...50 ° (в среднем 18...20 °).

Крепость руды и пород по шкале профессора М.М. Протодьяконова колеблется 10...16. Плотность руды и породы составляет в целике 2,7 т/м³, в разрыхленном состоянии 1,73 т/м³, влажность 2,9 %. Предел прочности руды и пород изменяется при сжатии

92,8...130,5 МПа, при растяжении – 6,1...7,7 МПа. Скорость продольных волн варьирует 4130...4590 м/с, модуль упругости – 39,6...48,9 ГПа, коэффициент Пуассона – 0,22...0,26. В целом, руды и вмещающие породы прочные, упругие (жесткие), различие их физико-механических свойств имеет место из-за минералогического состава, трещиноватости и структуры.

Вмещающие породы являются достаточно устойчивыми, не склонными к горным ударам, так как позволяют большую часть выработок проходить без крепления, кроме мест вблизи крупных тектонических трещин. Мелкие трещины шириной от нескольких мм до 0,08...0,15 мм разбивают породы на блоки, расстояние между которыми 0,3...0,5 м, т.е. 2...3 трещины на 1 м погонной длины. Они заполнены чаще супесчано-глинистым материалом, крупные открыты или частично заполнены глиноземом. Смещения рудных тел от последних, с точки зрения технологии очистной выемки, не существенны. Они представляют опасность, когда нарушают непосредственную кровлю, представленную слоистыми слабо-трещиноватыми гранитами, залегающими согласно с жилой. В этом случае возможны крупные вывалы с висячего бока в форме свода на высоту до 1,5...2 м, а при больших обнажениях – до 3...5 м [2].

Измерения (в измерениях участвовали Р.В. Ситников и Е.Н. Чо-дин-чо) напряжений горных пород производили методом щелевой разгрузки по методике Института горного дела УрО РАН РФ [1]. Оценка действующего напряжения в элементе массива осуществлялась путем изменения его напряженного состояния проходкой щели и измерения при этом соответствующих реакций в виде деформаций распорных реперов, установленных перпендикулярно этой щели.

Напряжения определяли в породах и руде жил № 1 и 1/16. По жиле № 1 измерения проводили в штреках 1 (гор. 1080 м), 1, 14 (гор. 1110 м), по жиле 1/16 – в квершлагах 1 и штреке 7 (гор. 1110 м). Глубина разработки составила 100 м. Рельеф земной поверхности – гористый.

Шпуров для установки распорных реперов бурили электроперфоратором глубиной 50 мм, диаметром 10 мм. В качестве реперов использовали металлические анкерные болты. Разгрузочные щели пропиливали ручной дисковой алмазной пилой диаметром 250 мм, шириной 3 мм и глубиной 50 мм. Расстояние между реперами определяли микрометром с точностью $1 \cdot 10^{-2}$ мм. Всего проведено 44 измерения в 44 разгрузочных щелях.

По данным измерений расчетным путем установлены 288 значений напряжений, в т.ч. действующих вертикально (144 определения), по простиранию, т.е. продольные напряжения (72 определения) и вкрест простирания – поперечные напряжения (72 определения). Средние значения первоначальных напряжений (вертикальное, продольное, поперечное) представлены в таблице.

Анализ результатов полученных напряжений массива горных пород позволяет отметить следующее.

На замерных участках получен разброс данных измерений, а следовательно, и расчетных напряжений в массиве горных пород. Неравномерность распределения напряжений в массиве, очевидно, обусловлена сложной тектонической структурой, в частности, блочностью пород, ограниченной системами трещин и нарушений. В различных структурных блоках на стенках выработок измерялись как сжимающие напряжения в пределах -1,5...-13,8 МПа, так и растягивающие напряжения в диапазоне 1,5...2,0 МПа.

Результаты натурных измерений напряжений массива
горных пород Бом-Горхонского месторождения

Напряжение	Глубина разработки	Теоретическое напряжение (по гипотезе А. Гейма), Мпа	Результаты натурных измерений напряжений горного массива			
			Число единичных определений напряжения	Напряжение, Мпа	Отношение продольного напряжения к вертикальному $\sigma_{пр} / \sigma_v$	Отношение поперечного на- пряжения к вертикальному $\sigma_{п} / \sigma_v$
Жилы № 1 и 1/16						
Вертикальное	100	-2,7	144	-3,0±0,3		
Продольное		-2,7	72	-4,4±1,0	1,46	1,63
Поперечное		-2,7	72	-4,9±0,7		

Фактические первоначальные напряжения массива горных пород отличаются от теоретических (по А. Гейму), за исключением вертикального напряжения, которое примерно равно гравитационному напряжению от массы налегающих пород (измеренное напряжение составляет 1,1 теоретического значения).

Наибольшее значение имеет горизонтальное напряжение, направленное вкрест простирания рудного тела (поперечное). Оно в 1,63 раза превышает вертикальное напряжение. Это можно объяснить наличием в горном массиве значительных напряжений тектонического происхождения. Горизонтальное напря-

жение, направленное по простиранию рудного тела (продольное), больше вертикального в 1,46 раза, что также подтверждает наличие напряжений тектонического характера.

На Бом-Горхонском вольфрамовом месторождении фактические первоначальные напряжения массива горных пород получены впервые. Установленные величины этих напряжений для глубины разработки 100 м рекомендуется использовать на производстве для решения вопросов расчета конструктивных параметров систем разработки, управления горным давлением и других геомеханических и горнотехнологических задач.

Литература

1. Влох, Н.П. Управление горным давлением на подземных рудниках [Текст] / Н.П. Влох. – М.: Недра, 1994. – 208 с.

2. Лизункин, В.М. Горно-геологические и горнотехнические особенности условий эксплуатации Бом-Горхонского вольфрамового место-

рождения [Текст] / В.М. Лизункин, Е.Н. Чо-дин-чо, М.В. Лизункин, Р.В. Ситников // VII Всероссийская научно-практическая конференция «Кулагинские чтения»: материалы конференции. – Чита: ЧитГУ, 2007. – Ч. 1. – С. 115-119.

Коротко об авторе

Лизункин М.В., аспирант, Институт природных ресурсов, экологии и криологии Сибирского Отделения Российской Академии наук (ИПРЭК СО РАН)
служ. тел.: 89144722025

Научные интересы: геотехнология (подземная) рудных месторождений

Briefly about author

Lizunkin M., graduate, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences(INREC SB RAS)

Scientific interests : geotechnology (underground) of ore deposits

---

УДК 622.258:622.232.83

Овсейчук Василий Афанасьевич
Ovsichuk Vasily

Алексеев Олег Николаевич
Alekseev Oleg

**РАЗРАБОТКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДЕШЕВОЙ
УЗКОЗАХВАТНОЙ ЭЛЕКТРОГИДРАВЛИЧЕСКОЙ
ПОГРУЗОДОСТАВОЧНОЙ МАШИНЫ ДЛЯ
ОТРАБОТКИ МАЛОМОЩНЫХ РУДНЫХ ТЕЛ**

**DEVELOPMENT OF DOMESTIC CHEAP
NARROW-CUT ELECTROHYDRAULIC
LOADER FOR SHALLOW ORE BODIES**

Рассмотрен вопрос разработки отечественной малогабаритной погрузо-доставочной машины с электрогидравлическим приводом

The issue of development of domestic compact loader with electrohydraulic drive is considered

Ключевые слова: добыча руды, погрузо-доставочная машина, электрогидравлический привод

Key words: extraction of ore, loader, electrohydraulic drive

Предприятие ОАО «Приаргунское производственное горно-химическое объединение» (ППГХО) ведет добычу урановой руды подземным способом. Широко применяемая на рудниках ОАО «ППГХО» технология добычи руды, основанная на применении нисходящей слоевой выемки с закладкой выработанного пространства твердеющей смесью, характеризуется высокой себестоимостью, так как затраты на закладку выработанного пространства составляют 45 % и более от общих затрат на ведение очистных работ. Кроме этого, применяемая при погрузо-доставочных работах техника отечественного производства не позволяет снизить разубожи-

вание при отбойке маломощных урановых жил, что также ведет к удорожанию затрат на производство концентрата природного урана.

Существуют зарубежные аналоги малогабаритной погрузо-доставочной техники с электрогидравлическим приводом, позволяющие отрабатывать маломощные рудные тела с минимальным разубоживанием. Проблема состоит в том, что стоимость данной техники очень высока, а обслуживание ее требует создания специальных центров и привлечения высококвалифицированных зарубежных специалистов. Приобретение запасных частей для ремонта данной техники также сопряжено с высокими затратами. Все это с учетом неста-

бильной экономики государства, невысокими доходами горных предприятий приводит к тому, что предприятия не в состоянии приобрести дорогую зарубежную технику, а зачастую даже приобретая такую технику, они не могут обеспечить ее квалифицированное обслуживание и ремонт.

Поэтому возникла насущная научно-техническая задача разработки современной

дешевой узкозахватной погрузо-доставочной машины (ПДМ) отечественного производства для ведения очистных работ по выемке мало-мощных изменчивых как по простиранию, так и по восстанию рудных тел.

Наиболее близким зарубежным прототипом такой машины является ПДМ «Microscop 100E» фирмы Сандвик Тамрок (Финляндия) (рис. 1).

Рис. 1. Отгрузка руды из забоя погрузочно-доставочной машиной «Microscop 100E» в блоке 5-529

При создании отечественной малогабаритной ПДМ в основу была положена конструкция электрогидравлической отечественной машины ПД-2Э, разработанная специалистами НИПИГормаш и «ППГХО». Специалистами ППГХО в период 2004-2007 гг. разработана и спроектирована новая узкозахватная электрогидравлическая ПДМ ПД-1Э (рис. 2) шарнирно-сочлененного типа, мало уступающая по своим

параметрам зарубежным аналогам. Опытный образец изготовлен в 2007 г. на ремонтно-механическом заводе ППГХО. Первые испытания, проведенные на руднике «Глубокий», выявили ряд недостатков, которые в течение 2008 г. были устранены. В настоящее время ПДМ проходит промышленные испытания, по окончании которых в 2009 г. машина будет запущена в серию.

Рис. 2. Погрузочно-доставочная машина ПД-1Э

Новые технические подходы при разработке и проектировании отечественной малогабаритной ПДМ ПД-1Э состоят в следующем:

1) система управления машиной ПД-1Э (движение «вперед-назад», остановка) механическое – педалями (газ, сцепление, тормоз) и рычагом переключения; у «Microscop-100E» через систему рычагов – одной pedalью с использованием гидрораспределительной сис-

темы. Другими словами, у ПД-1Э – механическая коробка передач, у «Microscop-100E» – автоматическая. Поскольку при уборке породы коробка передач ПДМ испытывает значительные нагрузки и даже перегрузки, то механика работает значительно надежнее, чем автоматика. Это наглядно демонстрируется опытом эксплуатации автомобилей: в городском режиме автомат проще, в режиме бездорожья –

автоматика дает сбой вплоть до выхода из строя, а механика надежно обеспечивает необходимые режимы движения;

2) компоновка узлов и агрегатов в моторной тележке ПД-1Э обеспечивает доступность силовой установки, гидросистемы, трансмиссии для проведения диагностических и ремонтных работ. Чтобы добраться до раздаточного редуктора на ПДМ «Microcoop-100E», необходимо демонтировать пульт управления;

3) передача от электродвигателя к редуктору насосов у ПДМ ПД-1Э – единый механический комплекс без переходных муфт, обеспечивающий высокую надежность работы силового агрегата; у «Microcoop-100E» – ре-

менная передача, что при высоких нагрузках зачастую приводит к обрыву ремня.

Исходя из этого, система управления ПД-1Э имеет ряд преимуществ перед ПДМ «Microcoop-100E:

- удобство управления;
- ремонтпригодность (простое обслуживание);
- надежность (меньшая вероятность отказа).

Данные конструктивные новшества отличают новую ПДМ как от «Microcoop 100E», так и от ПД-2Э.

Сравнительные характеристики узкозахватных ПДМ зарубежного и отечественного производства приведены в таблице.

Краткие технико-экономические характеристики погрузочно-доставочной машины, предлагаемой для отработки маломощных урановых тел

№ п/п	Наименование параметра	Ед. измер.	ПД-1Э	«Microcoop 100E»
1	Тип двигателя			
1.1	<i>электрический</i>	марка	4A180M4УЗ	-
2	Мощность двигателя	кВт	30	Не менее 30
3	Геометрические параметры:			
3.1	<i>длина</i>	мм	4710	4597
3.2	<i>ширина</i>	мм	1000	1050
3.3	<i>высота</i>	мм	1950	1939
4	Емкость ковша	м ³	0,52	0,54
5	Масса			
5.1	<i>порожняя</i>	кг	2950	3040
5.2	<i>груженная</i>	кг	3950	4040
6	Ходовые характеристики:			
6.1	<i>скорость передвижения машины</i>	м/с	2,06	2,36
6.2	<i>радиус поворота (наружный)</i>	мм	3250	3375
6.3	<i>максимально преодолеваемый уклон</i>	град	15	15
7	Длина электрокабеля	м	100	100
8	Техническая производительность при длине доставки 100 м	т/ч	8,0	11
9	Стоимость производства 1 ПДМ (цена с учетом доставки)	тыс. руб.	890	5374
10	Стоимость 1 ремкомплекта запасных частей в расчете на 1 год	тыс. руб.	21,2	99,7

Окончание таблицы

№ п/п	Наименование параметра	Ед. измер.	ПД-1Э	«Microscop 100E»
11	Эксплуатационные затраты на обслуживание 1 ПДМ в расчете на 1 год	тыс. руб.	347,5	358,7
12	Годовая производительность	т	24173	33210

Таким образом, для выполнения равного объема отгрузки горнорудной массы в течение 1 года необходимо вместо 1 ПДМ «Microscop 100E» использовать 1,37 ПД-1Э. При этом годовой экономический эффект от внедрения в

производство ПД-1Э составит 900 тыс. руб. за счет более низкой себестоимости производства самой машины, комплекта запасных частей и меньших эксплуатационных расходов.

Литература

1. Бегляров, М.А. Техническое перевооружение подземных рудников Джезказгана [Текст] / М.А. Бегляров, Ю.Н. Литвинов, В.Г. Аваляян // Горн. журн. – 2005. – № 5. – С. 29-32.

2. Липовой, А.И. Ковшовые погрузочно-доставочные машины на подземных рудниках

[Текст] / А.И. Липовой. – М.: Недра, 1988. – 200 с.

3. Правила технической эксплуатации рудников, приисков и шахт, разрабатывающих месторождения цветных, редких и драгоценных металлов [Текст]. – М.: Недра, 1980. – 257 с.

Коротко об авторах

Briefly about authors

Овсейчук В.А., д-р техн. наук, профессор, Читинский государственный университет (ЧитГУ), ведущий научный сотрудник Читинского института природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН
MKS3115637@yandex.ru

Ovseichuk V., Dr. Sc. (Engineering), Full Professor, Chita State University (ChSU), leading researcher of Chita Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, SB RAS

Научные интересы: геология, геотехнология урановых месторождений, охрана окружающей среды, радиационная безопасность

Scientific interests: geology, geotechnology of uranium deposits, environment protection, radiation safety

Алексеев О.Н., аспирант, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
служ. тел. 8-302-45-30-2-32

Alekseyev O., graduate, Chita State University (ChSU)

Научные интересы: горное машиностроение, радиационная безопасность

Scientific interests: mining mechanical engineering, radiation safety

УДК 549.082.537.553.4

Романов Валерий Григорьевич
Romanov Valery

**ОБОСНОВАНИЕ КРИТЕРИЕВ РАЗЛИЧИЯ ПИРИТОВ
ОСАДОЧНО-ДИАГЕНЕТИЧЕСКОГО
И ГИДРОТЕРМАЛЬНОГО ГЕНЕЗИСА**

**GROUND OF SULPHUR-ORE OF SEDIMENTARY-
DIAGENETIC AND HYDROTHERMAL GENESIS TEST
OF DIFFERENCIES**

Изложена методика выявления критериев различия пиритов осадочно-диагенетического и гидротермального генезиса на основе экспрессного измерения температурной зависимости термоЭДС пирита, обоснованы критериальные параметры для этой цели. Методика может способствовать объективной разбраковке участков осадочно-диагенетической и гидротермальной пиритовой минерализации и способствовать поиску участков подпитки золотоносных россыпей

There is the revelation methods of differencies test of sedimentary-diagenetic and hydrothermal genesis on basis of express taking of thermo e.m.f. sulphur-ore temperature dependence. Criteria parameters meant for this purpose are substantiated. The methods can be useful for objective grading of sedimentary-diagenetic and hydrothermal pyrite mineralization areas and facilitates the searching of areas of auriferous placers replenishment

Ключевые слова: пирит, генезис, осадочно-диагенетический, гидротермальный, температурная зависимость термоЭДС

Key words: sulphur-ore, genesis, sedimentary-diagenetic, hydrothermal, temperature dependence of thermo e.m.f.

В практике геолого-минералогических исследований часто возникает задача дифференциации одних и тех же минералов, образовавшихся в различных условиях. В частности, выявление критериев генетических различий пиритов может способствовать объективной разбраковке участков осадочно-диагенетической и гидротермальной пиритовой минерализации, и тем самым способствовать поиску участков подпитки золотоносных россыпей. Использование для этой цели минералогических критериев не всегда эффек-

тивно, а часто и невыполнимо, так как пириты обоих генетических типов могут присутствовать совместно в отложениях золотоносных россыпей.

В статье рассматривается методика выявления критериев различия пиритов осадочно-диагенетического и гидротермального генезиса на основе экспрессного измерения интегральной температурной зависимости термоЭДС пирита и определения критериальных параметров для этой цели.

Задача решалась на образцах пород Бе-

релёхского золотоносного района Магаданской области, детально опосредованного на рудное и россыпное золото. Золоторудные проявления и месторождения располагаются в бортах и на водоразделах притоков р. Берелёх и, по мнению многих исследователей, являются источниками питания этих россыпей. Коренные проявления, участвующие в формировании самой Берелёхской россыпи, по взглядам Н.А. Шило, О.В. Кашменской, З.М. Хворостовой [1] и др. исследователей, должны быть расположены непосредственно в долине р. Берелёх, унаследовавшей тектонически ослабленную зону.

Коренные осадочные породы, слагающие плотик Берелёхской россыпи, датируются нижней юрой (нижняя подсвита кадыкчанской свиты) и представлены чередованием песчаников, алевролитов и глинистых сланцев. В подчиненных количествах в разрезе присутствуют туфогенные гравелитистые песчаники и гравелиты, маломощные прослои пепловых туфов и кремнистых сланцев, линзы глинистых известняков и известковистых песчаников. Рудная минерализация в этих породах представлена в основном пиритом и пирротинном. Реже встречаются марказит, ильменит, рутил, халькопирит, сфалерит, галенит, гётит, сфен. Пирит наблюдается в виде вкрапленности различных по форме зерен размером от сотых долей до 2...3 мм прожилков мощностью до 1 см, конкрециевидных стяжений размером до 1 см.

Магматические образования, широко распространенные на рассматриваемой территории, отнесены к позднеюрскому колымскому интрузивному комплексу. Среди добатолитовых малых интрузий выделяются гранит-порфиры, гранодиорит-порфиры, кварцевые диорит-порфириты, меланократовые диорит-порфириты, которые слагают дайки мощностью 1...5 м, длиной 500...700 м. Повсеместно в районе проявлены кварцевые жилы и прожилки, залегающие в осадочных породах, интрузивных образованиях, а также в зонах тектонических брекчий; в осадочных породах они тяготеют преимущественно к пластам песчаников и сланцев.

Мощность кварцевых жил достигает 0,5...1 м, реже 2...3 м при длине до нескольких десятков метров. Мощность прожилковых зон в осадочных породах до 10...15 м. В кварцевых жилах и прожилках наблюдается видимая рудная минерализация, представленная пиритом, халькопиритом, арсенопиритом, галенитом, гематитом. Характер оруденения – вкрапленный (размер от 0,1...5 мм), гнездовидный (размер до 10 см) и прожилковый (мощность прожилков до 1,5 см).

Таким образом, основным рудным минералом, представляющим два различных генетических типа, является пирит. Для разработки критериев различия указанных генетических типов пирита использовались исследования температурных зависимостей термоЭДС. Для исследований из шахт, пройденных в плотике, отбирались образцы с пиритной минерализацией, генетическая принадлежность пирита которых была установлена достоверно (П.М. Аносов) по геологическим данным. Использование определений коэффициента термоЭДС, полученных при постоянной разности температур между зондами, для установления различия между этими генетическими типами пирита, оказалось неэффективным (см. табл. 1).

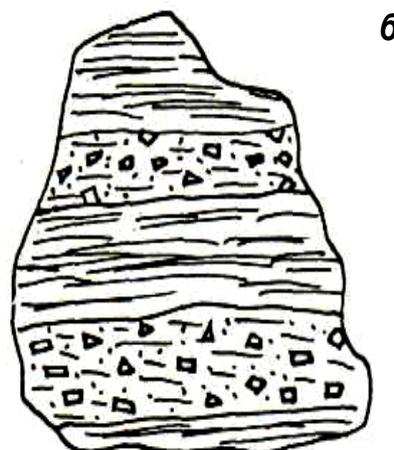
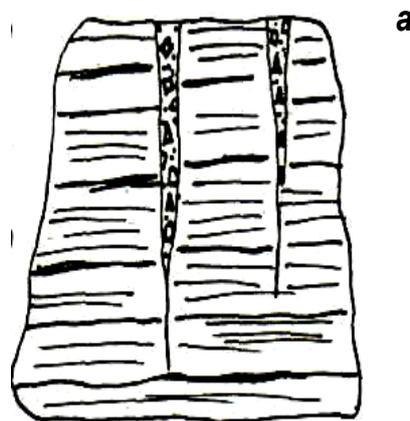
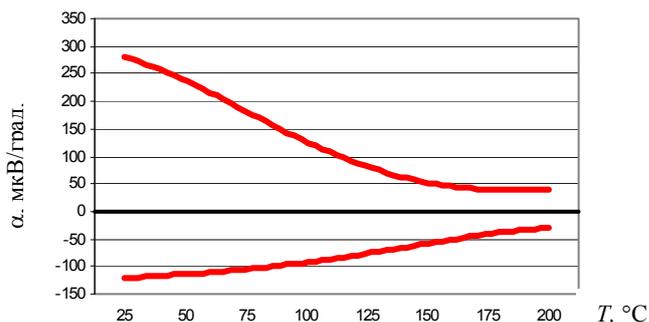
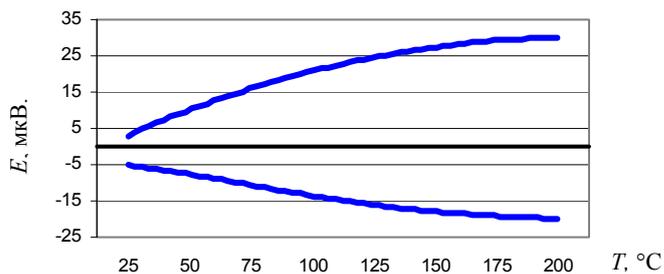
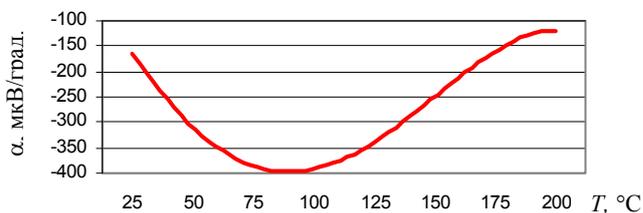
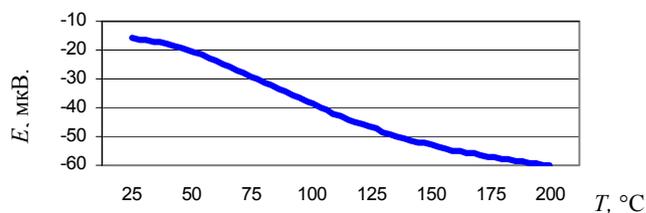
Среди пиритизированных образцов осадочных образований, слагающих плотик россыпи, наиболее типичными разновидностями являются следующие: полосчатые, серые, светло-серые разномерные песчаники с прослоями серых аргиллитов и маломощными, расположенными перпендикулярно к слоистости, прожилками пирита (обр. 82-II). На осадочное происхождение подобных пиритов указывает тот факт, что перпендикулярные к слоистости трещинки, впоследствии заполненные пиритом, практически не выходят за пределы слоя, а их образование связывается с уплотнением первичных осадков и последующей литификацией. Диагенетические минералы, вначале распределенные в объеме породы более или менее равномерно, за счет уплотнения осадков начинают уходить из одних мест и создавать сгущения в других, более

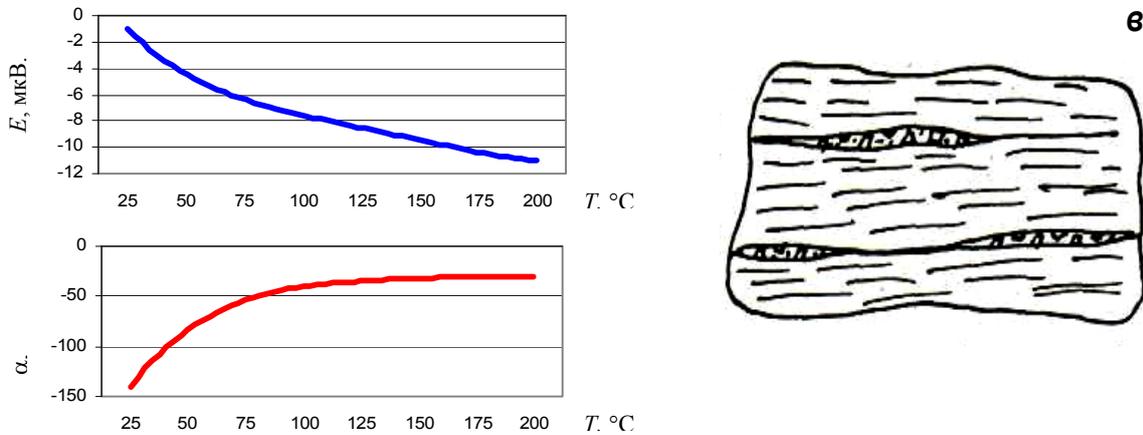
ослабленных, к которым относятся, например, перпендикулярные к слоистости трещинки растяжения. Возникают кальциевые, доломитовые, пиритовые и др. стяжения. Доказательством диагенетического происхождения пирита в образце 82-Б-3/6 является наличие псевдоморфоз этого минерала по органическим остаткам.

Типичные разновидности образцов с пиритом гидротермального происхождения представлены дайковыми диоритовыми порфиридами с сетью прожилков белого и светло-кремового кварца с редкой вкрапленностью пирита. Кроме этого, встречены кварцевые жилы с пиритом и сфалеритом, которые секут

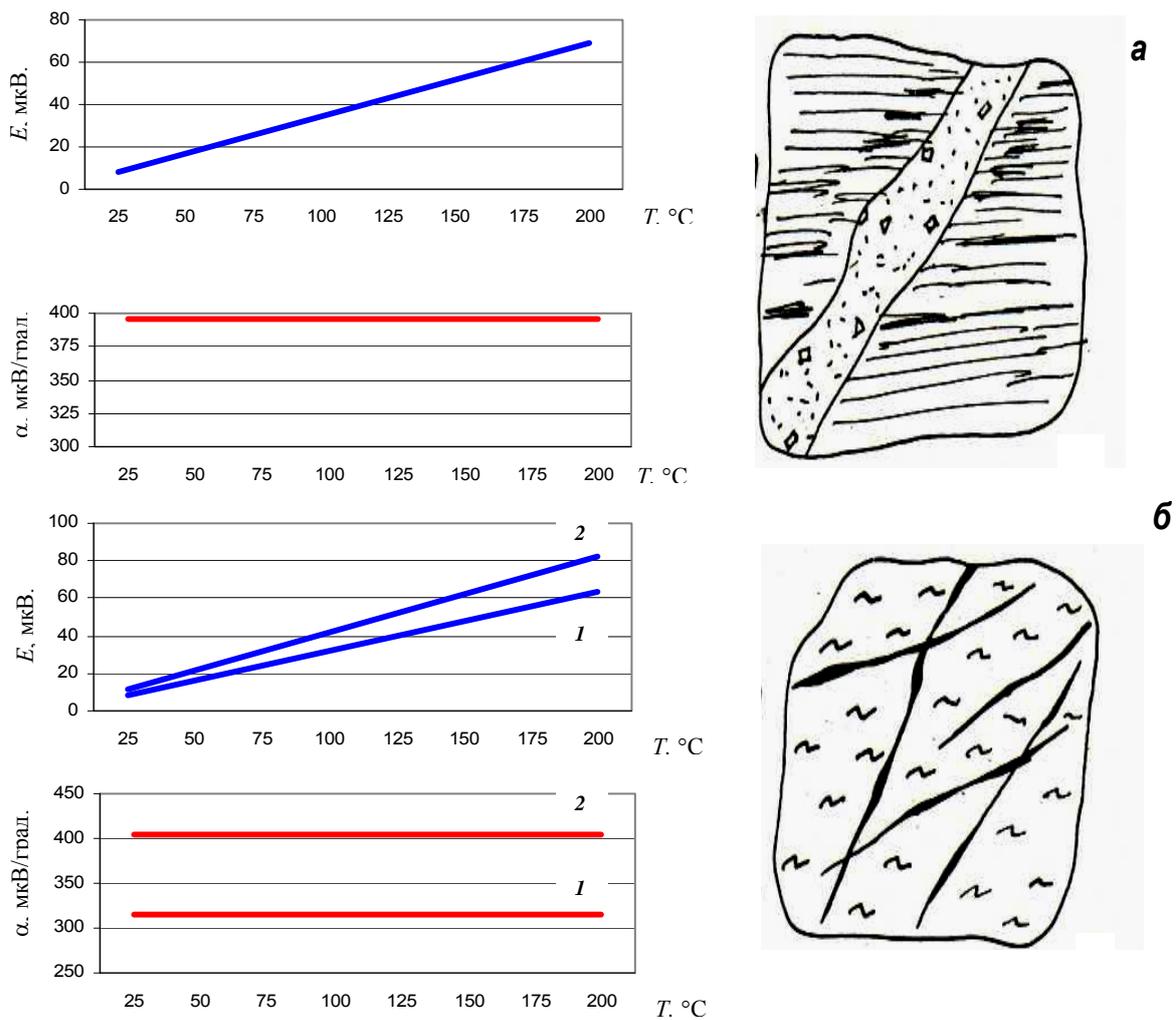
песчаники и черные сланцы, а также мало-мощные (0,5 см) кварцевые прожилки с пиритом и пирротином.

При проведении исследований мы несколько изменили методику измерений, детально изложенную в работе [2]. Поскольку образцы пирита, которые удалось извлечь из породы для проведения измерений, были весьма малых размеров (1...2 мм³), интервал изменяющейся температуры мы ограничили 200 °С. На рис. 1 приведены типичные кривые температурных зависимостей термоЭДС пирита осадочного происхождения, а на рис. 2 – гидротермального.

Рис. 1. Типичные температурные зависимости термоЭДС осадочно-диагенетического пирита (слева) и зарисовки образцов (справа), синяя линия – интегральная зависимость, красная – дифференциальная. Образцы: а-82-II, б-83-III-6, в-83-II-2

Рис. 2. Типичные температурные зависимости термоЭДС пиритов гидротермального генезиса (слева) и зарисовки образцов (справа), синяя линия – интегральная зависимость, красная – дифференциальная. Образцы: **а** – 34-сев.-15; **б** – 34-сев.-13 (1); 5 – (2)

какие-либо определенные выводы о причинах установленного различия в температурных параметрах изученных пиритов. Можно предположить, что многообразие кривых температурных зависимостей термоЭДС среди осадочно-диагенетических пиритов отображает пестроту физико-химической обстановки (по pH , Eh , концентрации ионов), которая характеризует весь процесс диагенетического преобразования осадков. Температурный ход термоЭДС гидротермальных пиритов, напротив, позволяет предположить более стабильные условия их образования.

Анализируя кривые температурных зависимостей термоЭДС, можно отметить, что определяющим (критериальным) параметром,

является знак второй производной зависимости $E(T)$. Среди разновидностей пиритов осадочного происхождения наблюдается большое разнообразие типов кривых температурного хода коэффициента термоЭДС (рис. 1), а все исследованные пириты гидротермального происхождения объединяет одно – коэффициент термоЭДС этих пиритов в исследуемом интервале не зависит от температуры, т.е. вторая производная функции $E(T)$ равна нулю (рис. 2).

Электрические параметры, полученные по кривым температурных зависимостей термоЭДС исследованных пиритов, сведены в таблицу.

Электрические параметры пиритов различного генезиса

Номер образца	Краткое геологическое описание образца	Установленный генезис	Тип проводимости	α , мкВ/град.	Знак второй производной $E(T)$
			при $\Delta T = 100^\circ$		
82-II*	Маломощные перпендикулярные к слоистости прожилки пирита в серых аргиллитах	О – Д	n	380	$- \rightarrow +$
82-Б-3/3	Обогащенные пиритом прослои светло-серых туфогенных песчаников на границе с черными алевритами	О – Д	n	125	-
82-Б-3/6	Черные сланцы с включением пиритовых псевдоморфоз цилиндрической формы по органике	О – Д	n	75	-
83-II-2*	Прерывистые послойные агрегатные выделения пирита в черных сланцах	О – Д	n	40	+
83-III-6*	Серые тонкозернистые полосчатые песчаники, обогащенные идеоморфными кристаллами пирита, прослои до 13 мм	О – Д	p	125	+
			n	95	-

34-сев.-13*	Дайковые диоритовые порфириты с сетью прожилков белого кварца с редкой вкрапленностью	Г	ρ	315	0
-------------	---	---	--------	-----	---

Окончание таблицы

Номер образца	Краткое геологическое описание образца	Установленный генезис	Тип проводимости	α , мкВ/град.	Знак второй производной $E(T)$
			при $\Delta T = 100^{\circ}$		
34-сев.-17	Темно-серые песчаники, черные сланцы, рассеченные сетью кварцевых прожилков с пиритом	Г	ρ	312	0
3	Сингенетическая вкрапленность пирита в черных сланцах	О – Д	n	175	+
5*	Дайка диоритовых порфиритов в сланцах, кварц пиритовая минерализация	Г	ρ	405	0
8	Маломощные секущие прожилки из идеоморфных кристаллов пирита в черных сланцах	Г	ρ	276	0
11	Черные сланцы и темно-серые алевролиты с вкрапленным пиритом	О – Д	ρ	190	+
12	Гидротермальная жила с пиритом, сфалеритом и белым кварцем в черных сланцах	Г	n	181	0
34-у	Серые тонкозернистые песчаники с прослоями черных сланцев, серия из секущих прожилков из кварца с пиритом	Г	ρ	387	0
84-б	Рассеянная сингенетическая вкрапленность пирита в серых песчаниках и черных сланцах	О-Д	ρ	232	+
34-сев.-1	Прожилки 0,5 мм из зеленой слюды, пирита, пирротина и белого кварца в серых песчаниках, сланцах и прорывающей их дайке диоритовых порфиритов	Г	ρ	323	0
34-сев.-15*	Прожилки кварца с редкой вкрапленностью пирита в серых тонкозернистых песчаниках	Г	ρ	395	0

89-III-2	Рассеянная вкрапленность идиоморфного пирита в темно-серых алевролитах	О-Д	ρ	187	+
----------	--	-----	--------	-----	---

О-Д – осадочно-диагенетический, Г – гидротермальный; * – приведены на рис. 1 и 2

Кривые температурного хода термоЭДС пирита, кристаллизующегося в виде псевдоморфоз по органике, отличаются от кривых всех других разновидностей пиритов осадочно-генезиса (см. рис. 2).

Таким образом, выявленные критери-

альные показатели, установленные на основе экспрессного измерения интегральной температурной зависимости термоЭДС, позволяют уверенно дифференцировать пириты осадочно-диагенетического и гидротермального генезиса.

Литература

1. Шило, Н.А. Основы учения о россыпях / Н.А. Шило. – М.: Наука, 1981. – 283 с.

2. Романов, В.Г. Автоматизированное ра-

бочее место экспериментатора [Текст] / В.Г. Романов. – Чита: ЧитГУ, 1997. – 220 с.

Коротко об авторе

Романов В.Г., канд. геол.-мин. наук, профессор, Забайкальский институт предпринимательства Сибирского университета потребительской кооперации (ЗИП СибУПК) служ. тел.: 41-67-18

Научные интересы: электрические свойства минералов и горных пород, приборы и автоматизированные системы для измерения электрических параметров рудных минералов и горных пород

Briefly about author

Romanov V., Ph.D. (Geology-Mineralogy), Professor, Trans-Baikal Institute of Entrepreneurship of Siberian University of User's Cooperation (TBIE SUUC)

Scientific interests: electric properties of minerals and rocks, devices and automated systems for measuring of electric parameters of ore minerals and rocks

УДК 553.2

Секисов Артур Геннадиевич
Sekisov Artur

Манзырев Дмитрий Владимирович
Manzyrev Dmitry

МИНЕРАЛОГО-ГЕОХИМИЧЕСКИЕ И
НАНОСТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ЗОЛОТОСОДЕРЖАЩИХ РУД МЕСТОРОЖДЕНИЙ
ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ

MINERALOGICAL-GEOCHEMICAL AND
NANOSTRUCTURAL PECULIARITIES
OF AURIFEROUS ORES OF TRANS-BAIKAL
TERRITORY DEPOSITS

Рассмотрены формы нахождения дисперсного золота в рудах месторождений различных формационных типов Забайкальского края. Освещены вопросы количественной оценки содержания дисперсного золота при выполнении аналитических работ. Приведены результаты пробирного анализа хвостов обогащения Дарасунской фабрики, выполненного по экспериментальным методикам

The article considers forms of dispersed gold containing in ores of Trans-baikal Territory various formation types deposits. The issues of quantitative assessment of dispersed gold content under analytic works execution are studied. There are results of an assay analysis of Darasun mill tailings performed by experimental techniques

---

Ключевые слова: дисперсное золото, пробирный анализ, экспериментальная методика

Key words: dispersed gold, assay analysis, experimental technique

---

Забайкальский край является одной из самых сложных в минералогическом отношении мировых золоторудных провинций: руды месторождений различных формационных типов представлены в нем большим многообразием минеральных парагенезисов с самородным золотом и мик-

роминеральными и дисперсными формами его нахождения в различных минералах-носителях. Наряду с минеральными парагенезисами, широко проявленными в известных золоторудных провинциях мира: золото-кварцевым, золото-сульфидным, золото-сульфидно-кварцевым, золото-сульфидно-сульфо-солевым [1], в

крае разведаны месторождения молибденово-золоторудные, вольфрам-молибден-золото-рудные, золото-полиметаллические, золото-железорудные, медно-золоторудные. Поскольку основной тенденцией в развитии мировой золотодобывающей промышленности является освоение месторождений руд с дисперсными формами нахождения благородных металлов, то следует отметить, что в Забайкалье золото, как сопутствующий компонент, в промышленных масштабах содержится в меднорудных месторождениях юго-востока Читинской области, месторождениях медистых песчаников (месторождения Удоканской группы), медно-никелевом месторождении (Чинейское).

С геохимической точки зрения уникальность золотосодержащих руд Забайкалья проявляется в его преимущественном концентрировании в собственно медьсодержащих сульфидных минералах. Например, на Дарасунском месторождении содержание золота в халькопирите больше, чем во входящем в тот же минеральный парагенезис арсенипирите – в основном для большинства крупных золоторудных провинций (Карлинской, Кызылкумской и др.) минерале-носителе его дисперсных форм [2].

Значительная часть золота в минералах-носителях проявлена в форме эмульсионных микровыделений (от 10 мкм до сотых долей микрона). В то же время сульфиды меди, содержащиеся в своем составе относительно небольшое количество серы (халькозин Cu_2S , ковеллин $Cu_2S \cdot CuS_2$), могут проявлять изоморфизм пар элементов медь-серебро, медь-золото, не смотря на существенную разницу в величине их ионных радиусов. При этом атом золота может удерживаться в узле кристаллической решетки преимущественно за счет металлческой связи со вторым атомом меди.

В комплексных сульфидных (борнит Cu_5FeS_4 , халькопирит $CuFeS_2$) и сульфосолевых (теннантит Cu_3AsS_3 , тетраэдрит Cu_3SbS_3) медьсодержащих минералах дисперсное золото, более вероятно, образует не только металлческие связи с медью и железом, но и веро-

ятные сложные хелатные соединения с серой, комплексные соединения с основными минералообразующими металлами (железом, медью) и мышьяком, сурьмой. Учитывая, что золото имеет высокий потенциал окисления, считается, что в таких минералах его атомы находятся преимущественно в междоузлиях.

Значительные остаточные концентрации в медистых песчаниках севера Забайкалья органического углерода позволяют предполагать, что в них присутствуют и металлоорганические соединения, в том числе и золота. Золото в решетке минералов-носителей может иметь не только атомарный, но и кластерный уровень рассеяния. Кластерный уровень выделения золота характеризуется относительно высокой энергией связи между его атомами при наличии комплексных связей с атомами минералообразующих элементов и/или микроминералов и органических включений.

Такую форму дисперсного золота в силу наличия сложных связей с другими элементами, формирующими кристаллическую решетку более сильных связей между собственными атомами в кластерах, сложнее перевести в расплав или раствор. Кроме того, нельзя исключить, что в силу ряда рудогенетических причин золото в решетке рудных минералов находится в качественно ином состоянии, чем в самородном. Интересную гипотезу о форме нахождения дисперсного золота высказал д-р хим. наук Г.Х. Клиблей, предположивший, что «редкие металлы в этом случае находятся в форме отдельных ядер, субатомного размера скоплений и кластеров, которые химически или физически связаны с окружающим конденсированным неорганическим и органическим веществом матрицы» [3].

Нами обосновывается гипотеза рудогенеза, основанная на системной оценке определяющей роли двухфазных (твердофазных и жидкофазных) метасоматических процессов переноса и минералообразования в зонах тектоно-магматической активизации. Эффект вхождения в кристаллическую решетку минералов-носителей дисперсного золота в этом

случае может быть обусловлен твердофазной диффузией, наноагрегацией его атомов и твердофазными химическими реакциями. Предполагается, что эти процессы обусловлены как передачей им импульсов от узлов деформируемой в полях тектонических напряжений кристаллической решетки, так и ионами (протонами) и атомами водорода, возникающими при диссоциации поровых вод и разрушении органических соединений.

В случае кластерной формы нахождения золота, при взаимодействии его атомов с протонами, возможно образование плазмообразных связей в областях уплотненных электронных оболочек (в основном d-подуровня), качественно отличных от ионных и металлических. Протоны, временно захватываемые обобществленными электронными оболочками соседних атомов золота, в свою очередь могут обеспечивать их уплотнение и, соответственно, формирование кластеров и увеличение энергии химических связей «внешних» атомов золота с атомами (ионами) кристаллической решетки. Поэтому для выявления таких форм дисперсного золота требуются специальные формы подготовки минеральной матрицы как при проведении аналитических работ, так и в технологических процессах.

При окислении минералов-носителей золота как в зонах гипергенеза, техногенных образованиях, так и при окислительной подготовке шлихов к цианированию Fe_3O_4 преимущественно переходит в Fe_2O_3 , что сопровождается ростом содержания золота и его пробыности. Предположительно, этот эффект может быть объяснен изменением стехиометрии в системе железо-кислород (6:8...6:9), а следовательно, снижением долевой части связей в кристаллической решетке между атомами дисперсного золота и железом (с кислородом золота, как известно, образует неустойчивые связи). При плавлении и растворении такие кластерные структуры сохраняют свою устойчивость и, соответственно, будут иметь не характерные для отдельных ионов золота спектральные характеристики и удельный заряд, а

также иной характер взаимодействия с атомами коллектора, в первую очередь, свинца. Поэтому такие формы золота не полностью выявляются при соответственно атомно-абсорбционном, ISP-MS, пробирном анализе. Следовательно, запасы золота, установленные на основе данных стандартных анализов проб руд, могут быть существенно занижены.

Для экспериментального доказательства твердофазных процессов перераспределения, нано- и микроагрегации дисперсного золота осуществлялось длительное измельчение содержащей его руды на рольгангах как в водной, так и в окислительной и в комплексообразующей реагентных средах. Во всех случаях был достигнут прирост содержаний золота в пробах 35...70 %, по сравнению с контрольными образцами, что может быть объяснено укрупнением кластеров, вплоть до образования на их базе окто и микровыделений. При этом происходит установление связей с новыми атомами золота, направленно диффундирующими в кристаллической решетке в процессе длительной механоактивации пульпы или сухих проб. В свою очередь, эти процессы обеспечивают его более полное коллектирование при проведении плавки для пробирного анализа.

При проведении стандартного пробирного анализа рудных проб, содержащих дисперсное золото, без специальной пробоподготовки, возможны систематические погрешности его определения, обусловленные следующими основными видами его потерь при плавке и купеляции.

1. Часть дисперсного золота, находящегося в алюмо-кремниевом-магниево-магниево-кремниевом матрице преимущественно в форме атомарно-ионных структур внедрения, переходит в расплав с запаздыванием относительно процесса восстановления свинца и ликвационного накопления последнего в донной части тигля, поэтому частично остается в шлаке.

2. Дисперсное золото, химически связанное с органическими лигандами, при плавке может быстро переходить в газовую фазу и теряться с парами.

3. Дисперсное золото, включенное в минеральную матрицу в форме кластеров, при образовании сплавов со свинцом образует в нем неравномерно распределенные наноскопления и, соответственно, при последующей купеляции может не концентрироваться в корольке, а частично пенетрировать вместе со свинцом в пористый материал капли.

Для существенного снижения этих видов потерь дисперсного золота при проведении пробирного анализа нами было предложено добавлять в шихту ряд дополнительных присадок, выполняющих функцию сорбентов для улавливания летучих форм золота и коллектора для его кластерных фракций и фракций, наиболее прочно связанных с минеральной матрицей. Для стабилизации процесса коллектирования дисперсного золота, переходящего в расплав после образования сплава свинца с

ранее высвобожденным из минеральной матрицы микронным золотом, предложено вводить в состав шихты насыщенную серебром измельченную смолу (бифункциональный анионит ионоселективный по золоту).

При этом матрица смолы при термическом разложении фиксирует серебро (оно быстро выделяется в виде микрокапель в ходе плавки) и, кроме того, формирует активный сорбент – пористый углерод с высокоразвитой поверхностью. Проведенные многочисленные экспериментальные плавки проб руд различных генетических типов, шлиховых фракций россыпей и хвостов обогащения позволили в большинстве случаев существенно увеличить выход золота. Наиболее показательным является эксперимент, проведенный с большим количеством проб хвостов флотации Дарасунской обогатительной фабрики (см. таблицу).

Результаты пробирного анализа хвостов обогащения

Номер пробы ЦПАЛ	Содержание Au, г/т				Номер пробы ЦПАЛ	Содержание Au, г/т	
	схема 1	схема 2	схема 3	схема 4		схема 3	схема 4
1	0,90	1,64	1,36	0,92	17	0,76	0,78
2	1,12	-	0,96	0,90	18	1,08	1,20
3	0,90	1,84	1,08	0,96	19	1,26	1,04
4	-	1,48	0,80	1,24	20	1,30	1,02
5	0,86	2,54	0,92	0,94	21	1,30	0,86
6	0,84	2,02	1,10	0,86	22	1,26	0,78
7	0,88	1,88	1,26	1,10	23	2,70	0,84
8	1,06	1,74	1,18	1,10	24	1,70	0,80
9	0,84	1,48	1,16	0,88	25	0,88	-
10	0,76	0,80	1,40	1,66	26	1,06	-
11	0,64	1,70	1,52	1,00	27	1,02	-
12	0,60	1,40	1,34	0,82	28	1,16	-
13	0,72	2,20	1,50	1,00	29	0,84	-
14	-	1,88	1,26	0,88	30	0,98	-
15	1,06	1,44	1,22	0,88	31	0,88	-
16	0,88	1,44	1,08	1,08	32	0,98	-
Итого:	0,86	1,70				1,20	0,99

Примечание. Схема 1 – стандартный пробирный анализ; схема 2 – плавка со специальными присадками; схема 3 – плавка после двухстадийного выщелачивания; схема 4 – двухстадийная плавка по-

сле сорбционного выщелачивания

Принципиальным вопросом, возникающим после выявления «скрытых» форм дисперсного золота, является его извлекаемость. Возможность извлечения металлоорганического, кластерного и атомарного золота может быть обеспечена на основе использования комплексного подхода: выявления при сопровождающей эксплуатационной разведке переходных зон; локальное повышение удельного

расхода и/или мощности взрывчатых веществ при взрывной подготовке переходных зон к выемке, обеспечивающее укрупнение золота на наноуровне; интенсивное окисление содержащей золото минеральной матрицы пероксидными ион-радикальными соединениями; стадийное активационное выщелачивание и сорбция специально подготовленными ионитами.

Литература

1. Авдонин, В.В. Месторождения металлических полезных ископаемых [Текст] / В.В. Авдонин, В.Е. Бойцов, В.М. Григорьев и др. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академический Проект, Триеста, 2005. – 720 с.

2. Секисов, А.Г. Дисперсное золото. Геологический и технологический аспекты [Текст] / А.Г. Секисов, Н.В. Зыков, В.С. Королев. – Чита:

ЧитГУ, 2007. – 270 с.

3. Пат. 2114196 Российская Федерация, МКИ 6 C22B3/04, C22B11/00. Способ гидрометаллургического извлечения редких металлов из технологически упорного сырья [Текст] / Г.Х. Клублей, Е.Д. Левина, О.В. Левина, А.Г. Фазылов. – Приоритет 19.09.95.

Коротко об авторах

Секисов А.Г., д-р техн. наук, директор Читинского филиала ИГД СО РАН
geo21vek@mail.ru.

Научные интересы: технологии извлечения дисперсных форм золота

Манзырев Д.В., канд. геол.-мин. наук, ведущий научный сотрудник, Читинский государственный университет
geo21vek@mail.ru.

Научные интересы: геологическое обеспечение освоения месторождений полезных ископаемых

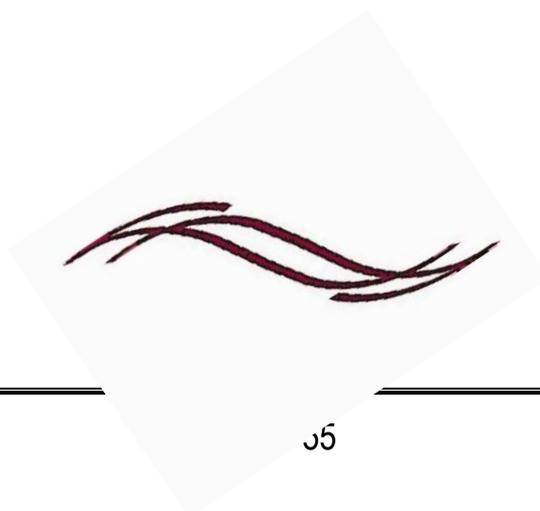
Briefly about authors

Sekisov A., Dr. Sc. (Engineering), director of Chita branch of Mining Institute, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (MI SB RAS)

Scientific interests: abstraction of dispersed gold forms technologies

Manzyrev D., Ph. D. (Geology-Mineralogy), leading researcher, Chita State University (ChSU)

Scientific interests: geological supplying of mineral deposits development

УДК 622.274

Турушева Татьяна Викторовна
Turusheva Tatyana

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ
МОНИТОРИНГА ВОЗДУШНОГО БАСЕЙНА
г. ЧИТА

DEVELOPMENT OF AERIAL BASIN MONITORING
SYSTEM OF CHITA CITY

Статья посвящена совершенствованию системы мониторинга воздушного бассейна. Выявлены зависимости между показателем флуктуирующей асимметрии и содержанием оксида углерода и пыли в воздухе г. Чита

The article is about the development of aerial basin monitoring system. There are revealed dependencies between fluctuating asymmetry and carbon oxide and dust content in air of Chita

---

Ключевые слова: воздушная среда; загрязняющие вещества; интегральный показатель; контроль и мониторинг; флуктуирующая асимметрия

Key words: air quality, pollutants, integrated index, control and monitoring, fluctuating asymmetry

В последние годы в связи с постоянно увеличивающимся антропогенным воздействием все большее значение приобретает оценка состояния окружающей среды. Это становится принципиально важной задачей как при планировании, так и при осуществлении любых мероприятий по природопользованию, охране природы и обеспечению экологической безопасности.

В настоящее время анализ загрязнения природных и антропогенных экосистем проводится, как правило, на основе данных о содержании в почвах, воздухе, воде и снежном покрове опасных в токсическом отношении веществ. Однако проанализировать содержание в указанных средах всех загрязнителей и оценить биологический эффект их совместного

действия только физико-химическими методами не представляется возможным. Очевидно, что комплексную оценку качества окружающей природной среды можно дать только при сочетании физико-химических методов исследований с биологическими, так как живые организмы и их сообщества интегрально реагируют на совокупность всех факторов. Один из возможных путей подхода к данной проблеме – это биотестирование техногенных факторов, то есть выявление загрязнения объектов окружающей среды с помощью методических приемов, основанных на оценке состояния сообществ и отдельных особей, подвергшихся воздействию различных факторов.

Особенности климата Забайкалья заключаются в контрастности определяющих его

факторов, к которым относятся большая продолжительность солнечного сияния и повышенное поступление солнечной энергии в сочетании с низкими температурами воздуха в холодный период года, резкими различиями в климате между долинами и котловинами, с одной стороны, и горными хребтами – с другой; господством в течение года сибирского антициклона и резкими сменами синоптической ситуации, обусловленной атмосферной циркуляцией по сезонам. Это определяет суровость зимних погод, большие суточные и годовые колебания температур воздуха.

Чита расположена на площади 534 км² и является административным центром Забайкальского края. Население составляет 306,2 тыс. чел. (01. 2007 г.). Территория города разделена на 4 административных района: Ингодинский, Центральный, Черновский, Железнодорожный. Природные особенности территории города, сложившаяся планировочная структура, уровень развития инфраструктуры, климатические особенности и горно-котловинный рельеф обусловили низкий потенциал самоочищения окружающей среды. Из-за большой доли дней со слабыми ветрами и температурной инверсией в Чите довольно высокий потенциал загрязнения атмосферы (в среднем 3,8). Основными источниками загрязнения атмосферного воздуха являются теплоэнергетика (в том числе мелкие котельные и частный сектор), автотранспорт.

Планировочная структура Читы обуславливает ряд дополнительных экологических проблем: рассредоточенность промышленных предприятий и объектов энергетики, наличие отапливаемых печами домов в сочетании со значительной протяжённостью города в направлении господствующих ветров создают эффект многократного наложения зон загрязнения. Загрязнение атмосферы г. Чита разнообразными выбросами охватывает не только непосредственно территорию городской застройки, но и распространяется далеко за ее пределы.

Целью нашей работы является оценка

антропогенного воздействия на воздушную среду и разработка рекомендаций по снижению уровня загрязнения.

Нами применен подход, оценивающий воздействие различных факторов и делающий сравнимые результаты, полученные в разных точках и при воздействии разных загрязнителей. В качестве основного критерия использовали величину флуктуирующей асимметрии (ФА) листа у березы как билатерально-симметричного органа. Выбор этих растений в качестве объекта исследования основан на том, что они являются хорошими индикаторами. В работе использовались «Методические рекомендации по выполнению оценки качества среды по состоянию живых существ» [1].

Материал собран в период 2004-2008 гг. на территории г. Чита, а также в Ивано-Арахлейском государственном природном ландшафтном заказнике регионального значения. У берёзы собирали листья из нижней части кроны дерева с максимального количества доступных веток равномерно вокруг дерева, только с укороченных побегов. Размер листьев был сходным, средним для данного растения. Выборка в каждой точке включала 100 листьев (по 10 листьев с 10 деревьев). Всего за период исследования отобрано и обработано 18600 образцов.

Для оценки величины флуктуирующей асимметрии выбирали признаки, характеризующие общие морфологические особенности листа, удобные для учета и дающие возможность однозначной оценки. Использовали пять параметров листа с правой и левой сторон. Оценка симметричности проводилась по пяти параметрам правой и левой половин листа:

- 1) ширина левой и правой половинок листа (измерения проводили посередине листа);
- 2) длина вторых от основания листа жилок второго порядка;
- 3) расстояние между основаниями первой и второй жилок второго порядка;
- 4) расстояние между концами этих же жилок;

5) угол между главной жилкой и второй от основания листа жилкой второго порядка.

Интегральным показателем стабильности развития территории является средняя величина относительного различия между сторонами на признак. Этот показатель рассчитывается как средняя арифметическая суммы относительной величины асимметрии по всем признакам у каждого растения, отнесенная к числу используемых признаков. Относитель-

ное значение асимметрии в данном случае вычисляется как нормированная разность:

$$|L - R| / (L + R),$$

где L и R — размеры признака соответственно с левой и правой сторон.

Для оценки степени отклонений в стабильности развития берёзы повислой используется пятибалльная оценка (см. таблицу).

Оценка степени нарушения стабильности развития растений, балл.

Балл	Качество среды	Величина показателя стабильности развития
1	Условно нормальное	< 0,040
2	Начальные (незначительные) отклонения от нормы	0,040 – 0,044
3	Средний уровень отклонений от нормы	0,045 – 0,049
4	Существенные (значительные) отклонения от нормы	0,050 – 0,054
5	Критическое состояние	> 0,054

В среднем по г. Чита за данный период исследования величина интегрального показателя стабильности развития в разных точках отбора изменялась в пределах 0,043...0,055. Максимальный показатель ФА берёзы отмечен вблизи ТЭЦ – 1, а также в районе улиц Набережная, Октябрьская, Амурская. Сходные результаты получены и в других районах города: 0,050 и 0,053; кроме того, нарушения стабильности развития были отмечены у деревьев, произрастающих в районе улиц с большой транспортной нагрузкой (0,049...0,052). Наименьшая величина показателя ФА наблюдается в отдалении от города, в районе дачных кооперативов. Анализ результатов показателей стабильности развития берёзы по территории г. Чита с 2006 по 2008 г. определил, что показатель качества окружающей среды несколько отклоняется от нормального природного и определяется как неблагоприятная экологическая ситуация. При этом анализ распределения показателей стабильности развития берёзы повислой позволил нам на территории

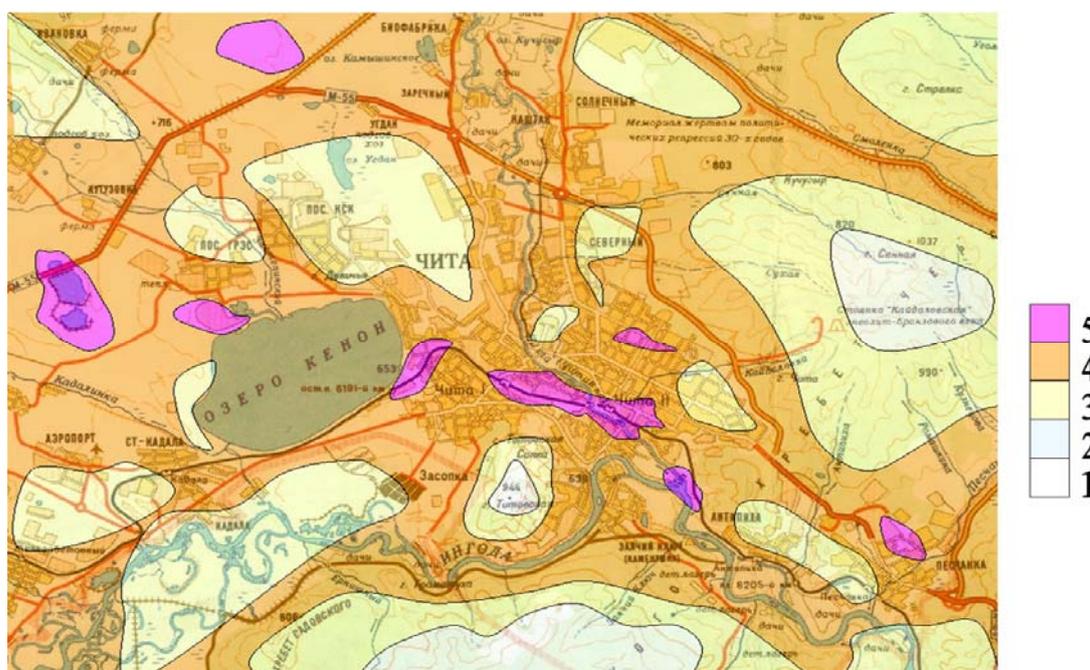
г. Чита выделить 5 зон (рис. 1).

Первая зона соответствует нормальному состоянию воздушной среды (средний показатель величины ФА 0,038); вторая – незначительное загрязнение (средний показатель величины ФА 0,042); третья – среднее загрязнение (средний показатель величины ФА 0,047); четвертая – значительное загрязнение (средний показатель величины ФА 0,052); пятая – устойчивое загрязнение (средний показатель величины ФА 0,055).

В последние годы наиболее актуальной проблемой загрязнения окружающей природной среды автотранспортом являются выбросы в атмосферный воздух. За последние годы, по данным Читинского ЦГМС-Р, наблюдается тенденция роста доли выбросов в атмосферу в общем валовом выбросе загрязняющих веществ. В 2007 г. в г. Чита выбросы от автотранспорта составили более 48 % от общего валового выброса загрязняющих веществ в атмосферный воздух. Этот процесс

обусловлен резким увеличением количества автотранспортных средств в городе, в основ-

ном, за счет автомобилей индивидуальных владельцев.

Рис. 1. Качество воздушной среды г. Чита, оцененное по показателю ФА (по результатам собственных исследований)

Анализ данных показывает, что за период 2004...2005 гг. прирост транспортных средств составил 0,36 %, 2006-2007 гг. – 8,54 %.

Увеличение количества автомобилей неуклонно приводит к увеличению таких загрязняющих веществ в воздухе, как формальдегид, оксид углерода и др.

В последние годы в связи с резким увеличением количества транспортных средств в городе, а также в результате неудачной схемы организации движения на многих перекрестках ежедневно в часы пик образуются большие скопления автомобилей.

Загрязнение воздуха отработанными газами автомобилей отличается значительной неравномерностью в пространстве и во времени. Поэтому важен оперативный и длительный учет интенсивности и структуры транс-

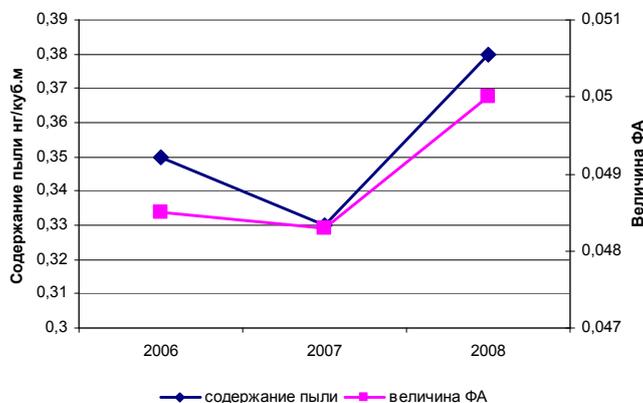
портных потоков, особенно в городах и крупных населенных пунктах.

Проблемы уменьшения негативного воздействия автотранспорта на окружающую среду могут быть решены только при строительстве подземно-надземных транспортных развязок в наиболее напряженных местах, лучшей организации дорожного движения, при оптимальном размещении гаражей и автостоянок для хранения автотранспорта, АЗС и автомоек.

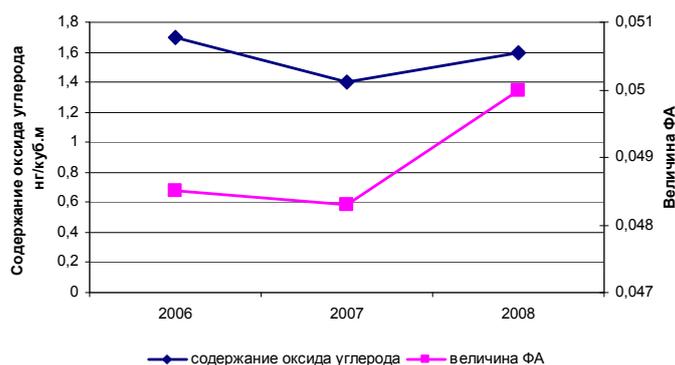
Как показали исследования, сильнейшее антропогенное воздействие на растения оказывают загрязняющие вещества в окружающем воздухе, такие как диоксид серы, углекислоты, сажа, пыль и др. (рис. 2; рис. 3). Проведенные корреляционные анализы между величиной ФА и загрязняющими веществами выявили высокие корреляции при действии

пыли и оксида углерода, особенно в период развития листа (для Забайкалья – май, июнь). Это подтверждает, что влияние негативных

факторов при закладке и распускании почек велико и играет определяющую роль при дальнейшем развитии листа.

Рис. 2. Динамика изменения величины ФА березы повислой от содержания оксида углерода в воздухе г. Чита

Рис. 3. Динамика изменения ФА березы повислой от содержания пыли в воздухе г. Чита

Таким образом, можно сделать следующие основные выводы:

1) метод биомониторинга необходимо включать в существующую систему мониторинга качества атмосферного воздуха, т.к. он достаточно перспективен. Данный вид мониторинга отличается от остальных тем, что он является мобильным и при этом малозатратным;

2) полученные результаты исследований подтверждаются данными сети мониторинга Читинского ЦГМС-Р;

3) на основе проведенных исследований по показателю ФА березы создана карта состояния воздушного бассейна г. Чита, благодаря которой можно сделать выводы о качестве атмосферного воздуха и использовать её для более экологически безопасного управления производством, жилищно-коммунальным хозяйством, транспортом и другими сферами деятельности, которые могут принести вред воздушной оболочке и природе в целом.

Литература

1. Захаров, В.М. Методические рекомендации по выполнению оценки качества среды по состоянию живых существ [Текст] / В.М. Захаров. – М.: Центр экологической политики России, Центр здоровья среды, 2003. – 68 с.

2. Государственный доклад о состоянии и

охране окружающей среды в Читинской области за 2006-2007 гг. [Текст] / Мин-во природных ресурсов РФ, Федеральное агентство по образованию ГОУВПО «Читинский государственный университет». – Чита: ЧитГУ, 2008. – 110 с.

Коротко об авторе

Briefly about author

Турушева Т.В., ассистентка кафедры водного хозяйства и инженерной экологии, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
служ. тел.: 26-42-56

Turusheva T., Assistant of Water Economy and Engineering Ecology Department, Chita State University (ChSU)

Научные интересы: мониторинг воздушной среды, влияние автотранспорта на уровень загрязнения, методы биомониторинга

Scientific interests: air quality monitoring, motor transport effect on pollution level, biomonitoring methods

Педагогика

УДК 37.1

Камоза Татьяна Леонтьевна
Kamozina Tatyana

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ ОБЩЕПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА

PROFESSIONAL PREPAREDNESS OF STUDENTS ANALYSIS

Представлены результаты констатирующего эксперимента по определению уровня общепрофессиональной готовности студентов Красноярского государственного торгово-экономического института. Определены критерии оценки, методики сбора и обработки эмпирических материалов. Дано количественное, качественное представление материалов и их анализ

The article includes results of establishing experiment of professional preparedness of Krasnoyarsk State Trade and Economic Institute students. The assessment criteria, methods of empirical evidence collection and processing are determined. There is quantitative and qualitative representation of the data and its analysis

Ключевые слова: общепрофессиональная подготовка, общепрофессиональная готовность студентов вуза, общепрофессиональная компетентность, профессиональная направленность, профессиональное мышление, профессиональная мобильность

Key words: professional training, professional preparedness of students, professional competence, professional orientation, professional thinking, professional mobility

Приоритетная ориентация современного образования на модернизацию, повышение его эффективности и качества, сложившиеся социально-экономические условия требуют новых подходов к подготовке специалистов с высшим образованием.

Различные формы хозяйствования, конкуренция на рынках труда и товаров, демассовость производства, профессиональная мобильность предъявляют новые требования к

структуре и содержанию профессиональной подготовки.

На наш взгляд, основой профессионализма выступает общепрофессиональная подготовка как ключевая компетентность, необходимая для обеспечения способности современного специалиста действовать в конкретных производственных условиях профессионально, творчески.

Статья посвящена описанию экспери-

ментальной работы, проведенной на базе Красноярского государственного торгово-экономического института. Цель исследования – анализ состояния общепрофессиональной готовности студентов вуза.

Для реализации цели были поставлены следующие задачи: определение критериев оценки; методик сбора и обработки эмпирических материалов; количественное, качественное представление результатов и их анализ.

Исходя из выдвинутых задач, была запланирована работа, которая проводилась в форме констатирующего этапа эксперимента [1, 2, 3, 4, 5]. Был применен комплекс методов, направленных на получение информации и обеспечение достоверности полученного эмпирического материала: анализ нормативно-правовых документов, регламентирующих осуществление общепрофессиональной подготовки, статистических данных и образовательной деятельности студентов; невключенное и включенное наблюдение; устный и письменный опрос, метод анкетирования.

Под общепрофессиональной подготовкой студентов вуза мы понимаем совокупность обобщенных знаний, получаемых предварительно до профессиональной деятельности и направленных на формирование у будущих специалистов профессионального мышления, профессиональной мобильности и успешности освоения специальных профессиональных знаний.

Совершенствование общепрофессиональной подготовки как личностно ориентированного компонента профессионального образования предлагает рассматривать её как состояние и компонент готовности личности к профессиональной деятельности. При этом

состав личностного компонента включает свойства, качества и состояния будущего специалиста, которые необходимо сформировать в процессе общепрофессиональной подготовки. К таковым качествам мы относим общепрофессиональную компетентность; профессиональное мышление; профессиональную направленность; профессиональную мобильность.

Следующим понятием, требующим анализа, является «готовность».

В общем смысле «готовность» – это, во-первых, склонность к чему-либо, желание сделать что-либо; во-вторых, состояние, при котором все сделано для чего-либо.

Понятие «готовность» мы определяем, во-первых, как результат специально организованной педагогической деятельности, так как подготовить – значит обучить, дать необходимые знания, во-вторых, как сконцентрированное качество личности, включающее сформированность индивидуально-психологических и волевых черт личности, которые обеспечивают успешное включение человека в новую сферу деятельности.

Для сбора эмпирической информации были разработаны критерии и их показатели, позволяющие дифференцировать уровневую готовность студентов.

Критериальная база формировалась нами на основе содержательной модели совершенствования общепрофессиональной подготовки студентов вуза, а также результативно-оценочного компонента формирования общепрофессиональной готовности. В соответствии с этим критериально-оценочный комплекс выглядит следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Критериально-оценочный комплекс сформированности общепрофессиональной готовности студентов вуза

Критерии	Показатели
1. Общепрофессиональная компетентность	1.1. Знание основ профессиональной деятельности а) закономерностей, принципов содержания профессионального труда; б) роли и места данного направления профессиональной деятельности

	<p>в системе трудовых отношений; в) истории становления и развития направления профессиональной деятельности; г) опыта современной организации профессионального образования и профессиональной деятельности;</p>
--	---

Окончание табл. 1

Критерии	Показатели
1. Общепрофессиональная компетентность	<p>1.1. Знание основ профессиональной деятельности а) закономерностей, принципов содержания профессионального труда; б) роли и места данного направления профессиональной деятельности в системе трудовых отношений; в) истории становления и развития направления профессиональной деятельности; г) опыта современной организации профессионального образования и профессиональной деятельности; д) конъюнктуры рынка труда; е) особенностей и специфики профессиональной деятельности; ж) факторов и условий успешной профессиональной деятельности; з) структуры общепрофессиональных знаний. 1.2. Знание содержания предметов общепрофессионального цикла (содержание профессиональных знаний по предметам общепрофессионального цикла данного направления)</p>
2. Профессиональная направленность	<p>2.1. Сформированность интереса и положительной мотивации к овладению профессиональными знаниями в избранном направлении профессиональной деятельности. 2.2. Наличие лично значимого смысла ее освоения 2.3. Типы и уровень профессиональной направленности: – реалистический – интеллектуальный – социальный – конвенционный – предпринимательский – художественный</p>
3. Профессиональное мышление	<p>3.1. Умение анализировать 3.2. Умение обобщать и давать обобщенные характеристики 3.3. Умение прогнозировать. Умение идентифицировать и распознавать 3.4. Умение оценивать качество продукта на основе анализа 3.5. Умение находить нестандартные решения 3.6. Умение моделировать ситуации своего профессионального становления 3.7. Умение давать оценку собственной профессионально-образовательной деятельности (рефлексия)</p>
4. Профессиональная мобильность	<p>4.1. Знание конъюнктуры рынка труда 4.2. Знание политехнологических основ профессионального труда 4.3. Знание содержания и условий труда, изучаемого по предметам общепрофессионального цикла 4.4. Знание общих основ профессиональной деятельности 4.5. Умение получать профессиональные знания</p>

	<p>4.6. Умение переносить полученные знания на новые виды профессиональной деятельности</p> <p>4.7. Умение решать нестандартные профессиональные задачи</p> <p>4.8. Умение самостоятельно выбирать и принимать решения</p> <p>4.9. Владение общепрофессиональными навыками</p>
--	--

На основе выделенных критериев и их показателей нами было определено пять уровней сформированности готовности, а именно: высокий (В); достаточно высокий (ДВ); средний (С); ниже среднего (НС); низкий (Н).

Дифференциация студентов по уровню сформированности общепрофессиональной готовности определяется средним баллом по формуле

$$Cpб = \frac{Cpб \cdot K_1 + Cpб \cdot K_2 + Cpб \cdot K_3 + Cpб \cdot K_4}{4},$$

(1) где $Cpб$ – средний балл;

K_1 – общепрофессиональная компетентность;

K_2 – общепрофессиональная направленность;

K_3 – профессиональное мышление;

K_4 – профессиональная мобильность.

Следующая задача – перевод выделенных критериев и показателей в количественные эквиваленты, которые позволяют использовать математический аппарат для статистического анализа получаемой педагогической информации. Для осуществления данной операции необходимо эмпирические индикаторы (показатели) каждого критерия преобразовать в количественные эквиваленты с помощью числовых систем по заранее обусловленным оценкам (баллам), т.е. разработать специальную шкалу оценки выделенного комплекса критериев и показателей эффективности формирования общепрофессиональной готовности.

Нами были введены следующие количественные показатели: 5 баллов мы ставили, если наблюдался высокий уровень сформированности показателя; 4 балла – достаточно высокий уровень сформированности показателя; 3 балла – если наблюдался средний уро-

вень; 2 балла – если наблюдался диссоциальный уровень сформированности показателя ниже среднего; 1 балл – низкий уровень сформированности показателя.

Обобщенный результат определялся следующим образом. Поскольку выделено 27 показателей, каждый из которых может принимать значение 1...5 баллов, то суммарный балл по всем показателям меняется в пределах 1...135. Опираясь на выводы П.В. Новицкого о том, что при 5 %-ном уровне значимости распределение случайных величин подчиняется нормальному закону распределения (закону Гаусса), и методику А.А. Кыверялга, согласно которой средний уровень определяется 25%-ным отклонением оценки от среднего по диапозону балльных оценок, а оценка из интервала от R (min) до $0,25 R$ (max), деленная на два, позволяет констатировать два уровня – асоциальный и диссоциальный. Аналогично о социально приемлемом и социально достаточном уровнях свидетельствуют оценки, превышающие 75 % максимально возможных, деленных на два. Исходя из данной методики, уровни определялись нами следующими интервалами, представленными в табл. 2.

Предложенная диагностическая программа апробировалась в ходе констатирующего этапа эксперимента, проведенного в Красноярском государственном торгово-экономическом институте, где участвовало 295 студентов 4-го курса очной формы обучения по специальностям экономического профиля и специальности «Технология продуктов общественного питания». Самооценка уровня сформированности общепрофессиональной готовности студентов вуза определялась методом анкетирования. Полученные данные позволили выявить следующие результаты.

Таблица 2

Методика шкалирования, %

Отклонение	12,5	12,5	50,0	12,5	12,5
Уровень	Низкий	Ниже среднего	Средний	Достаточно высокий	Высокий
Баллы	0-1,4	1,5-2,4	2,5-3,4	3,5-4,4	4,5-5,0

По критерию «Общепрофессиональная компетентность» из числа опрошенных студентов у 16,9 % отмечен высокий уровень сформированности общепрофессиональной компетентности; у 44,3 % – достаточно высокий уровень сформированности общепрофессиональной компетентности; 34,5 % студентов «вышли» на средний уровень сформированности общепрофессиональной компетентности; 4,3 % студентов показали уровень ниже среднего и низкий уровень.

По критерию «Профессиональная направленность» ситуация представляется следующим образом: 35,1 % студентов проявили высокий уровень профессиональной направленности; 43,13 % студентов – достаточно высокий уровень; 15,67 % студентов профильного вуза торгово-экономической направленности показали средний уровень сформированности данного состояния и 6,1 % – показали ниже среднего и низкий уровень.

По критерию «Профессиональное мышление» высокий уровень сформированности данной компетентности показатели 19,0 % студентов вуза; 46,8 % опрошенных отнесли свой уровень сформированности мыслительной деятельности, связанной с профессией, к достаточно высокому; 30,1 % будущих специалистов определили уровень сформированности профессионального мышления как средний, а 4,1 % студентов – как низкий и ниже среднего. Нами определялся уровень сформированности общепрофессиональных умений мыслительной деятельности, связанных с анализом, оценкой, идентификацией, распознаванием, оценкой качества, обобщением, прогнозом, моделированием, сравнением, умением нахо-

дить нестандартные решения профессиональных задач и профессиональных ситуаций.

По критерию «Профессиональная мобильность» получены следующие результаты: высокий уровень сформированности данного качества выявлен у 19,15 % студентов; достаточно высокий уровень – у 42,4 % студентов, средний уровень сформированности – у 31,4 % будущих специалистов; ниже среднего и низкий уровень выявлен у 7,25 % студентов.

Профессиональная мобильность – это качество, которое формируется в течение опыта полифункциональной профессиональной деятельности, в то же время основы профессиональной мобильности закладываются у будущих профессионалов в процессе профессионально-образовательной деятельности в вузе и, в основном, в процессе их общепрофессиональной подготовки. При освоении предметов общепрофессионального цикла формируются знания конъюнктуры рынка труда политехнических и политехнологических основ профессионального труда, знание содержания профессиональных видов деятельности, изучаемых по предметам общепрофессионального цикла, знание общих основ профессиональной деятельности, умений получать профессиональные знания, умения переносить полученные знания на новые виды профессиональной деятельности, умение самостоятельно выбирать и принимать решения, владение общепрофессиональными навыками.

На основе полученных данных по каждому критерию мы получили обобщенную картину уровня сформированности общепрофессиональной готовности студентов вуза, представленную в табл. 3.

Таблица 3

Уровень сформированности общепрофессиональной готовности студентов КГТЭИ

Критерии ОПГ	Уровни проявления, %			
	<i>высокий</i>	<i>достаточно высокий</i>	<i>средний</i>	<i>низкий</i>
Общепрофессиональная компетентность	16,90	44,30	34,50	4,30

Окончание табл. 3

Критерии ОПГ	Уровни проявления, %			
	<i>высокий</i>	<i>достаточно высокий</i>	<i>средний</i>	<i>низкий</i>
Профессиональная направленность	35,10	43,13	15,67	6,10
Профессиональное мышление	19,0	46,80	30,10	4,10
Профессиональная мобильность	19,15	42,20	31,40	7,25
Общепрофессиональная готовность	22,50	44,16	27,92	5,42

Результаты покомпонентной дифференциации уровней сформированности общепрофессиональной готовности студентов вуза позволяют сделать вывод о том, что более высокий уровень сформированности этого интегративного качества проявляется по такому компоненту, как «Профессиональная направленность». К высокому и достаточно высокому уровню сформированности данного компонента общепрофессиональной готовности отнесли себя 78,23 % студентов вуза. В то же время по таким критериям, как «Общепрофессиональная компетентность», «Профессиональное мышление» и «Профессиональная мобильность» высокий и достаточно высокий уровень составил 61,2 %, 65,8 % и 61,35 % соответственно.

По нашему мнению, такая разница в показателях объясняется тремя факторами:

– во-первых, высокий начальный уровень профессиональной направленности студентов вуза определяется престижностью учебного заведения и изначальным высоким уровнем мотивации, наличием профессионального интереса к данному виду деятельности, установкой на получение престижной профессии, т.е. профессиональной направленностью, что и выразилось в количественных результатах: 78,23 % студентов имеют высокий и достаточно высокий уровень профессиональной направленности;

– во-вторых, профессиональное мышление и профессиональная мобильность – качества, которые не даются от рождения, а формируются в процессе профессионально-образовательной и профессиональной деятельности. Вероятно, на этапе общепрофессиональной подготовки нельзя сформировать у всех студентов высокий уровень профессионального мышления и профессиональной мобильности. В то же время общепрофессиональная подготовка позволяет сформировать основы профессионально-мыслительной деятельности и профессиональной мобильности, если включить данную работу в образовательный процесс. Вместе с тем такое предположение, сформулированное по итогам констатирующего этапа эксперимента, требует доказательства;

– в-третьих, нами высказано предположение о том, что установки формируются и достигают высокого уровня в более быстром темпе, нежели качества личности.

Данное предположение также требует доказательств и выдвигает проблему приоритетности динамики развития качеств, свойств и состояний личности, с одной стороны, и темпов их формирования относительно друг друга, с другой. Выявление данной взаимосвязи может вывести на закономерный ее характер и внести определенный вклад в развитие форм

профессионального образования.

В качестве общего вывода по результатам констатирующего этапа эксперимента мы установили высокий уровень мотивированности студентов вуза и более низкий по сравнению с общепрофессиональной направлен-

стью. В то же время достаточно высокий уровень сформированности профессионального мышления и профессиональной мобильности открывает возможность создания условий профессионального становления специалиста в вузе.

Литература

1. Андреев, В.И. Эвристическое программирование учебно-исследовательской работы [Текст] / В.И. Андреев. – М.: Высш. шк., 1981. – 240 с.

2. Архангельский, С.И. Вопросы измерения, анализа и оценки результатов в практике педагогических исследований [Текст] / С.И. Архангельский. – М.: Высш. шк., 1975. – 63 с.

3. Герасимов, И.Г. Структура научного исследования: философский анализ познавательной деятельности в науке [Текст] / И.Г. Герасимов. –

М.: Мысль, 1985. – 215 с.

4. Загвязинский, В. И. Методология и методы психолого-педагогического исследования [Текст]: учеб. пособие для студ. вузов / В.И. Загвязинский, Р. Атаханов. – 3-е изд., испр. – М.: Академия, 2006. – 208 с.

5. Скаткин, М.Н. Методология и методика педагогического исследования: В помощь начинающему исследователю [Текст] / М.Н. Скаткин. – М.: Педагогика, 1986. – 152 с.

Коротко об авторе

Камоза Т.Л., канд. техн. наук, доцент кафедры технологии питания, Красноярский государственный торгово-экономический институт (КГТЭИ)
ftop@kgtei.ru

Научные интересы: инновационные методы обучения, профессиональная подготовка студентов вуза, модульная система обучения, рейтинговая система оценки знаний

Briefly about author

Kamoza T, Ph. D. (Engineering), Assistant Professor of Nutrition Technology Department, Krasnoyarsk State Trade and Economic Institute (KSTEI)

Scientific interests: innovative methods of teaching, professional training of students, modular system of education, knowledge rating system

УДК 371. 322

Чан-ха-ли Юлия Сергеевна
Chan-kha-lee Yulia

**СОСТОЯНИЕ ОБУЧЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ
САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ УЧЕБНО-
ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА
УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛАХ
АНАЛИЗА АНКЕТ УЧИТЕЛЕЙ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ)**

**STATE OF SCHOOLBOYS TEACHING TO
INDEPENDENT EDUCATIONAL AND COGNITIVE
ACTIVITY AT RUSSIAN LESSONS (ON BASIS OF
TRANS-BAIKAL TERRITORY TEACHERS' FORMS ANALYSIS)**

Статья посвящена одной из актуальных в современном школьном образовании проблеме – анализу состояния обучения школьников самостоятельной учебно-познавательной деятельности на уроках русского языка. Дается описание целей проведения анкетирования, вопросов анкеты и данных, полученных в результате анализа проведенного анкетирования учителей-словесников школ Забайкальского края

The article is about one of relevant problems in present-day school education – analysis of state of schoolboys teaching to independent educational and cognitive activity on Russian lessons. There is a description of survey purposes, questions of forms and the data received in the result of language and literature teachers survey analysis in Trans-baikal Territory

Ключевые слова: самостоятельная учебно-познавательная деятельность, состояние обучения, цели проведения анкетирования, вопросы и анализ анкет учителей, лингвистическая компетенция

Key words: educational and cognitive activity, the analysis of state of education, the description of survey purposes, the questions and the results of teachers' forms analysis, linguistic competence

Изменения и новообразования в структуре и содержании как современного школьного образования в целом, так и в обучении русскому языку позволяют выделить одну из важнейших задач обучения русскому языку – формирование у школьников умений самостоятельной учебно-познаватель-

ной деятельности.

Чтобы разработать систему обучения самостоятельной учебно-познавательной деятельности школьников при формировании лингвистической компетенции, актуализировать методы и приемы, следует, прежде всего, проверить в опытном обучении, является ли са-

мостоятельная учебная деятельность действенной в школе. Для достижения этой цели было проведено анкетирование учителей-словесников школ Забайкальского края.

В результате проведенного анкетирования получены следующие данные.

Первый вопрос анкеты (*Как вы считаете, необходимо ли включать в процесс обучения русскому языку самостоятельную учебную деятельность школьников?*) содержал такие варианты ответа: «да, самостоятельная учебная деятельность должна являться обязательным элементом процесса обучения русскому языку»; «необходимо включать только некоторые элементы самостоятельной учебной деятельности»; «нет необходимости включать в процесс обучения русскому языку самостоятельную учебную деятельность». Он ставил целью выявить позицию учителей по отношению к обучению учащихся самостоятельной учебной деятельности на уроках русского языка.

Как показывает анализ ответов на этот вопрос, большая часть учителей (93,75 %) придерживается мнения о том, что самостоятельная учебная деятельность должна являться обязательным элементом процесса обучения русскому языку.

Данный вопрос предполагал также обоснование ответа. Говоря о необходимости включения на уроках русского языка самостоятельной учебной деятельности школьников, учителя приводят разные аргументы. Анализ представленных объяснений показал, что подавляющее большинство учителей (40 %) считает, что включать в процесс обучения самостоятельную деятельность школьников необходимо, так как тем самым у учащихся вырабатываются жизненно важные качества: способность адаптироваться в современном мире, умения находить правильные решения в ситуации выбора, способность ориентироваться и приспосабливаться к любому виду деятельности в жизни, в дальнейшем обучении, развиваются личностные качества ученика: целенаправленность, решительность, само-

стоятельность. Обосновывая свою позицию, лишь немногие (28,8 %) полагали, что научение школьников самостоятельной учебной деятельности влияет на формирование определенных умений самостоятельной учебно-познавательной деятельности таких, как самостоятельно добывать информацию; перерабатывать полученную информацию, анализировать, синтезировать; корректировать свою работу, оценивать свои возможности, вырабатывать творческие способности, мыслительную деятельность, а также самостоятельная деятельность является показателем компетентности учащихся.

Следует отметить, что 28,8 % опрошенных говорят о необходимости включения самостоятельной учебно-познавательной деятельности на уроках русского языка, однако недостаточно четко аргументируют свою точку зрения, считая, что «самостоятельная деятельность положительно сказывается на процесс обучения», «без самостоятельной работы ученик не поймет, насколько он усвоил материал», «самостоятельная работа необходима для закрепления нового материала, развития орфографической зоркости», самостоятельная работа «развивает школьников, пополняет словарный запас, расширяет кругозор».

Таким образом, анализ ответов на 1-й вопрос анкеты показал, что использование самостоятельной деятельности учащихся на уроках русского языка способствует формированию, по мнению одних, необходимых умений (самостоятельно добывать информацию, умения перерабатывать ее, анализировать и т.д.), по мнению других, определенных качеств (способность самостоятельно принимать решения, способность ориентироваться и приспосабливаться к любому виду деятельности в жизни).

Следует отметить, что из предложенных вариантов ответов не все учителя (6,25 %) считали, что самостоятельная деятельность должна являться обязательным элементом процесса обучения русскому языку. Некоторые полагали, что необходимы лишь некоторые элементы самостоятельной учебной деятель-

ности, так как использование самостоятельной учебной деятельности зависит от уровня подготовленности учащихся, их психологических особенностей, уровня сложности материала, поэтому целесообразно, по их мнению, введение лишь элементов самостоятельной учебной деятельности.

Таким образом, анализ ответов на первый вопрос позволяет сделать следующие выводы:

1) говоря о том, что необходимо включать на уроках русского языка самостоятельную учебно-познавательную деятельность, учителя имеют в виду результат обучения данному виду деятельности. В то время как научение самостоятельной учебно-познавательной деятельности – длительный специально организованный поэтапный процесс. Поэтому объяснимо противоречие между признанием необходимости включения самостоятельной учебно-познавательной деятельности на уроках русского языка и мнения о том, что самостоятельная учебно-познавательная деятельность не должна являться обязательным элементом процесса обучения;

2) анализ ответов учителей показал, что, по мнению большинства, самостоятельная учебная деятельность школьников важна прежде всего для формирования качеств личности, так как выпускнику современной школы, по их мнению, необходимо, вступая во взрослую жизнь, быть решительным, самостоятельным, способным принимать ответственные решения, быть востребованным в реальной жизни.

Второй вопрос анкеты (*Как вы думаете, может ли самостоятельная деятельность школьников на уроках русского языка являться основой для формирования таких жизненно важных для них качеств, как способность самостоятельно принимать ответственные решения в ситуации выбора, способность к сотрудничеству, мобильность, динамизм?*) содержал следующие варианты ответа: «да, самостоятельная учебная деятельность непосредственно является основой для формирования этих качеств»; «возможно, что

школьник в процессе учебно-познавательной деятельности приобретает эти качества, не участвуя в самостоятельной учебной деятельности»; «затрудняюсь ответить». Ответы на эти вопросы и их обоснование ставили цель определить, какие задачи ставят перед собой учителя, включая в процесс обучения русскому языку самостоятельную деятельность школьников.

Большая часть учителей (93,75 %) согласна с мнением о том, что самостоятельная учебная деятельность непосредственно является основой для формирования этих качеств, обосновывая свою позицию лишь тем, что школьнику нужны эти качества, чтобы быть «успешным в жизни», «правильно выбирать решения в ситуации выбора», «быть мобильным и чувствовать постоянную потребность в саморазвитии, самосовершенствовании», «быть способным к сотрудничеству». При этом следует учитывать, что лишь 20 % опрошенных полагают, что помимо перечисленных в анкете качеств, самостоятельная учебно-познавательная деятельность является высоким проявлением «познавательной активности», «учит самоорганизации (умению видеть свои реальные достижения и перспективы, ставить перед собой цели, задачи, реализовывать их в деятельности), формирует адекватную самооценку и оценку деятельности других», «в процессе самостоятельной учебной деятельности учащийся приобретает такие умения, как планирование деятельности, осмысление, анализ своих возможностей», а также «самостоятельная учебная деятельность формирует внутреннюю мотивацию».

Немногие из учителей (6,25 %) считают, что школьники приобретают эти качества не участвуя в процессе самостоятельной деятельности. Этому есть объяснение. По их мнению, эти качества приобретают учащиеся и в процессе всей школьной деятельности, в другом случае – условия жизни, общество влияют на формирование этих качеств.

Таким образом, как свидетельствуют данные анкеты, учителя заинтересованы в применении самостоятельной учебно-познавательной деятельности на уроках русского язы-

ка лишь только потому, что самостоятельная учебная деятельность, по их мнению, может являться формированием жизненно важных качеств.

Третий вопрос анкеты (*Продолжите предложение: самостоятельная учебная деятельность школьников – ...*) предполагал развернутый ответ с аргументацией. Это задание анкеты направлено на то, чтобы выявить у учителей, как они понимают, что такое самостоятельная учебно-познавательная деятельность и в чем состоит ее сущность.

39,58 % опрошенных считают, что самостоятельная учебно-познавательная деятельность школьников – «процесс добывания знаний *самим* учащимся», «умение *самостоятельно* изучать новый материал, готовить исследовательские проекты», «деятельность школьников *без чьей-либо помощи*, когда ученик *сам* выполняет то или иное задание, опираясь на свои знания, свой опыт», «деятельность, в которой ребенок *сам* определяет сферу своей деятельности, ее значимость, способы, предполагает результаты своей деятельности и определяет для себя алгоритм достижения этого результата», «*самостоятельное* планирование своей деятельности». Другие (60,42 %) придерживаются мнения о том, что самостоятельная учебно-познавательная деятельность – «процесс, который включает в себя такие этапы работы, как осмысление проблемы, поиск материала, планирование деятельности, создание продукта, представление его», «целенаправленная интеллектуальная деятельность, развивающая компетентность», «способность оценивать исходные данные, составлять программу действий, умение находить источник информации, анализировать и отбирать для себя полезное, четкое осознание цели работы», «умение использовать дополнительный материал, справочную литературу, умение разобраться в задании, сделать выводы, привести примеры, выполнять разные виды грамматических разборов», «деятельность, направленная на осмысление полученных теоретических знаний и применение их на

практике». Однако такое понимание не отражает специфики самостоятельной учебно-познавательной деятельности, т.е. все эти действия могут носить репродуктивный характер или выполняться под непосредственным руководством учителя.

Таким образом, разница в количественном соотношении ответов учителей объясняется тем, что у учителей нет четкого понимания сущности самостоятельной учебной деятельности.

Четвертый вопрос анкеты (*Обучаете ли вы своих учеников приемам самостоятельной учебной деятельности? Если «Да» или «Иногда», то напишите, каким приемам вы обучаете*) предполагал следующие варианты ответа: «Да»; «Нет»; «Иногда». Этот вопрос ставил цель – выявить, учат или нет учителя своих учеников самостоятельной учебной деятельности на уроках русского языка и какими приемами обучают.

Как свидетельствуют данные анкеты, большая часть учителей (70,83 %) обучает школьников приемам самостоятельной работы на уроках русского языка, лишь часть из опрошенных учителей (29,17 %) не считает нужным на каждом уроке применять те или иные виды самостоятельной работы, объясняя это либо недостатком времени, либо уровнем подготовленности учащихся.

Из полученных ответов на вопрос о том, какими приемами обучают учителя своих учеников, следует отметить, что учителя перечислили разнообразные виды самостоятельных работ и, как видно из количественного соотношения, наибольшее предпочтение они отдают таким работам, как составление плана, работа с учебным текстом, работа со справочной и др. дополнительной литературой. В то же время, следует обратить внимание на то, что 25 % опрошенных учителей, как показывают данные анкеты, утверждают, что используют на уроках русского языка те или иные виды самостоятельной работы, однако не указывают, какими приемами они обучают своих учеников.

Таким образом, анализ ответов учителей

на данный вопрос позволяет сделать следующие выводы:

1) количественное соотношение полученных данных анкеты свидетельствует о том, что подавляющее большинство учителей на уроках русского языка использует различные приемы самостоятельной работы, однако не указывает виды работ;

2) говоря о применении таких видов самостоятельной деятельности, как работа со справочной и дополнительной литературой, конспектирование, исследовательская работа, формулировка темы урока или цели, подготовка сообщений, докладов, учителя не учитывают того, что данные виды работы целесообразно применять в старших классах. Анализ ответов учителей подтверждает, что учителя недостаточно владеют системой разнообразных приемов обучения самостоятельной работе на уроках русского языка.

Пятый вопрос анкеты (*На каких этапах урока русского языка вы используете приемы самостоятельной учебно-познавательной деятельности?*) предполагал выбор этапов из ряда предложенных: «объяснения нового материала»; «первичного закрепления, т.е. проводимого сразу после объяснения, нового материала»; «закрепления нового материала, проводимого на следующем после изучения нового материала уроке»; «обобщения изученного на уроке»; «повторения изученного на предыдущем уроке»; «повторения изученного по теме/разделу, проводимого на специальном уроке повторения нового материала»; «контроля знаний, умений и навыков, проводимого на уроках разного типа (но не на уроках контрольных работ)».

Как показывает анализ, учителя используют те или иные виды самостоятельной работы, прежде всего, на этапах обобщения изученного на уроке и контроля, в меньшей степени – на этапах объяснения нового материала, повторения и закрепления. Однако с методической точки зрения, целесообразным является использование приемов самостоятельной работы на всех этапах урока, ибо чтобы раз-

вить у учащихся навыки самостоятельной работы, необходимо постепенно, на каждом этапе урока приучать школьника к тому, чтобы он научился сам определять цель собственной деятельности, планировать, организовывать эту деятельность, находить способы достижения поставленной цели, по возможности, корректировать учебную деятельность. Но, как показывают данные анкеты, только небольшая часть учителей (8,3 %) считает целесообразным использовать приемы самостоятельной работы на всех этапах урока.

Таким образом, проведенное анкетирование позволяет сделать следующие выводы:

1) несмотря на то, что задачи современной школы ориентируют, прежде всего, на развитие ученика как субъекта учения, являющегося активным участником самостоятельной учебно-познавательной деятельности, учителя в недостаточной степени владеют знаниями о самостоятельной учебно-познавательной деятельности, ее специфике, системе обучения самостоятельной учебной деятельности на уроках русского языка; это обуславливает, в свою очередь, низкий уровень владения школьниками приемами самостоятельной учебной деятельности;

2) научение самостоятельной учебно-познавательной деятельности – длительный специально организованный поэтапный процесс. Поэтому формировать у учащихся умения и навыки самостоятельной учебно-познавательной деятельности необходимо, начиная с V класса. Однако, как свидетельствуют данные анкеты, учителя, говоря о необходимости применения разнообразных видов самостоятельной работы, не учитывают возрастные особенности учащихся. Кроме этого, для достижения высокого уровня развития предметных знаний, умений и навыков у учащихся самостоятельной деятельности необходимо, прежде всего, целенаправленно организовывать учебную деятельность школьников, а для этого требуется систематическое использование на уроках, в частности, на уроках русского языка, определенных методов организа-

ции и осуществления учащимися самостоятельной работы;

3) выявленные отрицательные тенденции убеждают в необходимости актуализации

работы, направленной на обучение школьников самостоятельной учебно-познавательной деятельности, разработки целостной системы обучения.

Литература

1. Пидкасистый, П.И. Педагогика [Текст] / П.И. Пидкасистый. – М.: Пед. общество России, 2002. – 600 с.

2. Тальзина, Н.Ф. Педагогическая психология [Текст] / Н.Ф. Тальзина. – М.: Академия, 2006. – 288 с.

3. Федеральный компонент государственного стандарта общего, основного образования

по русскому языку // Народное образование. – 2004. – № 7. – С. 256-274.

4. Черепанова, Л.В. Формирование лингвистической компетенции при обучении русскому языку [Текст] / Л.В. Черепанова. – Новосибирск: Наука, 2006. – 324 с.

Коротко об авторе

Чан-ха-ли Ю.С., аспирантка, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет (ЗабГГПУ) служ. тел.: 8 (3022) 352822

Научные интересы: теория и методика обучения и воспитания

Briefly about author

Chan-kha-lee Yu., graduate, Trans-baikal State Teachers' Training University of Liberal Arts (TSTTULA)

Scientific interests: theory and methods of education and training

УДК 327.132

Юсова Валентина Ивановна
Yusova Valentina Ivanovna

**САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ:
ФИЛОСОФСКИЙ, СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ,
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ, ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТЫ**

**THE SELF-DETERMINATION OF A PERSONALITY:
PHILOSOPHICAL, SOCIOLOGICAL,
PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL ASPECTS**

Исследуется феномен самоопределения личности с философской, социологической, психологической и педагогической позиций. Особое внимание уделено философскому знанию, которое задаёт общее направление и ценностные ориентиры процесса самоопределения. Содержание понятия «самоопределение» с позиции социологии представлено как основной инструмент социализации личности. В статье раскрываются психологические подходы к проблеме самоопределения, доказывається взаимосвязь внутреннего и внешнего «Я» человека в процессе самоопределения. Педагогический аспект самоопределения рассматривает взаимосвязь самоопределения личности и ценностей, раскрывает механизм развития ценностного самоопределения

The article suggests the research of the self-determination phenomenon of a personality from the philosophical, sociological, psychological and pedagogical points of view. The special attention in the article is paid to the philosophical knowledge, which directs the process of self-determination and defines the value orientations.

The meaning of the conception "self-determination" from the sociological point of view is represented as the basic instrument of personal socialization.

Some psychological approaches to the problem of self-determination are revealed in the article. The correlation between the inner and outer ego of a person in the process of self-determination is also observed in the article.

The pedagogical aspect of self-determination shows the correlation of personality self-determination and values. It also reveals the mechanism of the value self-determination development

---

Ключевые слова: самоопределение, философско-методологический аспект, социологический аспект, психологический аспект, педагогический аспект

Key-words: the self-determination, the philosophical-methodological aspect, the sociological aspect, the psychological aspect, the pedagogical aspect

---

Исследование феномена самоопределения студента педагогического колледжа предполагает выявление исходных методологических положений, которые позволят дать теоретический анализ сущности процесса самоопределения с философской, социологической, психологической и педагогической позиций.

Понятием «самоопределение» оперируют в разных областях знаний: в философии, социологии, психологии, педагогике и др. Так, *философско-методологические аспекты* самоопределения связаны с сознательным регулированием человеком жизненного пути, с пониманием смысла жизни, с личной ответственностью, нравственным выбором (И.В. Бестужев, Л.П. Буева, Г.В. Гегель, В. Гумбольдт, Д.И. Дубровский, А.Г. Здравомыслов, Э.В. Ильенков, Н.С. Кон, В.П. Кузьмин, В.А. Лекторский, М.Н. Руткевич, Ф. Шлегель, Ф. Шлейермахер, Г.П. Щедровицкий, В.А. Ядов и др.)

Фактически в каждом крупном философском течении, в котором рассматривалась проблема человека, существует свое специфическое представление о самоопределении личности, либо явное, либо нет. Эта проблема рассматривалась в русле традиционных вопросов: что такое человек, какова его природа и сущность, каков смысл человеческой жизни, а также в рамках вопросов о свободе воли, сущности сознания, проблемы взаимоотношения человека и общества. Наиболее важными, в контексте нашего исследования, являются философские работы Ж.Ж. Руссо (проблемы «естественного состояния» человека и идеальной модели возможного общества), И. Канта (проблема свободы воли), А. Шопенгауэра (вопрос иррациональности человеческой воли), Ф. Ницше (идея воли к власти). Для К. Маркса, У. Джеймса, А. Бергсона, П. Тейяра де Шардена и целого ряда других философов сущность человека связывается с его способностью создавать принципиально новые возможности для своего развития. Отмечая, что «человек станет таким, каков проект его бытия» Ж.П. Сартр обращает внимание на такую

черту самоопределения человека как направленность его на будущее. [5; С. 322]. Вслед за Сартром идею ответственности человека за свое существование утверждает А. Камю.

С позиций современной европейской философии, в частности, философии персонализма, личность и ее духовные ценности признаются высшим смыслом земной цивилизации. Проблему самоопределения человека она ставит следующим образом: недостаточна только интериоризация - внутренняя сосредоточенность индивида и его духовный мир, необходимо и его самоосуществление — возможность и способность через целеполагание и целенаправленность реализовывать своё человеческое и божественное предназначение. Только глубинная взаимосвязь интериоризации и экстериоризации есть основа движения трансцендирования, единство социального и психологического.

Обращение к трудам современных отечественных философов, касающихся проблем самоопределения, позволяет отметить работы М.Л. Розова (проблема свободы человека), Н.И. Кузнецовой (проблема человека и сознания), П. Шульца (самоопределение как основное понятие философской антропологии). Философский аспект нравственного самоопределения рассматривается Л.М. Архангельским, А.Л. Гусейновым, О.Г. Дробницким.

Исходя из изложенного, отмечаем: философское знание задает общее направление, сущностные характеристики и ценностные ориентиры процесса самоопределения: свобода, воля, нацеленность на будущее.

С позиций *социологии* самоопределение рассматривается применительно к поколению в целом и характеризует результат его вхождения в социальные структуры и сферы жизни и фиксацию этого результата. Не удивительно, что многие авторы (Э. Дюркгейм, Ф. Знанецкий, Дж. Масионис, П. Штомпка, А.Г. Эффендиев и др.) считают правила и образцы поведения культурным остовом. Среди многих социологических концепций человека: *homo socius*, *homo politicus*, *homo economicus*, *homo*

ludens, homo reciprocus имеет место и такая, согласно которой человек – это существо, руководствующееся правилами... определяющими внешние границы для его собственной индивидуальной активности (П. Штомпка) и процесс вхождения в мир людей. Самоопределение человека в данной системе координат утверждает его в определенной социальной позиции.

Плодотворным для нашего исследования является изучение основного вопроса социологии личности: определение степени влияния общества на личность, обуславливания ее внутреннего мира, желаний, что определило два основных направления. Последователи первого утверждают, что общество «продавливает» свои интересы, сторонники второго оппонировать – личность выбирает те варианты ролевого поведения, которые позволяют ей добиться преимуществ, успехов в данной социальной среде. Нам представляется, что истина определяется гармоничным соотношением внешнего и внутреннего в самоопределении человека.

Это высказывание в контексте нашего исследования позволяет утверждать значимость системы ценностных ориентаций в самоопределении молодого человека. В этой связи для нас представляют большое значение работы, в которых говорится о регулировании, социальном регулировании, выборе средств, способов, методов; определении действий, адекватных данной ситуации. Поскольку в основе всего этого лежит процесс самоопределения, процесс экстраполяции системы ценностных ориентаций в конкретные социальные действия, процесс ценностного самоопределения «здесь и сейчас». Такое понимание, стало значимым в организации и определении содержания культурных практик и их роли в ценностном самоопределении студентов.

В зависимости от того, в какие сферы социальной жизни включается человек, выделяют различные виды самоопределения: социальное, общественно-политическое, гражданское, профессиональное, религиозное, се-

мейное, внутригрупповое, коммуникативное. Смысл ценностного самоопределения – это включение в систему ценностей, которые поднимают жизненную активность субъекта на принципиально иной уровень во всех сферах его проявления. Занимая определенную позицию, предвосхищая свое будущее, осознавая свои реальные достижения и недостатки, человек расширяет границы собственных возможностей. Концептуальная схема самоопределения описана как движение в четырех смысловых пространствах: ситуативном, социальном, культурном, экзистенциальном. Ситуативное поведение направляется обстоятельствами. Социальное детерминировано локальной целью. Культурное самоопределение предполагает рефлексии собственной деятельности, придание ей статуса «дела», вписываемого в некоторую культурную традицию. Экзистенциальный вектор самоопределения характеризуется поиском вечных ценностей.

Таким образом, социология рассматривает самоопределение как основной инструмент социализации личности, выбор молодым человеком своего места в социуме, а степень вхождения в социальные структуры – как фактор расширения границ познания.

Общие психологические аспекты становления самоопределения в контексте проблемы развития личности и подготовки ее к будущей деятельности рассматривают Л.И. Божович, Е.И. Толоваха, А.М. Кухарчук, И.О. Кон, Т.В. Кудрявцев, В.С. Мухина, А.Б. Орлов, М.Х. Титма, А.Б. Ценципер, П.А. Шавир, И.Г. Шендрик и др. Социально-перцептивные аспекты самоопределения, обусловленные особенностями рефлексии, самооценки, самопознания и познания других людей выделяют А.А. Бодалев, Ф.Е. Василюк, А.И. Липюша, Е.Т. Соколова, В.В. Сталин, Е.О. Федотова, Т. Шибутани и др.

Сосредоточив внимание на сущностных сторонах самоопределения личности как субъекта собственной жизни, мы, естественно, обратились к наследию С.Л. Рубинштейна. По мнению М.Р. Гинзбурга [2; С. 43], именно С.Л.

Рубинштейн заложил методологические основы психологического подхода к проблеме самоопределения, которая рассматривалась психологом в контексте проблемы детерминации, в свете выдвинутого им принципа: внешние причины действуют, преломляясь через внутренние условия: «Тезис, согласно которому внешние причины действуют через внутренние условия так, что эффект действия зависит от внутренних свойств объекта, означает, по существу, что всякая детерминация необходима как детерминация другим, внешним, и как самоопределение (определение внутренних свойств объекта)» (С.Л. Рубинштейн) [5; С. 359]. В данном случае самоопределение выступает как самодетерминация в отличие от внешней детерминации. В понятии «самоопределение», таким образом, выражается активная природа «внутренних условий», через которые преломляются внешние воздействия: «На самом деле самоопределение и определение другим, внешним существует в равной мере повсюду. Существует иерархия этих отношений, в которой высшим уровнем выступает самоопределение на уровне существ, обладающих сознанием» [5; С. 358]. По отношению к этому уровню – уровню человека – в понятии «самоопределение» для С.Л. Рубинштейна выражается самая суть, смысл принципа детерминизма: «смысл его заключается в подчеркивании роли внутреннего момента самоопределения, верности себе, неодностороннего подчинения внешнему». [5; С. 382]. Более того, сама «специфика человеческого существования заключается в мере соотношения самоопределения и определения другим (условиями, обстоятельствами), в характере самоопределения в связи с наличием у человека сознания и действия» [5; С. 260]. Это принципиально важное положение позволяет нам рассматривать проблему ценностного самоопределения личности в образовании, прежде всего как процесс самодетерминации, в котором задействованы как внешние, так и внутренние факторы, но внутренний момент самоопределения является центральным.

В развитии данной идеи К.А. Абульханова-Славская рассматривает самоопределение как свободное избрание человеком смысла жизни, готовности к самостоятельной жизнедеятельности на основе соотношения своих желаний, наличных качеств, возможностей и требований, предъявляемых к нему со стороны окружающих и общества» [1; С. 65]. «Самоопределившаяся личность» в данном случае является синонимом «социально созревшей» личности. Основной характеристикой такой личности является соблюдение норм, принятых в обществе, и ориентированность на определенные групповые, коллективные и общественные ценности.

Сказанное позволяет сделать вывод, что в психологическом знании акцент делается на выявлении роли внутреннего и внешнего «Я» человека в процессе его самоопределения.

Значительный вклад в изучение самоопределения личности внесли педагоги. Нам представляются интересными исследования Т.К. Ахаян, которая предложила ценностный подход к изучению роли знаний в процессе ценностного самоопределения школьников; работы по развитию идей о роли знаний в формировании ценностных ориентаций как основы самоопределения школьников Л.В. Андрияновой, Н.Ф. Гейжан, А.В. Козлова; труды, рассматривающие ценностные ориентации как основу самоопределения личности школьников В.А. Беликова, З.И. Васильевой, М.Е. Дуранова, Н.А. Евдокимовой, Г.К. Нурғалиевой.

Особое значение для нашего исследования имеют работы А.В. Кирьяковой, которая рассматривает взаимосвязь самоопределения личности и ценностей, и в рамках авторской теории ориентации личности в мире ценностей раскрывает механизм развития ценностного самоопределения: поиск – оценка – выбор – проекция [4; С. 52]. По ее мнению, центральным звеном, ведущим личностным механизмом, обеспечивающим ценностное самоопределение человека в любой сфере жизнедеятельности, является выбор, который обнаруживает, формирует и закрепляет ценностные

отношения личности, приобретающие статус ориентации.

Именно в ситуации выбора многократно закреплённый опыт приобретает устойчивость качества. В выборе задействованы все стороны формирующейся личности: рациональный (когнитивный), эмоциональный (эмотивный), действенный (проективный).

Выбор – это определённый механизм соотношения внешнего и внутреннего плана жизнедеятельности личности. И этот компонент ценностного механизма в цепочке: поиск – оценка – выбор всегда обращён в настоящее, выбор сделан – он преддверие действия. Это переход от слова через оценку к поступку.

Роль и значение выбора как механизма самоориентации отмечают также В.И. Братусь, А. Вилюнас, В.И. Бакштановский, Н.В. Бочкина, В.В. Зайцев. Это позволило представителям научной школы А.В. Кирьяковой, Е.В. Кострюковой, Т.А. Носовой, А.А. Преснову рассматривать ценностное самоопределение как «процесс, акт и результат выбора человеком собственной позиции, целей и средств самоосуществления и саморазвития в конкретных обстоятельствах жизни: основной механизм обретения и проявления человеком внутренней свободы, осуществляемой на основе ценностных ориентаций как результат сложного динамического образования».

Педагогическое знание по-новому ставит вопрос об «объекте» образования. Им не может выступать отдельная личность, а лишь образовательный материал (предметы, явления, символы, модели, ситуации, ценности, деятельность, отношения, психологическая атмосфера), в процессе выбора, исследования и преобразования которого происходит само-

определение субъекта образования.

Вытекающие из изложенного выводы можно сформулировать следующим образом:

- самоопределение представляет собой свободное избрание человеком своей судьбы, осуществленную детерминацию; относительно самостоятельный этап социализации, сущность которого заключается в формировании у индивида осознания цели и смысла жизни, готовности к самостоятельной жизнедеятельности на основе соотнесения своих желаний, личных качеств, возможностей и требований, предъявляемых к нему со стороны окружающих и общества; термин «самоопределение» используется в различных областях человекознания (в психологии, социологии, педагогике) для обозначения процесса взросления личности, формирования жизненной перспективы, жизненных планов, выбора профессии;

- механизмом самоопределения является интеллектуальная работа по рефлексии жизненной ситуации, то есть поиск смысла жизни, который гораздо важнее, чем его обретение;

- связь самоопределения с ценностями, с потребностью формирования смысловой системы личности позволяет рассматривать определяющее развитие ценностного самоопределения среди других видов самоопределения на протяжении всей жизни человека;

- ценностное самоопределение личности является сложным феноменом, важнейшей проблемой современного человекознания, в основе рассмотрения которого лежит представление о личности как субъекте, свободно определившемся, выработавшем свою позицию в пространстве культуры.

Литература

1. Абульханова, К.А. *Время личности и время жизни [Текст]* / К.А. Абульханова, Т.Н. Березина. – СПб.: Алетейя, 2001. – 240 с.

2. Гинзбург, М.Р. *Психологическое содержание личностного самоопределения [Текст]* / М.Р. Гинзбург // *Вопросы психологии*. – 1994. – №

3. – С. 43-52.

3. Кирьякова, А.В. *Теория ориентации личности в мире ценностей [Текст]* / А.В. Кирьякова. – Оренбург, 1996. – 188 с.

4. Рубинштейн, С.Л. *Проблемы общей психологии [Текст]* / С.Л. Рубинштейн. – М., 1973. –

381 с.

5. Сартр, Ж.П. Экзистенциализм – это гу-

манизм. Сумерки богов /Ж.П. Сартр. – М., 1989. – 400 с.

Коротко об авторе

Юсова В.И., преподаватель педагогики ГОУ СПО «Педагогический колледж г. Балей» Забайкальского края
bbk3@rambler.ru

Научные интересы: ценностное самоопределение студента в образовательном процессе педагогического колледжа

Briefly about author

Yusova V., Professor of Pedagogics of professional educational institution of secondary professional education "Pedagogichesky colledge of Baley" of Trans-baikal Territory

Scientific interests: value self-identification of a student in teachers' training colledge educational process

Политология

УДК

Макарова Людмила Сергеевна
Makarova Lyudmila

**СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ
СТРАТИФИКАЦИЯ КАК ПЕРЕХОДНЫЙ
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС**

**SOCIAL AND POLITICAL STRATIFICATION AS
TRANSIENT POLITICAL PROCESS**

Статья посвящена социальной и политической стратификации. Раскрыты важные моменты, характеризующие стратификацию как процесс. Обоснованы смешанные типы стратификации, характерные для России, проанализированы стратификационные процессы в Китае и США

This article is about social and political stratification. It shows important aspects describing stratification as a process. Mixed types of stratification typical for Russia are substantiated, stratification processes in China and the USA are analyzed

Ключевые слова: политические процессы, политическая стратификация, стратификационные процессы в Китае и США

Key words: political processes, political stratification, stratification processes in China and the USA

Политическая стратификация имеет определенные социальные ранги и неразрывно связана с социальной стратификацией. Социальная стратификация выражает социальную неоднородность общества, существующее в нем неравенство, неодинаковость социального положения людей. Под социальной стратификацией понимается процесс и результат дифференциации общества на различные социальные группы (слои, страты, классы), отличающиеся по своему общественному статусу. Критерии подразделения общества на страты могут быть самыми разнообразными, притом как объективными, так и субъективными. Но чаще всего выделяются профессия, доход, собственность, участие во власти, образование, престиж, самооценка личностью своей социальной позиции. По

мнению исследователей, средний класс современного индустриального общества определяет стабильность социальной системы и в то же время обеспечивает ей динамизм, поскольку к среднему классу относятся, прежде всего, высокопродуктивные и высококвалифицированные, инициативные и предприимчивые работники. России присущ смешанный тип стратификации, ибо средний класс находится на стадии становления. Этот процесс имеет ключевое значение для формирования новой социальной структуры. Исследование социальной стратификации методом самооценки в 17 странах Европы, Северной Америки и в России позволяет сравнить "среднеарифметическую" структуру этих стран и Российской Федерации: низший класс – 10,1 % (18,0 % в России), нижний средний класс – 23,5 % (30,4 %),

средний – 58,9 % (48,8 %), верхний средний – 7,5 % (2,8 %). Очевидно, что Россия заметно отличается доминированием низкостатусных стратификационных слоев от других стран, где от 60 % и более приходится на долю среднего класса. По объективным критериям на долю среднего класса в России приходится 10...15 %.

Определяя целевые группы, специалисты по медиапланированию используют социальную стратификацию. В каждой европейской стране разработана своя система, которая затрудняет планирование в международном масштабе. Существует новая сегментация, разработанная специально для использования в нескольких странах.

В Великобритании, например, специалисты градуируют следующие классы общества: ABC1 – домохозяйки, C2DE – покупатели. В основе всей системы лежит традиционный подход к социальной стратификации – разделение людей на работников физического и умственного труда, «белых» и «синих» воротничков. В других европейских государствах существуют свои стратификационные системы, в том числе ориентированные на международные стандарты по демографии. По данным политического журнала, со ссылкой на Центр по народонаселению ООН – «Россия к 2050 г. должна потерять 38 млн и в ней останется чуть больше 100 млн. Китай к этому моменту приблизится уже к 2 млрд».

Попытки унификации систем социальной стратификации людей с разной культурой и социально-экономическим статусом в Европе предпринимались неоднократно. ESOMAR представил систему, основанную на уровне образования и профессии, которая используется в EMS (европейском медиа-маркетинговом исследовании) с 1996 г. Последняя попытка международной классификации была предпринята компанией BMRB в ее глобальном исследовании потребителей Target Group Index (TGI). Целью ставилось обеспечение системы социальной стратификации, применимой ко всем странам TGI (которых на настоящий момент более 50). Респонденты TGI

сгруппированы по четырем социально-экономическим уровням. В каждой стране вся генеральная совокупность TGI (все взрослые) распределяется дополнительно: наибольший сегмент включает 40 % населения, затем следует группа из 30 % респондентов, затем 20 и 10 %. Распределение осуществляется по всем рынкам, и рейтинг для каждого уровня неодинаковый для разных стран.

Группы TGI могут быть использованы для планирования многих задач в международных исследованиях. Потребление определенных товаров и торговых марок может быть проанализировано в каждой стране. Данные показывают, что доля покупок такого товара, как джинсы Levi's, примерно одинакова для каждой социальной группы в США; в Великобритании она также приблизительно равна для двух верхних слоев, а на рынке Индии она выше средней только в «первой десятке» и значительно ниже средней в нижней группе из 40 %.

Тот же принцип может быть применен к сегментации читательской аудитории. В США журнал *Cosmopolitan* больше привлекает средние слои, а в Китае – исключительно высокодоходные. В Великобритании и России *Cosmo* привлекает людей с доходами выше среднего, кроме низших слоев.

Что касается политической стратификации, то это отношения политического неравенства, вытекающие из различного положения различных групп в системе властных институтов, различной возможности этих групп оказывать влияние на принятие политических решений. Политическая стратификация, существующая в любом обществе, является одним из важнейших источников политики. Политическая стратификация не является статичной, она может изменяться, развиваться за счет того, что те или иные социальные группы меняют свое положение в иерархии властных отношений, возникают новые способы и каналы влияния на власть и основные политические институты. Так, значительные сдвиги в политической стратификации западных обществ произошли на протяжении XX в., когда

новые социальные группы вошли в состав правящей элиты, резко возросла численность бюрократии и аппарата управления разных уровней, увеличилась политическая роль менеджеров крупных, в том числе государственных корпораций.

Основой политической стратификации является разделение на политических лидеров, политические элиты, государственную бюрократию и массовые группы, занимающие подчиненное положение в системе властных отношений. При этом к представителям политических элит, которые находятся на вершине пирамиды властных отношений, обычно относят лидеров основных политических партий, представителей высших органов исполнительной, законодательной и судебной власти, высших представителей местных органов власти, высшее военное руководство (генералитет), владельцев и руководителей тех средств массовой информации, которые оказывают заметное влияние на политическую жизнь общества. Вместе с тем, государственная бюрократия, которая формально занимает подчиненное положение по отношению к политическим элитам, также оказывает значительное влияние на процессы реализации принятых политических решений. Важную роль в политической стратификации играют также отношения клиент – патрон, при которых клиент находится в личной зависимости от своего покровителя. В условиях распространения клиентелизма государственная власть и политическая система функционируют неэффективно, поскольку нарушаются правовые и политические нормы, а в процессе принятия политических решений значительную роль играют личные связи и интересы.

Социальная и политическая стратификация в условиях переходных политических процессов имеет особенности. Многообразные тенденции развития социальной структуры в разных странах мира определяют динамику политических отношений, порождают множественные формы организации власти, активно влияют на внешнеполитические связи и кон-

такты государств. Наиболее яркие и принципиальные различия в политических последствиях социальной дифференциации можно видеть в высокоразвитых, стабильных демократических государствах.

Как показывает опыт последних десятилетий, в развитых индустриальных демократических странах социальная стратификация осуществляется, прежде всего, на основе общего роста материального благосостояния населения, повышения уровня его жизни, усиления ценностных ориентаций людей в пользу свободного времени и освоения культурных достижений и ценностей. Существенным показателем социальной динамики, оказывающим самое позитивное влияние на динамику политических отношений в этих странах, является и возрастание уравновешенности межнациональных и расовых отношений.

В то же время на фоне этих общих положительных тенденций усложняется положение «негативно привилегированных» групп, например, молодежи, женщин, неквалифицированных слоев и некоторых других, для которых характерны наибольшие расхождения между ожиданиями, социальными притязаниями и реально достигнутыми в обществе результатами. Такие группы с большим (нежели другие группы) трудом встраиваются в социально-экономические отношения, достигают средне-статистических жизненных стандартов и собственных целей.

В результате усиления и развития мирохозяйственных связей между странами, формирования региональных и межгосударственных рынков труда практически во всех западных странах образовалась весомая страта иностранных рабочих. С одной стороны, это способствует экономической интеграции и упрочению политических связей и контактов между стратификация рабочую силу и конкурируя с местным населением на рынке труда, иностранные рабочие способствуют увеличению безработицы, а следовательно, и усилению политической напряженности. С другой стороны, статус иностранных рабочих нередко про-

воцирует нарушение их прав со стороны работодателей, вызывает дискриминацию по национальному и демографическому признаку. Не случайно, во многих странах действуют экстремистские группировки, требующие ограничения въезда иностранцев, лишения эмигрантов права на работу. Нередко регулирование такого рода конфликтов также выходит на политический уровень и даже вызывает обострение межправительственных отношений соответствующих стран. С 70-90-х гг. XX в. в ряде стран (Канаде, США, Германии, Швеции и некоторых других) неуклонно растет численность дееспособного населения, существующего благодаря социальной помощи со стороны государства (учащиеся, пенсионеры, инвалиды, безработные и т.п.). Такая внутренняя политика, означая расширение перераспределительных функций государства и сочетаясь с ростом затрат на различные социальные программы, реализацию проектов и целей, направленных на повышение народного благосостояния, однозначно способствует упрочению и стабилизации политических порядков в этих странах.

В условиях такой социально направленной политики государства, на основе роста благосостояния населения, расширения возможностей информационных и культурных контактов между населением разных стран, стимулирующих постоянный поиск новых стилей жизни, в этих странах наблюдается значительный рост разнообразия социокультурной специфики в жизнедеятельности групп. Формирование соседских общин, конфессиональных и неконформистских объединений молодежи, досуговых объединений граждан, непрерывных культурных экспериментов в сфере свободного времяпрепровождения и иные аналогичные процессы влекут за собой образование множества различных устойчивых групп, различающихся по ценностным и стилевым особенностям жизни.

В последние десятилетия появился ряд работ, авторы которых пытаются объяснить социальные позиции стилем жизни и выделя-

ют на этой основе различные социокультурные группы. Ярким примером такой позиции является типология социостилей французского исследователя Б. Катля, положившего в основу своей типологии различия в условиях жизни и системах ценностей, определяющих, по его мнению, социальный выбор. В каждый из выделенных пяти типов социально-культурного менталитета автор включает представителей различных социально-статусных групп.

В переходных государствах социальная дифференциация общества складывается под влиянием целого ряда противоречивых, а зачастую и взаимоисключающих тенденций и факторов. В самом общем виде наибольшую роль здесь играют две противоположных тенденции. Одна из них связана с социальными последствиями становления и развития рыночных отношений, появлением нетрадиционных источников роста доходов и завоеванием людьми новых статусов в обществе, структурной перестройкой экономики, дальнейшей урбанизацией, расширением хозяйственных и культурных взаимосвязей с другими странами, а также рядом других аналогичных факторов. В целом их действие способствует усилению вертикальной и горизонтальной социальной мобильности, укреплению открытости социальной структуры, а также распространению и укоренению в общественном сознании либерально-демократических ценностей.

В переходных обществах формируются три типа стратификационных противоречий, которые вызывают наиболее значимые политические последствия. К ним относятся, прежде всего, социальные конфликты внутри традиционной стратификации, т.е. унаследованные от прежних общественных отношений противоречия между группами внутри дотационной сферы; внутри новой, рыночной стратификации (например, между группами крупного и среднего капитала), а также между этими двумя типами социальности (к примеру, между мелкими торговцами и работниками государственной сферы обслуживания). В контексте взаимодействия этих трех типов противоречий

отношения равенства и неравенства одновременно способствуют и усложнению социальной дифференциации, например, за счет возникновения противоречий между работниками, занятыми в разных отраслях и сферах, и упрощению социальной структуры, связанному, в частности, с формированием бедных и богатых слоев.

Наличие противоречивых тенденций ведет к маргинализации общества, образованию множества промежуточных социальных слоев, существующих не как устойчивые общности, а как размытые множества не определившихся со своим положением людей. В силу этого стратификационные процессы сопровождаются множественными кризисами идентификации, освоения людьми новых ценностей и целей. В конечном счете, такие социальные процессы неизменно усиливают политизацию общественной жизни, способствуют нарастанию несбалансированности групповых отношений и росту политической нестабильности.

Одна из тенденций социального развития западных стран, наблюдавшихся примерно до 80-х гг., — тенденция сокращения социального неравенства и разрыва уровня жизни различных слоев населения, характерная для экономического общества. В настоящее время наблюдается противоположная тенденция: усиление дифференциации доходов и социальной поляризации. Новый социальный раскол формируется между новым высшим классом и низшим.

Для социальной структуры посткоммунистических обществ также характерна значительная динамика, оказывающая существенное влияние на массовое сознание, политическое поведение и участие. Среди основных тенденций можно выделить следующие: значительное социальное расслоение и образование «новых богатых» и «новых бедных»; несформированность среднего класса; значительное перераспределение занятости по отраслям экономики; высокая социальная мобильность и нестабильность социальной структуры в целом; массовая маргинализация.

Как отмечают некоторые исследователи, основным критерием статусности в России и во многих других посткоммунистических странах является в настоящее время (и, вероятно, будет являться в ближайшем будущем) обладание капиталом или уровень дохода.

Политическая стратификация связана с учетом различного статуса государств. Китай объявил об увеличении своих военных расходов на 12,6 %. И, тем не менее, представители китайского руководства говорят о "мирном" подъеме Китая и его "мирном развитии". Такие эксперты, как Джон Мирсхаймер из Чикагского университета, напрямую указывают, что подъем Китая не может быть мирным и что, вероятно, между США и Китаем начнется интенсивное соперничество со значительной вероятностью развязывания войны.

Оптимисты напоминают, что с 90-х гг. Китай проводит политику добрососедства, уладил приграничные конфликты, активнее стал участвовать в международных институтах и понял все преимущества soft power. Пессимисты, наоборот, считают, что Китай лишь ждет, пока его экономика создаст основы для будущих гегемонистских устремлений.

Экономический рост Китая на уровне 8...9 % в год в последние два десятилетия XX в. привел к утроению ВВП. Однако перед Китаем лежит еще долгий путь, перед ним стоит много препятствий. Экономика США примерно в два раза мощнее китайской. Если американская экономика ежегодно будет расти всего на 2 %, а китайская — на 6, то где-то после 2025 г. они могут сравняться. Но даже тогда они не будут равны. В Китае по-прежнему будут огромные недоразвитые сельские районы, а доход на душу населения сблизится с американским не раньше 2075 г. Китай далек от того, чтобы бросить вызов американскому превосходству. Кроме того, китайская экономика страдает от неэффективности государственных предприятий, нестабильной финансовой системы и неразвитой инфраструктуры.

Из-за этого Китай будет казаться своим соседям все более опасным и усложнять аме-

риканские инициативы в Азии. По прогнозам, в 2015 г. военные расходы Китая будут более чем в шесть раз превышать военные расходы Японии.

Какими бы точными ни были оценки военного роста Китая, последствия будут зависеть и от того, что будут делать США и другие страны. В информационный век военная сила зависит от высокоскоростных компьютеров и "интеллектуального" оружия, а также от способности собирать, обрабатывать, распространять и интегрировать данные сложных космических систем наблюдения. Китай и другие страны смогут приобрести те или иные возможности, однако многие военные эксперты считают, что Китай быстро не догонит США. Неспособность Китая конкурировать с США на глобальном уровне, однако, не означает, что он не сможет бросить США вызов в Восточной Азии или, что война из-за Тайваня невозможна.

Произошел поворот в сторону Востока, ибо Китай удвоил наукоемкость ВВП. Аскар Акаев в статье «Геополитика и экономические циклы» отмечает: «Число научных работников в Китае приближается к 1 млн чел. (больше только в США – 1,3 млн). Высокие темпы роста китайской экономики – в среднем 10 % в год –

за последние 15 лет привели к важным количественным и качественным последствиям. Достигнут исторически масштабный эффект – Китай стал четвертой экономикой мира. Ставится задача к 2020 г. стать «инновационно-ориентированным обществом», а к 2005 г. – мировым лидером в сфере науки и технологий». Очевидно, что Китай вышел в тройку лидеров мировой экономики вместе с США и Японией по затратам на научно-исследовательские и конструкторские работы (НИОКР).

Политическая стратификация обусловлена социальной стратификацией: социальной диспропорцией классовых групп, фиксирующих политическую активность. Стратификация как ранговая дифференциация проявляется в подвижности политических институтов, в ранжировании политических акторов, влияющих на политические решения. Изменение каналов влияния на власть усугубляется не только внутренней, но и внешней стратификацией. Особое положение США в современном мире базируется на реализации собственных интересов. Стратификация, как переходный политический процесс, приводит к изменению миропорядка и усилению Китая.

Литература

1. Фролова, М.А. Политическая стратификация [Текст] / М.А. Фролова. – М.: Аспект Пресс, 1995. – 175 с.
2. Анурин, В.Ф. Политическая стратификация: Содержательный аспект [Текст] / В.Ф. Анурин // Социологические исследования, 1996. – № 12. – С. 10
3. <http://www.oprave.ru/Cosial/cos-008.html> [Электронный ресурс] (Гуменюк В.В.).

4. http://www.alestep.narod.ru/middle/middle_confer.htm [Электронный ресурс] (А.И. Степанов).
5. Акаев, А. Геополитика и экономические циклы [Текст] / А. Акаев // Политический класс. – 2008. – № 10 – 4 окт. – С. 108
6. Кобяков, А. Нас засасывает в воронку рецессии [Текст] // Политический журнал, 2008. – № 13 – 1 дек. – С. 18.

Коротко об авторе

Макарова Л.С., аспирантка, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
8-914-439-9955

Briefly about author

Makarova L., graduate, Chita State University (ChSU)

Научны интересы: внешняя и внутренняя политика США, политические процессы в современном мире и в России

Scientific interests: the USA internal and foreign policy, political processes in the modern world and in Russia

УДК 323.1

Савинов Леонид Вячеславович
Savinov Leonid

**ЭТНОПОЛИТИКА ГАЗОВОГО ТРАНЗИТА
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ)**

**ETHNIC POLICY OF GAS TRANSIT
(BY AN EXAMPLE OF ALTAI REPUBLIC)**

Рассматриваются этнополитические аспекты строительства через плато Укок газопровода «Алтай». Выделяются проблемы, связанные с нарастанием миграционных потоков, сохранением первозданной природы, исторического наследия и уникальной культуры коренных народов Алтая. При этом основные вызовы политической стабильности, связанные с этнополитикой газового транзита, носят отложенный характер и определяются борьбой этнополитических акторов за материальные, социальные, духовные и иные капиталы

The article considers ethnopolitical aspects of gas pipeline "Altai" construction through Ukok plateau. There are problems concerning migratory stream increase, primeval nature conservation, historical heritage and unique culture of Altai native people. And at the same time, main challenges of political stability connected with ethnic policy of gas transit are deferred and determined by ethnopolitical actors fight for material, social, spiritual and other capitals

Ключевые слова: этнополитика, этнополитические процессы, Алтай, газопровод

Key words: ethnic policy, ethnopolitical process, Altai, gas pipeline

На конференции «Энергетика – глобальные игроки и арбитры (взаимозависимость, партнерство, конкуренция)» в рамках XII Петербургского экономического форума отмечалось, что прогнозы роста спроса на энергоресурсы в ближайшем и отдаленном будущем свидетельствуют о потенциальном росте дефицита энергоресурсов. Поиск решения этой проблемы уже ведет к росту напряженности в отношениях между национальными государствами и глобальными компаниями.

Совершенно очевидно, что в современном мире дефицита энергоресурсов и глобального роста экономик главным образом «Большой четверки» BRIC – Бразилии, России, Индии и Китая, формируется совершенно новая конструкция геополитических интересов и противоречий.

На постсоветском пространстве энергопровоцируемые геополитические напряженности связаны в первую очередь с транзитом углеводородов: объемами и маршрутами нефтяных и газовых транзитов.

Яркий пример тому нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан (БТД), который строился как альтернатива российским маршрутам транспортировки нефти Каспийского региона, несмотря на его дороговизну. Однако США приложили огромные усилия, чтобы продавить именно турецкий маршрут, как торжество американской политики в регионе, объявленном зоной стратегических интересов Запада. С геополитической точки зрения, основная цель строительства нефтепровода заключалась, конечно же, в создании независимого от России пути транспортировки нефти из Азербай-

джана (а впоследствии и Казахстана) на мировые рынки. США и Великобритания, лоббировавшие и финансировавшие проект, в качестве его обоснования выдвинули идею о необходимости диверсификации маршрутов экспорта энергоносителей и стабилизации мирового энергетического рынка.

Однако эти геополитические реалии несколько не умоляют специфики и новых вызовов, связанных с транспортировкой углеводородов в других регионах.

Именно поэтому нами предпринята попытка осмысления этнополитических вызовов и угроз, определяемых и формируемых возможностью строительства газовой трубы через Республику Алтай. Речь идет о газопроводе «Алтай», который соединит месторождения Западной Сибири с Синьцзян-Уйгурским автономным районом на западе Китая, где он вольется в китайский трубопровод «Запад - Восток». Предполагается, что газопровод пройдет через плато Укок и пересечет границу на перевале Канас или Бетсу-Канас.

Горный Алтай – это, конечно, сложный геополитический узел, где сходятся границы четырех государств – России, Китая, Монголии и Казахстана. Здесь соседствуют десятки этносов (этнических групп) Центральной Азии и Европы. Здесь же соприкасаются три мировых религии: русское православие; буддизм и близкие к нему направления веры бурят, тувинцев и алтайцев; ислам казахов и уйгуров. При этом коренные народы Сибири традиционно исповедуют и шаманизм.

Первоначально рассматривались два варианта транзита российского газа: прямой – через Алтай; обходной – через Монголию. Оба варианта имеют свои геополитические, экономические, экологические и иные плюсы и минусы. Эти возможности и ограничения в значительной степени определяются и этнополитическими реалиями и отложенными угрозами и рисками этнополитики.

Суть проблемы не в том, что труба соединит две автономии России и Китая: Синьцзян-Уйгурский автономный район и Республи-

ку Алтай. И, конечно, не в том, что правительства обоих государств озабочены экологией этих регионов. К тому же существует реальная перспектива исключения плоскогорья Укок из списка Всемирного природного наследия ЮНЕСКО. Суть в том, как строительство трубы (возможное и реальное) будет использовано этнополитическими акторами в борьбе за политические, экономические, культурные и другие капиталы.

Ситуация в Республике Алтай достаточно убедительно доказывает актуальность именно этого варианта этнополитики газового транзита. Рассмотрим вызовы этой этнополитики.

Во-первых, газовый транзит неминуемо усилит миграционные процессы в регионе. При этом алтайцы, и в большей степени алтайские казахи, серьезно опасаются китайской экспансии их коренных территорий на Горном Алтае. Это на фоне того, что китайская миграция вызывает серьезные опасения у всех жителей Сибири.

По мнению профессора Алтайского государственного аграрного университета А. Иванова, одна из важнейших проблем «данного газопровода – проблема этноэкспансии со стороны Китая. <...> Если же вспомнить, что уже много лет Китай лоббирует строительство автомагистралей и железной дороги через Укок на Алтай, то возможность этноэкспансии превращается в неизбежность. И не случайно китайцы не хотят даже говорить о варианте транспортировки газа через третью страну – Монголию или Казахстан» [1; С. 7]. Трудно не согласиться с тем, что газовый транзит – это не только газ в Китай и доллары в Россию, но и серьезные односторонние миграционные потоки.

Во-вторых, актуализируется проблема сохранения уникальной культуры народов Сибири (в нашем случае, народов Алтая). Так, в июне 2006 г. международная организация Sacred Earth Network (Сеть Священной Земли) организовала на Алтае встречу старейшин из числа коренных народов Канады, США и Гва-

темалы с традиционными старейшинами Сибири. Участники с российской стороны, представители Горного Алтая, Бурятии, Тывы и Хакасии на этой встрече выразили особую озабоченность о сохранении языка, культуры, традиций, обычаев и образа жизни коренных народов Сибири.

Какие народы можно назвать коренными? Размышляя над этим вопросом, президент Ассоциации особо охраняемых природных территорий Алтая Д. Мамыев предполагает, что это, может быть, те народы, которые лучше других понимают землю, на которой живут.

И здесь определяется *третья* проблема этнополитики газового транзита на Алтае – проблема сохранения первозданной природы Алтая, уникальной экосистемы, являющейся основой образа жизни алтайских народов.

В-четвертых, не менее значим фактор сохранения исторического наследия. Строительство газопровода через плато Укок, которое признано в мировой археологии как уникальный объект исторического наследия, не только угрожает целостности исторических артефактов. Многие коренные алтайцы прямо указывают на то, что нарушение границ Укока приведет к осквернению священных для алтайцев мест. Эта проблема накладывается на фактор «Алтайской принцессы», обнаруженной в 1993 г. экспедицией новосибирских археологов академика В.М. Лодина и Н. Полосьмак в кургане скифского времени на плато Укок вблизи границы с Монголией. Местные шаманы утверждают, что мумия принадлежит принцессе Кыдын, которая во все времена чтилась алтайцами, а место, где она лежала, и сама мумия являются священными для алтайцев.

В-пятых, все еще острым остается конфликт между элитами республики и ее ответственностью в вопросе о возможности строительства газопровода «Алтай». В июне 2006 г. пресс-служба правительства Республики Алтай распространила текст «Заявления 26» –

большой группы чиновников во главе с Главой Республики и поддержавших их представителей системной общественности и государственной прессы, где заявили о том, что они поддерживают идею президента В. Путина и «Газпрома» построить через территорию Алтая газопровод в Китай. Одновременно эта инициатива нашла серьезное сопротивление среди широкой общественности.

Обозначенные проблемы этнополитики газового транзита усиливаются достаточно серьезными, на наш взгляд, тенденциями к обострению межэтнических отношений в Республике на фоне возможного ее объединения с Алтайским краем. Большинство жителей республики (64,8 %) не желает объединения с краем. Хотят этого только 16,2 %, не определилось в этом вопросе 19 %. Даже если все последние одержат идею объединения, то численность сторонников слияния этих субъектов РФ составит лишь третью часть населения республики [2; С. 166-168].

Наши исследования (экспертный опрос (N = 124) проводился в мае 2008 г. на территории Республики Алтай) показывают, что проект по объединению республики с Алтайским краем поддерживают 12,2 % опрошенных, против объединения – 84,9 %, затруднились ответить – 3 %.

Результаты сравнительного исследования (экспертный опрос (N = 254) проводился в январе-феврале 2008 г. в Новосибирске, Красноярске, Алтае, Бурятии, Тыве, Хакасии), проведенного в апреле-мае 2008 г., обнаруживают, что в Республике Алтай существует, по мнению экспертов, довольно высокий уровень межэтнической тревожности (30,5 %) и напряженности (34,6 %). Крайне высокий кризисный характер межэтнических отношений зафиксирован в соседней Тыве – 45,5 %. И этот фактор также нельзя не учитывать, когда определяются этнополитические перспективы на юге Сибири, особенно на границе с Китаем (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете состояние межнациональных отношений в Вашей области (крае, республике)», %

Как Вы оцениваете состояние межнациональных отношений в Вашей области (крае, республике)	Регион						
	Республика Алтай	Республика Бурятия	Республика Тыва	Республика Хакасия	Красноярский край	Новосибирская область	Вся выборка
Неконфликтный, спокойный характер	28,1	53,7	5,6	55,6	45,7	57,1	46,9
Тревожный характер	30,5	25,9	21,7	22,2	23,9	28,6	25,9
Напряженный характер	34,6	3,7	27,3	16,7	8,7	0,0	9,9
Конфликтный, кризисный характер	5,2	3,7	45,5	0,0	0,0	0,0	4,3
Не поддаются оценке	1,6	1,9	0,0	0,0	4,3	9,5	3,1
Затрудняюсь ответить	0,0	7,4	0,0	5,6	8,7	4,8	6,2
Нет ответа	0,0	3,7	0,0	0,0	8,7	0,0	3,7

Убедительны для наших выводов и ответы на вопрос о влиянии этнического фактора на политические процессы в регионах. Республика Алтай здесь уступает

совсем немного Тыве, что еще раз свидетельствует о высоком уровне этнической политизации в республике (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Влияет ли национальный фактор на политические процессы в Вашем регионе?», %

Как Вы считаете, влияет ли национальный фактор на политические процессы в Вашем регионе	Регион						
	Республика Алтай	Республика Бурятия	Республика Тыва	Республика Хакасия	Красноярский край	Новосибирская область	Вся выборка
Влияет	50,6	27,8	63,6	38,9	13,0	14,3	27,2
Скорее влияет, чем не влияет	21,1	29,6	27,3	16,7	17,4	33,3	25,9
Скорее не влияет, чем влияет	20,0	16,7	0,0	22,2	30,4	33,3	21,0
Не влияет	8,3	14,8	9,1	22,2	17,4	19,0	16,0
Затрудняюсь ответить	0,0	9,3	0,0	0,0	8,7	0,0	5,6
Нет ответа	0,0	1,9	0,0	0,0	13,0	0,0	4,3

Итак, этнополитика газового транзита в Республике Алтай имеет свои уникальные особенности и уже оказывает определяемое влияние на характер политики и политических процессов в регионе. При этом необходимо признать, что основные вызовы этнополитической стабильности и безопасности, связанные с этнополитикой газового транзита, носят отложенный характер и определяются борьбой этнополитических акторов (антрепренеров) за

повестку дня в республике по самому широкому спектру проблем и борьбой за материальные, социальные, духовные и иные капиталы.

И, наконец, в этих новых этносоциальных и этнополитических условиях требуется взвешенная и продуманная региональная этнополитика как со стороны органов государственной власти, так и институтов гражданского общества: местного самоуправления, СМИ, общественных объединений и т.д.

Литература

1. Панина, Т. *Китайцы придут по трубе* [Текст] / Т. Панина / *Российская газета*. – 2006. – 29 августа.

2. Растов, Ю.Е. *Перспектива объединения*

Алтайского края и Республики Алтай в оценках их жителей [Текст] / Ю.Е. Растов // *Социальные процессы в современной Западной Сибири: сб. науч. тр.* – Горно-Алтайск, 2007.

Коротко об авторе

Савинов Л.В., канд. полит. наук, доцент, Сибирская академия государственной службы (СибАГС)
savinov@sapa.nsk.su

Научные интересы: этнополитика, этнополитические процессы

Briefly about author

Savinov L., Ph. D. (Politics), Assistant Professor of Sociology Department, Siberian Academy of Public Service (SibAPS)

Scientific interests: ethnic policy, ethnopolitical processes

---

УДК 22.00.08

Третьякова Татьяна Олеговна
Tretyakova Tatyana

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ И В ОРГАНАХ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

ADMINISTRATION STRUCTURE AT PUBLIC SER- VICE AND JUDICIAL AUTHORITY

Статья посвящена проблеме управления культурой государственного аппарата. Даны характеристики организационной культуры. Констатируется управленческая культура – это составляющая часть организационной культуры, которая зависит от норм поведения и ценностных ориентиров работников той или иной организации

This article is about the problem of culture management of State machinery. There is a characteristic of organization culture. It is determined that management culture is a constituent part of organization culture and it depends on norms of behaviour and value guiding lines of officials of this or that organization

Ключевые слова: организационная культура, управленческая культура, государственная служба, государственное управление, профессиональная деятельность, судебная власть

Key words: organization culture, management organization, public office, state government, professional activity, judicial branch

Сложный этап становления российской государственности требует профессионального анализа, научного и практического осмысления проблем управления в структурах публичной власти. В настоящее время происходит преобразование всей государственной системы. В соответствии с ним должна меняться и система управления. Сложившиеся стереотипы управления, недостаточная методологическая разработка новых региональных структур приводят фактически к потере управляемости. Созданные системы пока не выполняют возложенные на них функции управления экономическими и социальными процессами.

По мнению К.О. Магомедова: «Одной из особенностей начавшегося в 90-е гг. переходного периода социальных и экономических

трансформаций российского общества стало снижение уровня организационной культуры государственной службы, связанное, с одной стороны, с неизбежными потерями при переходе из одного состояния всей системы государственной власти и управления в другое, существенно обновленное, в том числе и в кадровом отношении, с другой – с невозможностью за короткое время создать эффективные институциональные формы социальной организации государственной службы». В современный период развития российского общества остро стоит проблема управления культурой госаппарата, которая напрямую связана со стабильностью экономической, социально-политической, социокультурной ситуацией в стране. Факторами нестабильности выступают низкая правовая культура госслужа-

щих, отсутствие нравственной культуры, слабо развитая административная этика. Эффективное решение проблем, связанных с управленческой культурой на современном этапе, можно обеспечить путем управления формированием культуры госаппарата, опираясь на положительный отечественный и зарубежный опыт решения подобных проблем. Переход от командно-административной системы управления к рыночным механизмам управления экономикой представляет собой сложный и ответственный этап в развитии страны и общества. При этом происходит смена приоритетов, существенные структурные сдвиги, кризисные явления в экономике и социальной сфере. Все это требует переосмысления подходов к формированию новой управленческой культуры госаппарата.

Диагностика организационной культуры находит свое применение в развитии практики управления человеческими ресурсами, позволяет руководителям и управленцам любого уровня анализировать существующее положение дел и прогнозировать успешность и эффективность работы персонала своей организации. В процессе проведенного нами исследования было выявлено, что существующие направления организационной культуры при единстве предмета имеют относительно самостоятельные объекты, инструментарий анализа.

С учетом рассмотренных в научной литературе подходов, моделей, типов и взглядов на организационную культуру отметим, что цели для ее изучения различны. Среди них можно выделить выявление доминирующей организационной культуры на внутриорганизационные процессы, исследование социально-экономического пространства конкретной организации. Каждый из типов и моделей организационной культуры характеризуется набором определенных методов управления. Нами обоснована объективная необходимость изучения и развития организационной культуры на основе методов управления персоналом. Административные, экономические, социологические и психологические методы являются

способами воздействия на персонал для достижения целей организации. В то же время методы управления персоналом являются и проявлениями культуры. Следовательно, они будут индикаторами обратного влияния, т.е. формирования культуры организации. Полагая, необходимо уточнение определения организационной культуры с учетом новых категорий: организационная культура – это сложная, нелинейная, открытая, самоорганизующаяся система, обеспечивающая мотивацию персонала и регулирование деятельности организации с учетом норм, ценностей, правил и методов управления, разделяемых и применяемых большинством работников, и являющаяся фактором эффективной работы персонала организации.

Как уже отмечалось ранее, управленческая деятельность определяется многосторонней деятельностью человека по преобразованию общества и самого себя и выражается в необходимости управления своим развитием. Говоря об организационно-структурной системе общества, в которой в наличии имеются определенные профессиональные связи, традиции, идеи, стереотипы, различные приемы, применяемые для достижения целей, исследователи затрагивают профессиональную (корпоративную) культуру. Профессиональная культура дает представление об организационно-структурной системе как об едином целом, об определенных аспектах жизнедеятельности этой системы, даже таких, которые скрыты от логического анализа, и все же вместе с тем оказывают не менее существенное воздействие на субъект и объект управления, чем те, которые могут быть определены логикой и обусловлены административно-бюрократическими методами. Говоря о государственном управлении, мы подразумеваем его как некую систему, функционирующую через интеллектуальную и практическую деятельность людей, работающих в государственном аппарате. Управленческая культура как раз и является той самой составляющей указанной системы, которая определяет её целостность и

организованность, она олицетворяет собой субъективный фактор системы управления, подразумевающий влияние субъективного на объективные процессы. Управленческая культура отражает способность государственных служащих оперативно и эффективно реагировать на изменения внешней среды, происходящие во всех сферах общественной деятельности с целью обеспечения мобильности управления, с одной стороны, и его устойчивости – с другой. С одной стороны, управленческая культура подразумевает установки и принципы такой социальной структуры, как управленческий аппарат; с другой стороны, охватывает все общество в целом, ибо любая группа оказывается системой, в которой наличествуют как субъект, так объект управления. Именно это определяет важность вопроса формирования и развития управленческой культуры на современном этапе.

Термин «управленческая культура» не закреплён в словарях, имеется множество близких по смыслу терминов, обозначающих, однако, различные понятия. Наряду с термином «управленческая культура» в литературе также часто используются термины «организационная культура», «корпоративная культура», «профессиональная культура управления», «профессионально-нравственная культура труда», «культура менеджмента», их можно встретить на страницах экономической, социологической, политической, культурологической литературы.

В связи с этим возникает необходимость разграничения некоторых понятий и терминов, их обозначающих. Определения организационной культуры разбиваются на четыре группы. Первое из определений гласит, что «организационная культура – это разделяемая членами организации система оценок и представлений ... набор разделяемых ценностей, образцов поведения, символов, установок и принятых способов целедостижения...».

Второе понимает под организационной культурой «совокупность базовых представлений, которые данная группа изобрела, обнару-

жила или достигла каким-либо другим способом в результате попыток адаптироваться к внешней среде или решать задачи, связанные с обеспечением внутренней интеграции». Третье рассматривает организационную культуру как «набор поддерживаемых всеми членами организации установок, ценностей, представлений, которые направляют поведение членов данной организации». Четвертое определяет ее как «разделяемые членами организации философию, ценности, нормы, которые связывают организацию в единое целое, то есть целостную систему, существующую для придания смысла результату и процессу деятельности, создания форм взаимодействия и его осуществления, постоянно создаваемую и воссоздаваемую через это взаимодействие». При этом определения не затрагивают госаппарат и культуру управления госаппарата, отдавая предпочтение организационной культуре предприятий.

Термину «корпоративная культура» даются следующие определения, так же разбитые на четыре подхода: согласно первому, организационная культура – это «философия и идеология управления, предположения, ценностные ориентации, верования, ожидания, расположения и нормы, лежащие в основе отношений и взаимодействий как внутри организации, так и за ее пределами».

Второе гласит, что это «специфическая, характерная для данной организации система связей, взаимодействий и отношений, осуществляющихся в рамках конкретной предпринимательской деятельности, способы постановки и ведения дела».

Третье понимает под организационной культурой систему «материальных и духовных ценностей, проявлений, взаимодействующих между собой, присущих данной корпорации, отражающих ее индивидуальность и восприятие себя и других в социальной и вещественной среде» и проявляющуюся «в поведении, взаимодействии, восприятии себя и окружающей среды».

Четвертое определяет ее как «набор

наиболее важных предположений, принимаемых членами организации и получающих выражение в заявляемых ею ценностных ориентациях, передаваемых индивидам через (символические) средства духовного и материального внутриорганизационного окружения и задающих людям ориентиры их поведения и действий».

Корпоративная культура рассматривается несколько шире. Однако по-прежнему отдается предпочтение исследованию культуры предприятий, не касаясь сферы госуправления. Термины «профессиональная (корпоративная) культура» и «профессиональная культура управления», или «профессионально-управленческая культура» иногда применяются как в отношении управленческой культуры госаппарата, так и в отношении культуры менеджмента предприятий, т.е. в широком смысле.

С одной стороны, управленческая культура является составляющей частью организационной культуры, так как среди норм поведения и ценностных ориентиров работников той или иной организации непременно присутствуют представления и установки на проведение в жизнь определенных методов управления, некие ориентиры в управлении, моральные и материальные. Обозначая управленческую культуру госаппарата как часть общей системы государственного управления, мы относим управленческую культуру преимущественно к системам субъект-объектной направленности, т.е. определяем ее как культуру отношений, осуществляемых большей частью от субъекта власти к ее объекту. Организационная же культура охватывает весь спектр отношений организации.

В гл. 9 «Организационная культура государственной службы как объект социологического исследования» книги «Социология государственной службы» К.О. Магомедов отмечает: «С социологической точки зрения, организационная культура государственной службы представляет собой определенный уровень оптимального сочетания профессионализма, исполнительности, дисциплины, ответственно-

сти и нравственности государственных служащих, проявляющийся в их организационном поведении в системе государственных отношений при обеспечении полномочий государственных органов в соответствии с действующим законодательством.

Организационную культуру государственной службы рассматривают в качестве системного социокультурного образования как организационные отношения в системе государственной службы и организационного поведения государственных служащих, влияния организационной культуры государственной службы на эффективность процесса прохождения службы, а также как проблему управления организационной культурой государственной службы».

Учеными кафедры государственной службы и кадровой политики РАГС при Президенте Российской Федерации в 1999 г. проведено социологическое исследование, посвященное изучению проблем становления и развития новой организационной культуры государственной службы в России. Результаты социологического исследования подтвердили наличие неоднозначности в понимании и толковании организационной культуры государственными служащими, восприятии и выделении ими ее важных особенностей и функционального предназначения в деятельности государственных органов власти и управления. Анализ материалов социологического исследования показал, что в качестве характерных черт организационной культуры государственной службы как организационного, социально-правового и социально-политического института могут быть определены упорядочение, согласованность и направленность ее деятельности.

По степени важности организационных ценностей и принципов в современной государственной службе России выделяются:

- а) профессиональная компетентность государственных служащих;
- б) наличие правовой основы деятельности органа власти;

в) гласность в осуществлении деятельности органа власти;

г) стабильность положения организации и социальная защищенность государственных служащих.

Для детального социологического анализа организационной культуры государственной службы необходимо рассматривать две ее основные подсистемы: «культура административного органа» и «культура деятельности».

Негативным фактором в становлении организационной культуры государственной службы Российской Федерации является то, что подавляющее большинство государственных служащих при выполнении своих должностных обязанностей руководствуются прямыми указаниями непосредственного руководителя и только частично должностными инструкциями и другими нормативными документами.

Организационная культура государственной службы представляет собой профессиональную и нравственную основу влияния государственной службы на политику посредством служебного консультирования, административного нормирования и служебной самостоятельности. Она определяет отношение государственных служащих к ответственности за свои действия и контролю своей деятельности со стороны общества и государства.

Однако сказать однозначно, что культура управления – часть организационной культуры, мы не можем. Являясь частью организационной культуры, культура управления имеет совершенно отличные от последней корни формирования, в особенности это касается госуправления. Если организационные культуры мы можем без ограничений поставить во множественном числе, то с управленческой культурой возникают некоторые трудности. Организационные культуры разных предприятий могут быть различны. Превалирующие в различных организациях нормы и ценности, образцы поведения и примеры нравственности варьируются от одного предприятия к другому. Они могут быть очень похожи и, напротив, абсолютно различны. Это зависит от рода дея-

тельности, подбора коллектива (национальный состав, профессионализм, возраст и т.д.), местонахождения организации и других факторов. Управленческая культура здесь также присутствует как фактор в виде методов осуществления руководства, ценностей и стандартов конкретного состава управленцев. Однако в плане формирования и развития управленческой культуры – это более широкое понятие, выходящее за рамки отдельного предприятия, отрасли или страны. Управленческая культура формируется на более высокой степени, и, как уже отмечалось, это напрямую касается управленческого аппарата страны, где формирование методов управления идет сверху вниз, и проблемы управленческой культуры местного самоуправления есть отражение проблем управленческой культуры федеральной власти. Вопрос о включении управленческой культуры в структуру организационной стоит лишь в рамках конкретного учреждения, когда организационная культура влияет на формирование управленческой. Если же мы берем последнюю в масштабах отрасли, страны и мирового сообщества, то здесь уже речь идет об обратном влиянии. В данном случае управленческая культура в определенной степени начинает формировать отдельные культуры как организационные, так и общенародные.

Безусловно, управленческая культура частных предприятий и управленческая культура госаппарата различны. Но эти различия номинальны, так как касаются только различий в роде деятельности и подходов в управлении. При этом у каждого управленца одна конечная цель – организация работы коллектива таким образом, чтобы достичь эффективности выполнения поставленных задач с наименьшими потерями и наилучшими результатами. Это обуславливает проникновение различных типов управленческой культуры, их обмен опытом и тенденции к формированию в дальнейшем единой управленческой культуры.

Здесь же следует отметить насколько близки становятся понятия «организационная

культура» и «управленческая культура» применительно к госаппарату, исходя из того, что суть деятельности последнего – управление. В нашей работе мы рассматриваем непосредственно госаппарат, поэтому термин «управленческая культура» будет употребляться в узком смысле, как управленческая культура госаппарата. Таким образом, мы определим управленческую культуру как совокупность ценностных ориентаций, принципов и установок управленца в отношении своей профессиональной деятельности, являющуюся духовной направляющей деятельности управленцев.

Судебная власть еще со времен Ш.Л. Монтескье традиционно считается одной из ветвей государственной власти. Обычно (в т.ч. в действующей российской конституции, Уставе Санкт-Петербурга) она называется третьей, уступая пальму первенства законодательной и исполнительной. Однако, например, Л. Фридмэн открывает свой знаменитый учебник по американскому праву именно рассказом о судебной власти. Более того, в литературе можно встретить вполне обоснованные утверждения об исторической первичности суда по сравнению с законодательной и исполнительной ветвями государственной власти.

Практическая реализация принципов самостоятельности судебной власти и независимости судей является общепризнанным критерием правового государства и демократического политико-правового режима. Б.Н. Топорнин пишет по этому поводу: «Уровень правосудия давно уже стал фирменным знаком, лакмусовой бумажкой демократии и законности». Основными задачами суда (осуществляемыми, прежде всего, посредством отправления правосудия путем как уголовного, гражданского и административного, так и конституционного судопроизводства) называются «защита права», «утверждение законности и справедливости». Другими словами, суд разрешает споры о праве, восстанавливая нарушенные субъективные права, способствуя, таким образом, установлению правопорядка в обществе, торжеству справедливости. Таким образом, суд выполняет важнейшую общесоциальную задачу, а именно разрешение общественного конфликта в любой из его возможных форм.

Специфика судебной власти, по сравнению с «политическими властями» – законодательной и исполнительной – заключается в ее постоянстве и нейтральности.

Литература

1. Магомедов, К.О. Социология государственной службы [Текст] / К.О. Магомедов. – М., 2007. – С. 114-115.

2. Романов, П.В. Социология менеджмента и организаций [Текст] / П.В. Романов. – Ростов н/Д: Феникс, 2004. – С. 53-55.

3. Кравченко, А.И. Социология управления [Текст] / А.И. Кравченко, И.О. Тюрина. – М.: Академический Проект; Трикста, 2004. – С. 87-91.

4. Глазунова, Н.И. Система государственного управления [Текст] / Н.И. Глазунова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – С. 39.

5. Монтескье Ш.Л. О духе законов [Текст] / Ш.Л. Монтескье. – М., 1975.

6. Фридмэн Л. Введение в американское право [Текст] / Л. Фридмэн. – М., 1993. – С. 152.

7. Топорнин Б.Н. Европейское право [Текст] / Б.Н. Топорнин. – М., 2000. – С. 93.

Коротко об авторе

Третьякова Т.О., аспирантка, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
8-914-464-7047

Научные интересы: социология управления, государственная служба

Briefly about author

Tretyakova T., graduate, Chita State University (ChSU)

Scientific interests: sociology of management, public office

УДК

Асочаков Артём Андреевич
Asochakov Artyom

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ БАНКОВСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ,
ОСОБЕННОСТИ, ВОЗМОЖНОСТИ
ПРОГНОЗИРОВАНИЯ**

**CRIMINALISTICS DESCRIPTION OF CRIMES IN
BANK FIELD: MAIN ASPECTS, PECULIARITIES,
FORECASTING CAPABILITY**

Раскрываются понятие и элементы криминалистической характеристики, специфические особенности криминалистической характеристики преступлений в сфере банковской деятельности

It is provided an explanation for the conception and elements of criminalistics description, specific peculiarities of crimes in bank field

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, преступление

Key words: criminalistic reference, crime

Прежде чем приступить к изложению криминалистической характеристики налоговых преступлений, представляется оправданным кратко рассмотреть некоторые общие вопросы, относящиеся к самой категории «криминалистическая характеристика преступлений» и определяющих ее понятие, содержание и структуру.

Обзор литературных источников показывает, что к вопросу понятия криминалистической характеристики авторы, рассматривающие эту проблему, подходят разными путями. Одни видят в нём «систему данных» [1], т.е. сведений о свойствах и качествах преступного деяния. Другие считают, что под криминалистической характеристикой следует понимать «совокупность признаков» [2], комплекс дан-

ных, т.е. показателей, черт преступлений, третьи – «научную категорию» [3], или научную абстракцию, отражающую криминалистические черты, признаки и свойства преступлений. Достаточно подробное освещение и анализ различных понятий и определений криминалистической характеристики, дававшихся в разное время разными авторами, уже приводились в литературе, и повторять это вряд ли целесообразно [4].

Неоднозначный подход к определению понятия данной категории объясняется неопределенностью самого понятия «характеристика». Под ней понимается один из приемов ознакомления с предметом (когда определение понятий невозможно или не требуется), состоящий в отражении наиболее существен-

ных свойств, особенностей исследуемого объекта в целом или его отдельных закономерностей, которыми он отличается от других объектов [5].

Объектом исследования, результаты которого обобщаются в криминалистической характеристике, является преступление как явление объективной действительности. Когда речь идет о криминалистической характеристике, то тем самым подчеркивается значение определенных свойств и черт с точки зрения задач криминалистики и при этом имеется в виду отражение, выявление и описание таких признаков и характеристик, которые способствуют успешному расследованию преступлений. В этом смысле криминалистическая характеристика не может быть точной копией всех свойств и признаков конкретного преступления, поскольку последние представляют собой сложную, многогранную систему взаимосвязанных и взаимообусловленных физических и психических процессов: решений, поступков, действий лиц, совершивших преступление, а также лиц, оказавшихся втянутыми в сферу преступного события. Криминалистическая характеристика отражает лишь типичные свойства, признаки и связи элементов, составляющих структуру преступления, имеющих значение для расследования. В этой связи представляется правильной позиция авторов, обосновывающих необходимость исследования криминалистически значимых особенностей, свойственных определенным видам и группам преступлений [6]. Такие исследования позволяют с наибольшей полнотой выявить максимально пригодные для практики криминалистически значимые особенности преступления.

Таким образом, криминалистическую характеристику можно определить как информационную категорию, отражающую свойства и признаки преступлений определенной классификационной группы, имеющих значение для расследования. Она служит информационной базой для дальнейшего построения методики расследования, определяет рациональную

систему в построении процесса расследования преступлений определенного вида. Кроме того, на протяжении всего процесса расследования криминалистическая характеристика позволяет контролировать полноту собираемой по делу информации путем сопоставления имеющейся в распоряжении следователя с трафаретной (стандартной), помогает определить пути и направления поиска необходимой для следствия криминалистически значимой информации, а также дополняет собранные по делу сведения входящими в ее содержание обобщенными данными.

Знание криминалистической характеристики преступлений может существенно упорядочить работу следователя по определению направлений расследования, обеспечить целенаправленное выявление криминалистически значимых признаков в расследуемом преступлении, выдвинуть наиболее перспективные версии, эффективно и действенно спланировать процесс расследования, чтобы при минимальных затратах сил и времени обеспечить успешную реализацию всех его задач.

Криминалистическая характеристика преступлений, как модель преступлений определенной классификационной группы, является категорией не статической, а динамической, отражающей динамику и развитие исследуемой группы преступлений. В этом качестве она представляет широкие возможности для прогнозирования данных преступлений и их отдельных элементов и взаимосвязей, что чрезвычайно важно в расследовании реальных уголовных дел и построении типовой методики расследования преступлений.

Содержание криминалистической характеристики преступлений, совершаемых в сфере банковской деятельности, образуют элементы ее составляющие и криминалистически значимые связи этих элементов между собой.

Изучение уголовных дел и материалов прокурорской проверки в Сибирском федеральном округе, содержащих данные о рассматриваемых преступлениях, позволяет прийти к выводу, что основными элементами

их криминалистической характеристики являются данные о предмете преступного посягательства, времени, месте и обстановке совершения преступления, типичных способах совершения преступлений, криминалистически значимые сведения о преступлениях и следах совершения данных преступлений. Эти элементы, составляющие в своем единстве взаимосвязи и взаимозависимости систему обобщенных, наиболее существенных для раскрытия и расследования сведений, образуют основу криминалистической характеристики преступлений в сфере банковской деятельности. Каждый элемент имеет свои особенности, индивидуальные черты, свойственные рассматриваемому виду преступлений. Исследование совокупности этих элементов, их особенностей позволяет создать криминалистическую модель преступления в банковском секторе экономики (принимая во внимание, что статистика ГИАЦ МВД классифицирует экономические преступления на совершаемые в сфере банковской деятельности и кредитно-финансовой системе, а также, учитывая взаимозаменяемость терминов «сфера банковской деятельности», «банковская сфера» и «банковский сектор», можно отождествлять эти понятия, в том числе рассматривая и статистические показатели).

Банковскому сектору, как важнейшей составляющей кредитно-финансовой системы в экономике России, отведено особое место. Прежде всего, он предназначен для обеспечения бесперебойного функционирования платежной системы, проведения единой денежно-кредитной политики, организации и осуществления валютного регулирования и валютного контроля. Кроме этого банковский сектор выступает в качестве главного источника кредитования всех сфер экономики. Всестороннее обеспечение безопасности банковской деятельности является обязательным условием нормального функционирования экономики страны, поэтому входит в число важнейших функций государства.

По состоянию на 1 февраля 2009 г. ко-

личество зарегистрированных Банком России кредитных организаций в Российской Федерации составило 1108, филиалов кредитных организаций – 3439.

Объемы привлеченных банковских вкладов (депозитов) физических лиц и средств индивидуальных предпринимателей на 1 января 2009 г. составили 12,986 687 трлн руб. (из них объемы привлеченных банковских вкладов физическим лицам 3, 323 395 трлн руб., организациям 8,933 651 трлн руб.) [7].

В современных условиях вся совокупность банковских организаций различных уровней представляет собой банковскую систему, основными свойствами которой являются иерархичность построения, целостность, взаимодействие с системами более высокого уровня (финансовой, экономической) и наличие процессов управления.

Банковская система Российской Федерации включает Банк России, кредитные организации, а также филиалы и представительства иностранных банков [8]. В соответствии со ст. 1 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» от 2 декабря 1990 г. № 395-1 (ред. от 02.02.2006 г., с изм. от 03.05.2006 г.) *банком* признается кредитная организация, которая имеет исключительное право осуществлять в совокупности следующие банковские операции: привлечение во вклады денежных средств юридических и физических лиц, размещение указанных средств от своего имени и за свой счет на условиях возвратности, платности, срочности, открытие и ведение банковских счетов физических и юридических лиц. Вместе с этим указанный закон дает другие определения основных институтов кредитно-финансовой сферы, таких как *кредитная организация* (*кредитная организация* – юридическое лицо, которое для извлечения прибыли как основной цели своей деятельности на основании специального разрешения (лицензии) Центрального банка Российской Федерации (Банка России) имеет право осуществлять банковские операции, предусмотренные Федеральным законом), *небан-*

ковская кредитная организация (небанковская кредитная организация – кредитная организация, имеющая право осуществлять отдельные банковские операции, предусмотренные Федеральным законом. Правовое положение небанковских кредитных организаций, круг дозволенных операций, который для них определяет Центральный банк России (инкассация, расчеты и депозитно-кредитные операции), в настоящее время нуждается в уточнении. Эти организации лицензируются Банком России, но в большинстве своем не осуществляют кредитование, *иностраный банк* (иностраный банк – банк, признанный таковым по законодательству иностранного государства, на территории которого он зарегистрирован (См.: ст. 1 Федерального закона «О банках и банковской деятельности»)).

Радикальные социально-экономические реформы, проводимые в России, обусловили воздействие на все сферы общественной жизни комплекса социально-экономических, политических и иных факторов, определяющих динамику и характеристику преступлений экономической направленности, совершаемых в банковской сфере.

Серьезные просчеты, допущенные в ходе реформ, ослабление государственного контроля за деятельностью кредитных организаций повлекли за собой их криминализацию, дали возможность быстрого обогащения представителей криминального мира.

Обладая большими возможностями для положительного воздействия на развитие экономики, банковская сфера в то же время испытывает последствия несовершенства экономических концепций, неурегулированности ряда правовых положений, недостатков банковских технологий, документооборота, недостаточного уровня профессионализма работников, а также злоупотреблений со стороны как сотрудников банковских учреждений, так и клиентов.

В динамике абсолютные показатели преступности в сфере банковской деятельности выглядят следующим образом: если в 1991

г. было выявлено 310 преступлений, по которым обязательно предварительное расследование, то в 2005 г. их было более 30 000 (здесь и далее приводятся статистические показатели в соответствии со Сведениями о работе подразделений криминальной милиции по выявлению и раскрытию преступлений экономической направленности (Сводные отчеты по России за 2000-2005 гг. Форма 5. – М.: ГИЦ МВД России)., т.е. число увеличилось более чем в 10 раз. Установленная сумма материального ущерба, нанесенного банковскими преступлениями только в 2005 г., по оконченным уголовным делам составила свыше 12 млрд руб.

Следует отметить, что из 30010 преступлений, выявленных в сфере банковской деятельности в 2005 г., 5208 преступлений совершено против собственности; 5142 преступлений связано с хищениями чужого имущества, из них 4354 составляют факты мошенничества и 782 – присвоений и растрат; 23964 преступлений совершены в сфере экономической деятельности, из них 2166 – в системе Центрального банка России, 4527 – в Сбербанке России и 3783 – в коммерческих банках. Это указывает на значительную притягательность коммерческих банков для совершения преступлений.

За совершение экономических преступлений только в 2005 г. к уголовной ответственности привлечены 3939 работников кредитно-финансовой системы, из которых 1380 – сотрудники банков, в их числе 55 чел. – сотрудники учреждений Центрального банка России, 195 – сотрудники Сбербанка России и его филиалов, остальные – сотрудники коммерческих банков; 173 банковских служащих совершили преступления в составе организованных групп; 147 лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере банковской деятельности, являются руководителями, из них двое – в системе Центрального банка, 23 – в Сбербанке России, 81 – в коммерческих банках.

В настоящее время наибольшую распространенность получили преступления, совершаемые организованными преступными

группами с участием служащих банковских учреждений, в том числе их руководителей. Такие преступления отличаются повышенной общественной опасностью, что связано с большим размером материального ущерба, наносимого ими банковской сфере и экономике в целом. Кроме того, для них характерна сложность и изощренность способов совершения преступлений, обязательность подготовки и сокрытия преступления. По нашим исследованиям, если в 2000 г. группами совершалось 24,6 % преступлений в банковской сфере, то в 2005 г. их было уже 35,2 %. Причём в большинстве случаев группа состояла из банковских работников. В 80 % это были руководители и работники коммерческих банков, 25 % – Сбербанк России и 5 % – филиалов Центрального банка России.

Говоря о территориальной распространённости рассматриваемых преступлений, следует отметить, что наиболее подвержены криминальным посягательствам в сфере банковской деятельности такие города, как Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Екатеринбург, Новосибирск, Пермь, Омск, Волгоград, Краснодар, Самара, Ростов-на-Дону.

В настоящее время в сфере банковской деятельности можно выделить следующие тенденции развития преступности:

- устойчивый рост количества преступлений;
- повышение степени общественной опасности преступлений с одновременным увеличением уровня их латентности;
- увеличение размеров наносимого материального ущерба;
- качественные изменения в структуре регистрируемой преступности в сторону увеличения числа преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ);
- доминирование преступных посягательств на ресурсы и инфраструктуру коммерческих банков так называемой «беловоротничковой преступности»;
- постоянная модернизация способов совершения преступлений с учетом измене-

ний, происходящих в банковской деятельности, и развитием системы противодействия преступности в данной сфере.

В структуре банковской преступности можно выделить две наиболее значимые по распространённости группы преступлений: против собственности (гл. 21 УК РФ) и в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ). По нашим исследованиям, их суммарный удельный вес составил около 90 %. Последние годы заметен факт изменения показателей в общей структуре банковской преступности: доля преступлений против собственности в коммерческих банках снизилась, а доля преступлений в сфере экономической деятельности увеличилась.

Проведенным анализом установлено, что в банковской сфере наиболее часто совершаются следующие виды преступлений:

- мошенничество (ст. 159 УК РФ);
- присвоение или растрата (ст. 160 УК РФ);
- незаконная банковская деятельность (ст. 172 УК РФ);
- лжепредпринимательство (ст. 173 УК РФ);
- легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем (ст. 174 УК РФ);
- легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления (ст. 174.1 УК РФ);
- незаконное получение кредита (ст. 176 УК РФ);
- незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ);
- преступления, связанные с криминальным банкротством (ст. ст. 195-197 УК РФ);
- злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ); коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ);
- преступления в сфере компьютерной информации (ст. ст. 272-274 УК РФ).

По способам совершения и уголовно-правовой квалификации распространенность этих преступлений выглядит следующим образом, %:

- мошенничество (ст. 159 УК РФ) – 25;
- хищения путем присвоения или растраты (ст. 160 УК РФ) – 18;
- незаконное получение кредита (ст. 176 УК РФ) – 17;
- остальные составы (ст. ст. 172, 173, 174, 174.1, 183, 195-197, 201, 204, 272-274 УК РФ) – 40.

Основными способами совершения преступлений, совершенных в сфере банковской деятельности, являются:

1) *хищения, совершаемые путем присвоения или растраты*, в виде:

- хищения кредитных ресурсов сотрудниками банка;
- получения денежных средств сотрудниками банка по договорам подряда за фиктивное выполнение какого-либо рода работ с последующим присвоением этих средств;
- хищения денежных средств с депозитных вкладов, открытых на подставных и вымышленных лиц;
- вывод активов банка в другие предприятия или дочерние фирмы;

2) *хищения, совершаемые путем мошенничества*, в виде:

- изменения назначения платежей и их зачисления по поддельным платежным поручениям на другие счета либо направление на погашение ссудной задолженности;
- незаконного списания и зачисления средств на чужой расчетный счет;
- обналичивания денежных средств применением различных схем (заключения фиктивного договора на выполнение каких-либо работ или услуг; снятия в банке наличных якобы на предоплату договора о покупке продукции у фактически и юридически несуществующего лица или предстоящие командировочные расходы и т.п.);

3) *злоупотребления полномочиями*, в виде:

– злоупотребления полномочиями при проведении различных банковских операций, в том числе при оформлении и выдаче денежных кредитов по заниженным процентам либо вообще без процентов;

– злоупотребления полномочиями при проведении расчетно-кассовых операций (задерживание перечисления денежных средств, своевременно направленных им предприятиями, находящимися на расчетно-кассовом обслуживании, в бюджет и другие организации или нарушение очередности перечисления платежей, предусмотренной ст. 855 ГК РФ и т.п.).

Кроме названных способов, можно выделить и классифицировать способы совершения банковских преступлений по субъектам (с участием председателя правления банка, главного бухгалтера, управляющего филиалом и т.д.), по видам банковских операций, оформляемым документам и другим основаниям. С изменением системы банковского учета, законодательства, регулирующего банковскую деятельность, прослеживается четкая система их зависимости между собой и возможность прогнозирования механизма преступной деятельности.

Проведенные исследования показали, что основными криминалистическими особенностями, свойственными преступлениям в сфере банковской деятельности, являются:

- формирование и формулирование этих преступлений, а также составляющих их элементов законом и подзаконными актами;
- специфичность субъекта преступления, правовые положения, обязанности, виды и формы его деятельности формализованы законом;
- обязательность отражения следов преступления в документах;
- специфичность предмета преступного посягательства;
- многообразие и своеобразие способов совершения и сокрытия преступления;
- устойчивая связь с другими экономическими преступлениями;
- высокая латентность.

Между собой элементы криминалисти-

ческой характеристики исследуемых преступлений тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены. Это объективно вытекает из специфики банковской деятельности. Основу этой деятельности составляют финансовые операции, обстановка, в которой они происходят, способ действий и т.д. Все эти элементы имеют отражение в документах, регулирующих процедуру финансовой деятельности банка и конкретный факт банковской операции.

Следует сказать, что банковские преступления имеют специфичную сферу, в которой они совершаются, и целый ряд других отличительных признаков, которые в совокупности отличают эти преступления от других видов преступлений, включая преступления экономической направленности.

Особенностью банковских преступлений является бланкетный характер многих норм уголовного закона. Они отсылают следователя к множеству различных нормативно-правовых актов, регулирующих как банковские правоотношения, так и отношения в области бухгалтерского и финансового учета. В самих этих актах существует множество противоречий, нестыковок и неясностей. Ряд положений не имеют какого-то определенного правового содержания. Большинство этих нормативно-правовых и подзаконных актов дополняется, видоизменяется, отменяется и т.п. В совокупности данные обстоятельства значительно осложняют процедуру расследования преступлений в сфере банковской деятельности.

Серьезные проблемы в разработке кри-

миналистической характеристики данных преступлений создает высокий уровень латентности этих преступлений. Латентные преступления не попадают в сферу криминалистического анализа. Это влечет за собой создание не полностью адекватной реальности модели исследуемых преступлений. Тем более, что среди невыявленных преступлений могут быть более изощренные и опасные по способам преступной деятельности. В целом эта проблема свойственна разработке любой научной модели преступной деятельности и ее прогнозированию. Именно поэтому модельный вариант всегда несколько отличается от реальной картины происшедшего события.

Наконец, специфичность криминалистической характеристики банковских преступлений состоит и в том, что в российской финансовой системе существуют различные механизмы осуществления банковских операций. В совокупности с различными способами совершения преступлений это порождает разнообразие видов банковских преступлений. А это вызывает необходимость разработки множества их криминалистических характеристик с последующей их модификацией, соответствующей происходящим изменениям. В этих условиях исключительное значение приобретает прогнозирование таких изменений в создаваемых моделях криминалистических характеристик. Такие мобильные модели в наибольшей степени отвечают потребностям криминалистической практики.

Литература

1. Танасевич, В.Г. О криминалистической характеристике преступлений [Текст] / В.Г. Танасевич, В.А. Образцов // Вопросы борьбы с преступностью. – Вып. 25. – М., 1976. – С. 101; Яблоков, Н.П. Криминалистическая характеристика преступлений как составная часть общей криминалистической теории [Текст] // Вестник Московского университета. – Серия 11: Право, 2000. – № 2. – С. 5.

2. Герасимов, И.Ф. Вопросы развития и современного состояния методики расследования

отдельных видов преступлений [Текст] / И.Ф. Герасимов // Вопросы методики расследования преступлений. – Свердловск, 1976. – С. 14-15.

3. Драпкин, Л.Я. Предмет доказывания и криминалистическая характеристика преступлений [Текст] / Л.Я. Драпкин // Криминалистические характеристики в методике расследования преступлений. – Свердловск, 1978. – С. 17.

4. Шаталов, А. Сущность и содержание криминалистической характеристики преступлений [Текст] / А. Шаталов. – Следователь, 1999.

– № 1. – С. 19-24.

5. Словарь русского языка [Текст]. – Т. 4: Изд-во иностр. и нац. словарей, 1961. С. 812; Ожегов С.И. Словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов. – 10-е изд., стереотип. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1973. – С. 747; Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник [Текст] / Н.И. Кондаков. – 2-е изд. – М., 1975. – С. 660.

6. Гавло, В.К. Расследование фактов безвестного исчезновения женщин при подозрении

на их убийство [Текст] / В.К. Гавло, А.А. Корчагин. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 18.

7. Бюллетень банковской статистики [Текст]. – 2009. – № 2. – Издание ЦБ РФ. Вестник Банка России. – АЭИ. Электронный сборник.

8. Ст. 2 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» от 2 декабря 1990. – № 395-1 (с изменениями и дополнениями). – Справочная система Гарант: законодательство с комментариями.

Коротко об авторе

Асочаков А.А., соискатель, кафедра криминалистики, Сибирский федеральный университет (СФУ)

Научные интересы: банковское дело, банковские преступления, криминалистика

Briefly about author

Asochakov A., applicant, Criminalistics Department, Siberian Federal University

Scientific interests: banking, bank crimes, criminalistics

УДК 342.4

Васильева Наталья Юрьевна
Vasil'eva Natalya

**ОСНОВНЫЕ НОВЕЛЛЫ ИНСТИТУТА
ПРЕЗИДЕНТА В ЧАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ПРИНЦИПА РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**BASIC NOVELS OF THE PRESIDENT INSTITUTION
IN SECURING SEPARATION OF POWERS IN THE
RUSSIAN FEDERATION**

Дан анализ нормативно-правовых актов, принятых в конце 2008 г. Особое внимание уделено новеллам в порядке разработки проектов нормативно-правовых актов федеральных органов исполнительной власти, длительности полномочий Президента РФ и Государственной Думы РФ, а также изменениям механизма взаимодействия Государственной Думы РФ, Правительства РФ и Президента РФ

There is an analysis of standard legal acts adopted in late 2008. Special attention is paid to novels by way of bills development of standard legal documents of federal executive authorities, duration of the RF President and State Duma proxies, and change of interaction mechanism of the RF State Duma, the RF government and the President of the Russian Federation

Ключевые слова: институт Президента РФ, новеллы, взаимодействие властей, нормативно-правовые акты

Keys words : the RF President institution, the novels, interaction of the authorities, standard legal acts

Путин В.В., еще будучи Президентом Российской Федерации, в своем Послании Федеральному Собранию от 8 июля 2000 г. сказал, что успех реформ во многом зависит от эффективности действий органов исполнительной власти [1]. После проведения ряда административных реформ были образованы федеральные округа, изменен порядок формирования Совета Федерации и т.д.

В результате в конце 2008 г. принят пакет изменений и ряд законодательных актов. Новеллы современного конституционного и административного права состоят, прежде всего, в придании нового содержания роли Президента и Правительства Российской Федерации в осуществлении функций исполнительной

власти. Именно их взаимодействие может предопределить построение системы федеральных органов исполнительной власти и изменить порядок их функционирования. Известно, что в систему федеральных органов исполнительной власти входят Правительство Российской Федерации, состоящее из Председателя Правительства Российской Федерации, заместителей Председателя Правительства Российской Федерации и федеральных министров, а также министерства и другие федеральные органы исполнительной власти, которые определяются на основе Конституции Российской Федерации, Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» и иных федеральных зако-

нов. По вопросам, касающимся системы федеральных органов исполнительной власти, не урегулированным законодателем, Президент Российской Федерации может издавать указы, которые не должны противоречить Конституции Российской Федерации и федеральным законам [2].

Вступившее в силу 1 января 2009 г. Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2008 г. № 1048 «О внесении изменений в Правила подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» дополняет порядок разработки проектов нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти новыми процедурами. Теперь проект нормативного правового акта подлежит согласованию с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти, если такое согласование требуется согласно законодательству РФ либо проект акта содержит положения межотраслевого значения, или предусматривает совместную деятельность федеральных органов исполнительной власти. В свою очередь, проект акта, оказывающий влияние на доходы или расходы бюджетов бюджетной системы РФ, должен получить заключение Минфина России, где оцениваются финансовые последствия принятия акта.

Также указанным постановлением сняты ограничения по срокам подготовки (ранее срок не должен был превышать 1 месяц) и издания нормативных правовых актов во исполнение федеральных законов, указов и распоряжений Президента РФ, постановлений и распоряжений Правительства РФ. Это представляется самым значимым изменением и, несомненно, вызовет оживленные дискуссии.

Одним из главных вопросов остается проблема нормотворчества, в том числе и административного, здесь можно отметить положение постановления о том, что если разработка проекта акта влечет необходимость признания утратившим силу акта Правительства РФ, то одновременно должен быть разработан

проект правительственного акта о признании утратившим силу акта Правительства РФ.

Новый Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ «О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства Российской Федерации» предоставляет Государственной Думе РФ контрольные полномочия в отношении Правительства РФ. Правительство РФ обязано ежегодно отчитываться перед Госдумой о результатах своей деятельности, в том числе по вопросам, поставленным Госдумой.

Конституция предусматривала только опосредованное влияние Госдумы на формирование и ответственность Правительства. Представляется, что новый подход обусловлен исключительно необходимостью создания эффективного и гибкого механизма взаимодействия Государственной Думы, Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации.

Однако следует вспомнить о полномочиях Президента РФ в разрешении конфликтов между Госдумой и Правительством РФ (ст. 117 конституции). В литературе это обычно именуется как вотум недоверия правительству. Это одна из парламентских черт той формы правления – смешанной республики, которая установлена действующей конституцией. В связи с тем, что в России реализация последствий вотума недоверия усложнена, поправка, по нашему мнению, не нашла своего логического развития в указанном Федеральном законе. Учитывая этот факт, можно заключить о необходимости совершенствования влияния рассмотренных полномочий президента на осуществление государственной власти.

С.А. Авакьян описывал ситуацию, когда президент при желании может поручить Правительству осуществление права законодательной инициативы, поскольку по российской конституции оно полностью зависит от президента. Хотя законодательная инициатива президента имеет особую значимость [3], это, в свою очередь, может в дальнейшем позволить

избежать возможной конфронтации президента и Правительства, например, когда оно (Правительство) не согласно с президентским законопроектом или когда отказывается дать положительное заключение по финансово-экономическим аспектам законопроекта [4].

Изменению подверглись срок полномочий Президента РФ (продлен с 4 до 6 лет) и Государственной Думы Федерального Собрания РФ (до 5 лет) [5]. При этом ограничения для переизбрания на следующий срок одного и того же лица не сняты. Мы же склоняемся к возможному в теории неопределенному количеству избрания.

Значение президента и Парламента в современной России высоко, ибо общественная жизнь зависит от беспрепятственной и плодотворной работы государственных органов. Поэтому для наиболее эффективного функционирования механизма государственной власти принципиальным является решение вопроса о сроках полномочий главы государства.

Для сравнения можно назвать сроки президентских полномочий по законодательству ряда зарубежных стран. Срок в один год (Швейцария), три года (Латвия), четыре года (Венгрия, США, Боливия, Колумбия), пять лет (Германия, Франция, Бразилия, Литва, Мальта, Индия, Перу), шесть лет (Австралия, Филиппины, Мексика, Ливан, Тайвань, Египет, Мали, Аргентина, Шри-Ланка, Никарагуа) и семь лет (Италия, Турция, Сирия, Сенегал, Казахстан).

Применительно к семилетнему сроку полномочий хотелось бы напомнить, что однажды с предложением о таком увеличении выступило Законодательное собрание Ивановской области и эта законодательная инициатива приобрела форму законопроекта «О поправке к Конституции Российской Федерации

по изменению срока полномочий Президента Российской Федерации», который и был предметом рассмотрения Госдумы [6]. Увеличение срока объяснялось необходимостью расширения возможностей для претворения в жизнь планов и программ, представленных избирателям в период избирательных компаний. Доводов об установлении именно такого срока тогда высказано не было. В современной литературе также не говорится о целесообразности введения этой временной гарантии деятельности президента.

Согласно действующей конституции, президент занимает главенствующее положение в системе государственных органов. Здесь уместно вспомнить Джеймса Мэдисона, который высказывался следующим образом: «Всеми принятая и хорошо обоснованная истина гласит: в обычных обстоятельствах, чем больше власть, тем короче должен быть срок, на который ее предоставляют и, наоборот, чем меньше власть, тем безопаснее дать этот срок» [7]. С другой стороны, новеллой 1993 г. о российском президентстве было наделение главы государства статусом гаранта конституции. Президент РФ наделен правом принимать все необходимые меры для защиты основ конституционного строя [8]. Однако, спустя 15 лет, конституция преобразилась...

Полагаем, что вопросы длительности полномочий и сменяемости президента будут предметом дискуссий, а пока акцент внимания только на сроках не поможет развить институт президента и сбалансировать систему органов государственной власти.

Действующее законодательство содержит еще некоторые, на наш взгляд, менее существенные, чем рассмотренные в настоящей статье, новеллы. Их анализ будет сделан в другой работе.

Литература

1. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 08 июля 2000 г. [Текст] // *Российская газета*. – 2000. – 11 июля. – № 133.

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 2-П «По делу о толковании статей 71 (пункт "г"), 76 (часть 1) и 112 (часть 1) Конституции Российской Федерации» //

Собрание законодательства Российской Федерации от 8 февраля 1999 г. № 6 ст. 866.

3. Указ Президента РФ от 13 апреля 1996 г. № 549 «Об утверждении Положения о порядке взаимодействия Президента Российской Федерации с палатами Федерального Собрания Российской Федерации в законотворческом процессе» // Собрание законодательства Российской Федерации от 15 апреля 1996 г. № 16. Ст. 1842.

4. Авакьян, С.А. Федеральное Собрание – Парламент Российской Федерации [Текст] / С.А. Авакьян // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. – М.: Рос. Юрид. издат. дом, 1999. – 432 с.

5. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ «Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы» // Собрание законодательства Российской Федерации от 05 января

2009 г. № 1 ст. 1.

6. Бюллетень № 8 (722) от 18 февраля 2004 г. Стенограмма заседаний Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Издание Государственной Думы. – С. 46-52.

7. Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея [Текст] № 52 [51]: пер. с англ.; под общ. ред., с предисл. Н.Н. Яковлева; коммент. О.Л. Степановой. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Литера», 1994. – 592 с.

8. Постановление Конституционного Суда от 31 июля 1995 г. по делу о конституционности ряда актов Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации в связи с наведением конституционного порядка в республике Чечня // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № – 33. С. 3424.

Коротко об авторе

Васильева Н.Ю., аспирантка, Байкальский государственный университет экономики и права (БГУЭП)
kasper31@mail.ru

Научные интересы: конституционное право, институт Президента РФ, проблемы федерализма, государственное строительство

Briefly about author

Vasilyeva N., graduate, Baikal State University of Economics and Law (BSUEL)

Scientific interests: constitutional law, the RF President institution, federalism problems, state structuring

УДК 347

Липич Оксана Александровна
Lipich Oksana

**НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ В РОССИИ
В 1917-1920 гг.**

**STANDARD-LEGAL ADJUSTMENT OF USERS'
COOPERATION IN RUSSIA IN 1917-1920**

Статья посвящена особенностям нормативно-правового регулирования потребительской кооперации в России с 1917-1920-е гг. Рассматривается эволюция российского кооперативного законодательства, выделяются идеологические основы кооперативной политики советской власти, оказавшие влияние на формирование правовой базы о потребительской кооперации, на характер взаимодействия государственного аппарата и кооперативных обществ

The article is devoted to peculiarities of standard-legal adjustment of users' cooperative system in Russia of 1917-1920. The evolution of Russian cooperative legislation is considered, there are ideological grounds of the Soviet government cooperative policy which had an effect on formation of legal base of users' cooperative system, pattern of interaction between State machinery and cooperative societies

Ключевые слова: нормативно-правовое регулирование; потребительская кооперация

Key words: standard-legal adjustment, users' cooperative system

Российское кооперативное законодательство с момента своего возникновения и до октября 1917 г. прошло значительный путь развития. На протяжении дореволюционного периода выделяются несколько самостоятельных этапов, содержание которых обусловлено, в первую очередь, социально-экономической ситуацией в стране. Изучение кооперативного законодательства, сложившегося в эпоху Российской империи, позволяет дать адекватную научную оценку его развития в советский период. Более того, позволяет определить, в какой мере в новых условиях востребован и адаптирован имеющийся дореволюционный опыт, и выявить степень новизны и преемственности советского кооперативного законодательства. Кроме того, анализ состояния нормативно-правового регулирования до-

революционной кооперации дает возможность найти отправную точку, с которой начинался советский этап его истории.

Так, постепенная трансформация обычаев, сложившихся в рамках сельской общины, в нормативные предписания способствовала появлению отдельных узаконений, закрепляющих правовое положение различных видов кооперативов. Нормативно-правовое регулирование кооперации в Российской империи осуществлялось преимущественно законодательными актами. Их издание было вызвано потребностью регламентации стихийно возникающих товариществ. Поэтому первые законодательные установления отличались высоким уровнем казуальности, а их нормы распространялись на отдельные виды кооперативов. Впоследствии при сохранении сложившейся

правовой традиции, состоящей в регулировании каждого вида кооперативных объединений специальными законами, возрастает степень абстрактности нормативных предписаний, происходит закрепление общих принципов кооперативной организации.

Российское законодательство изначально признавало за кооперативами статус юридических лиц и соответствующим образом определяло порядок их создания, утверждения и характер работы. Большим достижением законодателя можно считать подготовку и издание Нормального устава потребительского общества 1897 г. [1], на основе которого каждый кооператив готовил свои учредительные документы. Процедура открытия кооперативных организаций носила концессионный (разрешительный) характер и состояла в утверждении уставов потребительских обществ министерством внутренних дел, что занимало много времени. Несовершенство применяемой процедуры вызывало недовольство кооператоров, осознавалось властями, что в итоге привело к ее существенному упрощению. Полномочия по утверждению уставов были делегированы губернаторам, то есть переданы на местный уровень. Это позволило не только ускорить сроки рассмотрения документов, но и более гибко учитывать особенности хозяйственной жизни в отдельных регионах.

Однако сохранявшийся жесткий административный контроль противоречил логике экономического развития, требующей более самостоятельной и динамичной деятельности всех хозяйствующих субъектов. Инициатива обновления законодательства исходила от самих кооператоров. Главные идеи, получившие всестороннее и глубокое обсуждение на проходившем в 1908 г. в Москве I кооперативном съезде, заключались в консолидации нормативных предписаний и изменении порядка открытия кооперативов. Однако уже завершённый проект данного закона долгое время находился в состоянии стагнации и был принят только Временным правительством в марте 1917 г. в совокупности с другими кооператив-

ными законами. В итоге появилась нормативно-правовая база, закрепляющая принципы самоуправления, автономии, корпоративности кооперативного движения. Разрешительный порядок открытия кооперативов был заменен регистрационным. Регистрация уставов стала осуществляться регистрационными отделами окружных судов, что ускорило процедуру прохождения документов, и предоставляла потребительским обществам возможность быстрее развернуть законную деятельность. Однако поступательное развитие кооперативного движения на основе демократических законодательных установлений было фактически остановлено после Октябрьской революции 1917 г.

Идеологические основы кооперативной политики советской власти можно реконструировать, опираясь, в первую очередь, на выступления и публикации В.И. Ленина. Применительно к начальному периоду советской государственности, они слабо отражены в решениях съездов Советов и партийных резолюциях, поскольку кооперация не относилась к наиболее актуальным политическим стратегиям. Реальная кооперативная политика складывалась в результате взаимодействия партии, государственного аппарата и самих кооператоров, которые, несмотря на осуждение насильственного захвата власти, заявляли о своем намерении продолжать заниматься хозяйственной работой.

В итоге кооперативный аппарат был приспособлен к выполнению государственных задач снабжения населения продуктами и товарами под контролем народного комиссариата продовольствия (Наркомпрод). Таким образом, кооперативные общества утрачивают самостоятельность, что вызывает перестройку их организационной структуры. Новый статус потребительской кооперации был закреплен в декрете «О потребительских коммунах» от 20 марта 1919 г. [2]. В результате произошедших преобразований кооперация стала выступать в качестве единой распределительной сети, а все население страны интегрировано в ячейки потребительской коммуны, что отразилось в их

наименовании – единое потребительское общество (ЕПО).

Дальнейшую эволюцию кооперативной политики отразил декрет «Об объединении всех видов кооперации» [3], который упразднил самостоятельное существование отдельных видов кооперации, включил их в состав потребительской кооперации, а кооперативная система в целом подлежала полному огосударствлению.

Традиционные кооперативные принципы и ценности были поставлены в зависимость от приоритетности целей и задач советского государства, что привело к утрате важнейших кооперативных принципов, в частности, важнейшего из них – добровольности объединения. В органы правления потребительских обществ в обязательном порядке вводятся представители органов государственной власти. Создавалась достаточно стройная система управления кооперацией, включавшая все звенья административного управления и контроля, что сближало ее дореволюционной моделью. Управленческие полномочия закреплялись за центральными государственными учреждениями – в Российской империи – за министерством внутренних дел, в РСФСР – за наркоматом продовольствия и ВСНХ. Утрачивался демократизм кооперативной организации – равенство и доступность членства. Напротив, вводился принцип классовой дифференциации: в каждой местности одновременно создавались общегражданские кооперативы, а также рабочие, военные, транспортные, которые пользовались большими преимуществами.

В условиях разрушения товарного рынка и продовольственной разверстки основной нормативно определенной функцией кооперации являлась заготовка и распределение продуктов в соответствии с планами, установленными Наркомпродом.

Переход к нэпу изменил содержание кооперативной политики, характер взаимодействия государственного аппарата и кооперативных обществ. Новые политические задачи обусловили пересмотр кооперативного зако-

нодательства. Кооперации отводилась важнейшая роль в налаживании товарообмена между городом и деревней, в обеспечении союза рабочих и крестьян взаимовыгодным материальным сотрудничеством. Резко возрастает интерес к деятельности кооперации со стороны партийных и советских органов, что подтверждается значительным объемом, исходящих от них документальных материалов, в которых затрагиваются эти вопросы. Кооперации оказывается всесторонняя организационная, финансовая и материальная помощь. Реализацией партийных подходов по работе в кооперации занимались кооперативные комиссии, позднее реорганизованные в кооперативные совещания при ЦК и губернских комитетах партии [4].

В кооперативном законодательстве периода нэпа наблюдается реконструкция многих норм, исторически сложившихся и применявшихся в кооперативной сфере. При учреждении потребительских обществ восстанавливается добровольность членства, принципы преимущественного обслуживания членов-пайщиков, их материальной заинтересованности в работе организаций. Принятое 20 мая 1924 г. постановление ЦИК и СНК СССР «О потребительской кооперации» [5] нормативно закрепило демократические начала формирования первичных организаций и союзных объединений. Учитывая многоаспектную деятельность отдельных обществ, а также тесное хозяйственное взаимодействие отдельных видов кооперативов, законодатель разрешил создание смешанных союзов, объединяющих кооперативы любого характера.

Рецепция дореволюционного правового опыта проявилась в подготовке и утверждении СНК СССР Нормального устава потребительского общества, который служил основой уставов всех обществ.

Большим разнообразием в период нэпа отличались и функции, реализуемые потребительской кооперацией. Безусловно, основной оставалась деятельность по заготовке и реализации продукции, в то же время широко раз-

вивается торговля и сфера предоставления различных услуг. Многие общества налаживают собственные производства, продукция которых также поступает в кооперативную сеть. Новым направлением стало проведение воспитательной и просветительской работ, что повышало авторитет кооперации среди населения. Кроме того, советское законодательство допускало совершение кооперацией внеш-

неторговых сделок, и этим правом она активно пользовалась [6].

Основные положения и направления нормативно-правового регулирования потребительской кооперации, заложенные в годы новой экономической политики, учитывались при разработке современного российского кооперативного законодательства.

Литература

1. Тычинин, С.В. Становление законодательства о кооперации в России [Текст] / С.В. Тычинин // Правоведение. – 2004. – № 1. – С. 202-211.

2. Декрет СНК «О потребительских коммунах» от 20 марта 1919 г. // СУ РСФСР. – 1919. – № 17. – Ст. 191.

3. Декрет СНК «Об объединении всех видов кооперации» от 27 января 1920 г. // СУ РСФСР. – 1920. – № 6. – Ст. 37.

4. Резолюция XII съезда партии (17-25 апреля 1923 г.) «О кооперации» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. Т. 2. – М., 1983. – С. 583-587; ГАИО. ф.р. 222. оп. 1. д. 160. л. 13 (Декрет ЦИК «О налоговых льготах для кооперативных организаций» от 7 декабря 1923 г.); Постановление СНК «О финансировании

кооперации» от 1 сентября 1921 г. // СУ РСФСР. – 1921. – № 58. – Ст. 382; РГАСПИ. ф. 17, оп. 267, д. 43, л. 241 (Протокол заседания кооперативной комиссии при ЦК партии № 9 от 22 апреля 1922 г.); Гамаюнов, М.В. Кооперативное совещание при ЦК партии (1920-1929 гг.) [Текст] / М. В. Гамаюнова // Вопросы истории КПСС. – 1959. – № 4. – С. 149-150.

5. Постановление ЦИК и СНК СССР «О потребительской кооперации» от 20 мая 1924 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам, 1917-1967. – М., 1967. – Т. 1. – С. 413-414.

6. Веселов, С. Внешнеэкономическая деятельность потребительской кооперации в годы НЭПа [Текст] / С. Веселов // Советская потребительская кооперация. – 1991. – № 9. – С. 47.

Коротко об авторе

Липич О.А., старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса, Забайкальский институт предпринимательства Сибирского университета потребительской кооперации (ЗИП СибУПК)
cherry_82@mail.ru

Научные интересы: правовое регулирование кооперации

Briefly about author

Lipich O., Lecturer of Civil Law and Trial Department, Transbaikalian Institute of Entrepreneurship of Siberian University of Users' Cooperation (TIE SibUUC)

Scientific interests: legal adjustment of cooperative system

УДК

Михайленко Константин Сергеевич
Mikhailenko Konstantin

**ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ
МОДЕЛИРОВАНИЯ И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ В
ПОСТРОЕНИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ
ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**THEORETICAL AND APPLIED MEANING OF
MODELING AND FORECASTING
IN CRIMINALISTICS DESCRIPTION OF CRIMES
IN ECONOMIC FIELD**

Раскрываются такие вопросы, как использование методов моделирования и прогнозирования для построения криминалистической характеристики преступлений в сфере экономической деятельности, особенности преступлений в сфере экономической деятельности

The article considers such questions as use of modelling and forecasting methods for criminalistics description of crimes in economic field and their peculiarities

Ключевые слова: преступления в сфере экономической деятельности, криминалистическая характеристика

Key words: crimes in economic field, criminalistic reference

Сложность расследования преступлений в сфере экономической деятельности, большая общественная опасность данной категории преступлений, латентность и изменяемость механизма совершения преступления предполагают использование специального аппарата научного познания, позволяющего получить целостную картину преступления и на ее основе сформулировать практические рекомендации для расследования.

Такими методами являются моделирование и прогнозирование, разработке которых применительно к криминалистическим научным исследованиям много внимания уделяли И.М. Лучин [1], Л.Г. Горшенин [2] и ряд других авторов [3].

Предпосылками создания моделей и

прогнозных характеристик механизма и других структурных элементов преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности в рамках криминалистических научных исследований, являются:

– сложность данного вида преступной деятельности, разнообразие преступных функций, разнообразие составов преступлений, причастность к их совершению организованных преступных сообществ;

– крайне высокая степень изменчивости, динамизма, интернациональности видов и способов совершения преступлений в сфере экономической деятельности;

– необходимость формирования новых методов расследования преступлений в расследовании преступлений данной категории;

– необходимость постоянного совершенствования законодательства, приемов и способов противодействия преступлениям в сфере экономической деятельности;

– разработка научных предложений по сокращению числа ошибок, допускаемых в процессе расследования по данной категории уголовных дел;

– необходимость немедленного реагирования правоприменительных органов на появление новых и изменение уже существующих видов преступлений.

Содержанием криминалистического моделирования и прогнозирования криминалистической характеристики преступлений в сфере экономической деятельности должно быть построение иерархической системы непротиворечивых понятий и связей, позволяющих описать обстановку совершения таких преступлений, категории лиц, участвовавших в преступных действиях, способы подготовки, совершения и сокрытия преступлений в сфере экономической деятельности, предметы и объекты преступного посягательства и другие обстоятельства, подлежащие доказыванию и установлению, а также типы и виды связей между этими понятиями.

Предварительные исследования, проведенные нами в анализе преступлений в сфере экономической деятельности, свидетельствуют не только о росте числа этих преступлений, но и о том, что в данной сфере преступления будут претерпевать наибольшие структурные изменения, поскольку их количественные и качественные характеристики самым непосредственным образом связаны со сложными, слабо контролируруемыми и непредсказуемо развивающимися финансовыми и экономическими отношениями, а также с возможностями выявлять и расследовать преступления данной категории.

Преступления, которые совершаются в сфере экономики, имеют свои особенности. Даже общий обзор показывает, что они объединяют в своей совокупности большое количество деяний, расположенных в разных статьях

и главах Особенной части уголовного права. Поэтому необходимо выявить признаки, определяющие их общность, криминалистическую сущность и специфические черты. Как экономика в процессе своего существования распадается на ряд сфер, так и преступления в сфере экономической деятельности возможны в любой из сфер экономики. Ни один из видов этих преступлений не посягает на всю совокупность экономических отношений, но каждый из них несет черты общего, что может быть отражено в их криминалистической характеристике, в т.ч. и ее прогнозной модели.

Поэтому исследование преступлений в данной сфере позволяет предположить, что в анализируемой плоскости они связаны между собой наиболее тесно.

Преступления в сфере экономической деятельности являются частью структуры организованной преступности (по данным МВД России, в 2005 г. на территории России действовало 116 преступных сообществ, каждое из которых объединяло десятки преступных групп. Из этого числа 71 преступное сообщество специализировалось исключительно на совершении экономических преступлений, – на контроле за наиболее доходными секторами экономики. Удельный вес выявленных участников организованных преступных групп, совершивших экономические преступления, не превышал полутора процентов (выступление Министра внутренних дел России Рашида Нургалиева на расширенном заседании коллегии МВД Российской Федерации 16.02.2005 г. //http://www.mvd.ru.). Этот факт необходимо учитывать в разработке их криминалистической характеристики. Существуют десятки, сотни способов совершения преступлений в сфере экономики. Число их растет и разнообразится. Многие из них связаны с организованной экономической преступностью. Примером тому могут служить способы налоговых преступлений, которые связаны с организованной экономической преступностью, способы получения сокрытых от налогообложения «черных» денежных средств, механизмах отмывания

незаконно полученных доходов.

К числу таких способов в деятельности организованных преступных группировок относятся создание ими фирм, занимающихся обналичиванием денежных средств для продажи «черных» денег за безналичные деньги. Как правило, эти фирмы-«однодневки», регистрируемые на подставное лицо, без бухгалтерского учета. При первой же опасности проверки они реорганизуются или объявляют себя банкротами. Такие фирмы «отмывают» и легализуют доходы, полученные незаконным путем, в том числе от налоговых преступлений. Организованные преступные сообщества обычно создают сеть или череду таких фирм «очистки» «грязных» денег. Наряду с этими фирмами и по такому же принципу осуществляется легализация доходов, полученных незаконным путем через создание преступными группировками благотворительных фондов.

Широкое распространение получило «отмывание» преступных доходов через оффшорные предприятия и закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО). Незаконное переводение финансовых средств в оффшорные зоны и ЗАТО позволяет получать налоговые льготы до 40 %. По оценкам Министерства по налогам и сборам, размеры льгот иногда в 600 раз превышают сбор налогов по России. По оценкам экспертов, через оффшоры и ЗАТО уходит (чаще всего незаконно) до 50 млрд долларов ежегодно [4].

Специалисты по экономическим престу-

плениям [5] в числе распространенных помощников в сокрытии денег от налогообложения называют крупные и мелкие сберегательные банки, кредитные институты и общества. Нередко банки и кредитные общества специально создаются для уклонения или минимизации налогообложения. Через открытие анонимных счетов, осуществление многократных вкладов небольшими суммами, не требующими идентификации вкладчика, получение кредитов, перемещениями капитала из одного банка в другой, осуществляется неуплата налогов и легализация преступных доходов. Существует целая сеть различных методик совершения экономических преступлений с использованием банков, в том числе и зарубежных.

Наконец, говоря о транснационализации экономической преступности, следует отметить, что изменяется и следовая картина преступлений в сфере экономики. Появляются системы нового – виртуального канала совершения экономических сделок, а значит и нового вида следов преступления как элемента криминалистической характеристики, новых видов взаимосвязей ее элементов.

Исследование различных аспектов криминалистической характеристики преступлений в сфере экономической деятельности, построение ее модели и прогнозирование изменений позволит решить целый комплекс прикладных задач, связанных с повышением эффективности расследования этих преступлений.

Литература

1. Лучин, В.С. *Методологические проблемы расследования* [Текст] / В.С. Лучин. – М., 197; Лучин, В.С. *Моделирование при расследовании преступлений* [Текст] / В.С. Лучин. – М., 1981.

2. Горшенин, Л.Г. *Основы теории криминалистического прогнозирования* [Текст] / Л.Г. Горшенин. – М., 1993.

3. Корухов, Ю.Г. *Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений* [Текст] / Ю.Г. Корухов. – М., 1998; Мешков, В.М. *Основы криминалистической теории временных связей* [Текст] / В.М. Мешков. – М., 1994; Куранова, И.В.

Криминалистическое моделирование при расследовании преступлений в сфере экономики [Текст]: автореф. дисс. канд. юрид. наук / И.В. Куранова. – М., 1998; Дробатухин, В.С. *Кибернетическое моделирование при расследовании преступлений* [Текст]: дисс... канд. юрид. наук / В.С. Дробатухин. – М., 1998 и др.

4. Киселева, Е. *Оффшорам объявлена война* [Текст] / Е. Киселева, П. Рушайло // *Коммерсант*, 1999. – 23 ноября. – № 216.

5. Кривенко Т. *Расследование преступлений в кредитно-финансовой сфере* [Текст] / Т.

Кривенко, Э. Куранова // Законность, 1996. – № 1; Арзамасцев М.В. Организованная экономическая преступность: понятие, особенности и основные криминогенные факторы (на примере Челябинской области) [Текст] / Арзамасцев М.В. // Орга-

низованная преступность и коррупция: результаты криминологического-социологического исследований: Вып. 1; Под ред. д.ю.н., проф. Н.А. Лопашенко. – Саратов, 2005.

Коротко об авторе

Briefly about author

Михайленко К.С., соискатель, кафедра криминалистики, Сибирский федеральный университет (СФУ)

Mikhailenko K., applicant, Criminalistic Department, Siberian Federal University (SFU)

Научные интересы: экономические преступления, криминалистическая диагностика

Scientific interests: economic crimes, criminalistic diagnostics

---

Психология

УДК 159.923

Ефрюшкина Ольга Владимировна
Efrushkina Olga

Я-КОНЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

SELF-CONCEPTION OF PERSONALITY IN THE CONTEXT OF ORGANIZATION CULTURE

Проанализированы основные характеристики Я-концепции, а также выделены важнейшие аспекты взаимосвязи Я-концепции и социального влияния. В качестве наиболее значимого компонента социального окружения субъекта профессиональной деятельности выделена организационная культура

There is an analysis of self-conception basic characters and the most important aspects of interconnection between self-conception and social influence. Organization culture is marked out as the most significant component of social circle of a professional activity subject

Ключевые слова: я-концепция личности, организационная культура

Key words: self-conception of personality, organization culture

Я-концепция относится к категории, которая в терминологической системе современной персонологии занимает достаточно устойчивый статус и активно используется для описания глубинных структур личности. Переход от описательных к динамическим схемам изучения Я-концепции определяет необходимость выделения процессуальных элементов, связанных с формированием, развитием, изменением Я-концепции и, соответственно, детерминирующих этот процесс воздействий.

При этом необходимо учитывать значимость тех или иных внешних или внутренних факторов в различные периоды жизненного пути личности. Так, юношеский возраст рассматривают как наиболее сензитивный для становления Я-концепции. В последующие периоды важную функцию в развитии Я-концепции выполняет профессиональная дея-

тельность. Исследования показывают, что профессиональное развитие связано не только с самой деятельностью, но и с особенностями среды, в которой осуществляется эта деятельность. В качестве такой среды выступает само предприятие и его организационная культура.

Организационная культура понимается авторами как система норм поведения, установок и ценностей, которые являются правилами различной степени стандартизованности. Возникает вопрос о степени влияния сформированной системы установок восприятия организационной среды на составляющие Я-концепции. Определение характера взаимосвязей системы представлений о себе и организационной культуре может быть перспективным направлением исследований проблем детерминации процесса формирования глубинных личностных структур. С другой стороны, изучение этих взаимосвязей дает возмож-

ность использовать принцип обратной связи и рассматривать Я-концепцию личности сотрудника как один из параметров анализа и оценки особенностей организационной культуры.

Целью проведенного нами исследования явилось выявление особенностей характера взаимосвязи личностных и профессиональных характеристик в образе Я представителей различных типов организационной культуры, а также выявление особенностей восприятия респондентами организационной культуры предприятия.

Следует отметить, что существуют различные подходы к выделению типов организационной культуры (С. Ханди, Г. Хофштед, Т. Дейл, А. Кеннеди, Р. Акофф, М. Бурке и др.). В данном исследовании за основу нами была принята классификация американского социолога С. Ханди. На основе таких характеристик, как процесс распределения власти, структура организации, характер деятельности, ценностные ориентации личности, отношение индивида и организации, автор выделяет 4 типа организационной культуры: Культура власти; Культура роли; Культура задачи; Культура личности. Базой нашего исследования явились предприятия в первую очередь по признаку формы собственности: коммерческие предприятия; государственные: предприятия Дальневосточного филиала ОАО «РЖД» и муниципальные предприятия. В дальнейшем сотрудники ОАО «РЖД» были выделены в отдельную группу.

Для исследования использованы следующие методики: анкета, разработанная нами на основе работ Е.А. Могилевкина и Ю.Т. Семенова, опросник «Уровень организационной культуры» (А.А. Деркач), свободный ассоциативный эксперимент. Выборка составила 164 чел.

На первом этапе получены и проанализированы данные об организационной культуре выбранных для исследования предприятий. В результате анкетирования мы определили, что для сотрудников государственных предприятий более характерна позиция исполните-

ля. Они достаточно ясно представляют круг своих профессиональных обязанностей, действуют согласно инструкции. Во многом это обусловлено тем, что проявление инициативы и творческого подхода не требуется и не поощряется на предприятии. В то же время респонденты очень высоко оценивают значимость собственной деятельности. Для них характерно положительное отношение к организации, осознание принадлежности к некоей объективной и значимой системе. Железнодорожники в большей степени удовлетворены системой обучения и продвижения по службе. Для сотрудников железнодорожных предприятий характерно позитивное отношение к системе целей в организации; понимание процесса управления как объективного процесса, осуществляемого без сбоев. При этом возможность проявления инициативы; значимость моральных характеристик деятельности в организации; возможности общения в процессе работы оцениваются ими как менее значимые.

Сотрудники коммерческих организаций в большей степени оценивают себя как инициативных и деятельных участников общего дела, отмечают значимость занимаемого положения и выполняемой работы. Для сотрудников характерно позитивное отношение к системе целеполагания в организации, оценка наличия в процессах управления нарушений, значимость моральных характеристик деятельности в организации; высокая оценка дружеских отношений между сотрудниками и общего уровня организационной культуры.

Для сотрудников государственных предприятий характерно негативное оценивание организации в целом; понимание процесса управления как объективного процесса, осуществляемого без сбоев; внимание к социально значимым качествам сотрудников; высокая оценка дружеских отношений между сотрудниками и коммуникационных, организационных процессов в целом; четкое представление о своих обязанностях в организации; отсутствие представления о продвижении по службе.

На втором этапе был проведен ассо-

циативный эксперимент с предъявлением стимулов «Я – личность», «Я – сотрудник организации», «Моя организация», а также исследование самоустановок с помощью комплекса личностных опросников: методики определения самооценки, морфологического теста жизненных ценностей, пятифакторного личностного опросника, опросника «Якоря карьеры».

В ходе анализа результатов свободного ассоциативного эксперимента использована методика тематической классификации ассоциаций.

В ответах *сотрудников предприятий железнодорожного транспорта* наиболее ярко выраженными явились следующие тематические группы.

«Я – сотрудник организации»:

Индивидуализированные положительные оценочные характеристики профессиональной деятельности с акцентом на роль организации и профессиональной деятельности в жизни сотрудника. <i>Например: «престиж», «самореализация», «член команды»</i>	32,4 %
Указание на профессионально-значимые качества. <i>Например: «дисциплина», «трудолюбивая», «ответственный», «честность»</i>	29,7 %
Группа личностных характеристик, имеющих косвенное отношение к профессиональной деятельности. Ассоциации данной группы были выявлены только в ответах сотрудников государственных предприятий. <i>Например: «хороший», «эмоциональный», «общительный»</i>	16,2 %
Наименее представленной явилась группа отрицательных оценочных характеристик профессиональной деятельности. <i>Например: «инициатива наказуема, сказали копать – копаем, сказали не копать – не копаем»</i>	8,1 %

«Я – личность»:

Указание на конкретные личностные свойства. <i>Например: «интерес», «добрый», «зрелого ума»</i>	35,1 %
Указание на профессиональную принадлежность и профессиональные характеристики (положительные). <i>Например: «специалист, который необходим организации», «в моей организации»</i>	18,9 %

«Моя организация»:

Указание на значимость организации. <i>Например: «некая ячейка в системе ОАО «РЖД», которая тянет на себе самую «тяжелую» «лямку» в перевозочном процессе»</i>	42,3 %
Положительные оценочные характеристики. <i>Например: «меня устраивает»</i>	30,8 %
Наименее представленной явилась группа формальных характеристик. <i>Например: «серьезная», «централизованная», «большая»</i>	3,8 %

Соотношение выделенных групп ассоциаций может свидетельствовать о ярко выраженном положительном отношении к организации с акцентом на социальную значимость. Ценностное отношение к организации и

собственной роли в ней сочетаются с личностными и профессиональными характеристиками.

В ответах *сотрудников коммерческих предприятий* наиболее ярко выраженными явились следующие тематические группы.

«Я – сотрудник организации»:

Указание на профессионально-значимые качества. Например: «выполняющий свою работу», «трудоголик»	38 %
--	------

«Я – личность»:

Наиболее общие характеристики. Например: «человек», «индивид»	23,8 %
Более индивидуализированные (уникальные) оценочные характеристики. Например: «в быту, в общественной жизни независим в меру того, насколько мне это позволяют окружающие»	23,8 %
Указание на профессиональную принадлежность и профессиональные характеристики (положительные). Например: «исполнительность», «добросовестность», «своего профиля»	23,8 %
Наименее представленной явилась группа отрицательных характеристик, указывающих на профессиональную принадлежность и профессиональные характеристики. Следует отметить, что ассоциации данного типа были выявлены только в ответах сотрудников коммерческих предприятий. Например: «на работе, при общении с огромным количеством людей с разными характерами, не всегда чувствуешь себя личностью – это очень огорчает»	4,8 %

«Моя организация»:

Положительные оценочные характеристики. Например: «состоит из многоступенчатой структуры и работает как часы», «самая хорошая», «мои друзья»	47,6 %
Отрицательные оценочные характеристики. Например: «хорошая, успешная, очень развитая, но не хватает одного – уважения к своим сотрудникам», «не самая лучшая»	28,3 %

Эти данные свидетельствуют об амбивалентности оценивания организации. При этом положительные и отрицательные оценки связаны с разными сторонами жизни организации. Ещё одной отличительной чертой ответов сотрудников коммерческих предприятий

является наличие индивидуализированных личностных характеристик.

В ответах сотрудников государственных предприятий наиболее ярко выраженными явились следующие тематические группы.

«Я – сотрудник организации»:

Указание на профессионально значимые качества. Например: «высококласный специалист», «ответственный»	50 %
Более индивидуализированные положительные оценочные характеристики профессиональной деятельности. С акцентом на то, что дает организация. Например: «я тот, на кого надеются дети, доверяют, а также уважает начальник», «я нужен» «звено в длинной цепи»	43,8 %

«Я – личность»:

Более индивидуализированные (уникальные) оценочные характеристики. Например:	50 %
--	------

«потому что я человек, который мыслит», «сильный морально человек»	
Наименее представленной явилась группа социально значимых характеристик. <i>Например: «обладаю социально значимыми качествами»</i>	6,3 %

«Моя организация»:

Положительные оценочные характеристики. <i>Например: «имеет большие возможности. Развивается динамично»</i>	50 %
---	------

Тематический анализ полученных ассоциаций позволил выявить особенности восприятия организации и профессиональной деятельности, присущие сотрудникам предприятий с разным типом организационной культуры.

Для ответов всех групп респондентов характерно смешение профессиональных и личностных характеристик с выделением в Я-концепции профессионально важных качеств. При этом для сотрудников железнодорожных предприятий характерно более ярко выраженное ценностное отношение к организации, к себе как к сотруднику. Сотрудники государственных предприятий большое значение придают коммуникативным навыкам как в профессиональной деятельности, так и в других сферах жизни.

При наличии общей тенденции к амбивалентности оценок следует отметить, что в центре внимания сотрудников коммерческих предприятий оказались менее формализованные характеристики организации и качества, связанные с собственной активностью.

Полученные результаты были дополнены данными исследования самоустановок с помощью личностных опросников. Полученные данные показали, что сотрудники железнодорожных предприятий выделяют такие качества, как относительная самостоятельность, экстравертированность и компетентность, стремление к повышению уровня образования и стремление к интеграции жизненных сфер, внимание к процессуальным характеристикам деятельности, волевое регулирование, активность и проявление индивидуальности в сфере

увлечений. Данные характеристики свидетельствуют о внимании к профессионально значимым и деятельностным свойствам личности.

Для сотрудников государственных предприятий характерен акцент на таких качествах, как ответственность, стабильность, самопринятие, приспособление, активность, стабильность, экспрессивность, любознательность, доминирование внепрофессиональной жизни. Данные характеристики свидетельствуют о значимости для респондентов социально важных характеристик.

Сотрудники коммерческих предприятий выделили такие характеристики, как престижность, материальное положение, активность, сохранение индивидуальности, деятельностная самооэффективность и саморазвитие, аккуратность.

Полученные результаты являются основой для последующего углубленного изучения выделенных тенденций. В результате проведенного исследования выявлено, что для сотрудников, осуществляющих профессиональную деятельность в различном организационном контексте, характерны отличия в реагировании на одинаковые стимулы. Анализ полученных данных позволяет сделать выводы об особенностях содержания профессионального аспекта образа Я, который, в свою очередь, оказывает влияние и на Я-концепцию личности. Основные характеристики самовосприятия представителей трёх групп испытуемых соотносятся с особенностями восприятия организационной культуры, что подтверждает предположение о влиянии организационной культуры на Я-концепцию.

Литература

1. Занковский, А.Н. Организационная психология [Текст]: учеб. пособие для вузов по специальности «Организационная психология» / А.Н. Занковский. – 2-е изд. – М.: Флинта: МПСИ, 2002. – 648 с.

2. Семенов, Ю.Т. Организационная культура: управление и диагностика [Текст] / Ю.Т. Семенов. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2004.

Коротко об авторе

Briefly about author

Ефрюшкина О.В., аспирантка, преподаватель кафедры «Психология», ГОУ ВПО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения», ДВГУПС
helga_10.06@mail.ru, psymk@festu.khv.ru

Efryushkina O., graduate, Professor of Psychology Department, PEI HPE "Far-Eastern State University of Communications"

Научные интересы: психология субъекта профессиональной деятельности, проявление индивидуально-типологических характеристик субъекта в контексте определенного типа организационной культуры, психосемантические аспекты восприятия организационной культуры

Scientific interests: psychology of a professional activity subject, display of individually typological characters of a subject in the context of organization culture certain type, psychosemantic aspects of organization culture perception

Социология

УДК 316.6

Романова Нелли Петровна
Romanova Nelly

МЕСТО ЖЕНЩИН В СОЦИАЛЬНО-СТРАТИФИКАЦИОННОЙ СТРУКТУРЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

A PLACE OF WOMEN IN SOCIAL-STRATIFICATION STRUCTURE OF RUSSIAN SOCIETY

31

Рассмотрены методологические подходы к определению положения женщины в социально-стратификационной структуре современного российского общества. Отражены западные представления, а также воззрения ведущих российских социологов о социальном статусе женщин

There are methodological approaches to a woman's place determination in social-stratification structure of Russian society. Westerly ideas as well as views of Russian leading sociologists about social status of women are cited

Ключевые слова: социальная структура общества, гендерная роль, социальный статус, женщины, социальная стратификация

Key words: social structure of society, gender role, social status, women, social stratification

Социальная структура общества представляет собой определенный способ связи и взаимодействия индивидов, занимающих определенные социальные позиции (статусы) и выполняющих определенные социальные функции (роли). Гендерная (социально-половая) роль представляет собой вид социальной роли, предполагающей дифференциацию деятельности, статусов, прав и обязанностей индивидов в зависимости от их половой принадлежности.

В историко-социологическом контексте наибольшую известность получила концепция Т. Парсонса, предложившего функциональное

объяснение различия гендерных ролей в семье и обществе. В теории Парсонса понятие роли приобретает особое значение, поскольку роль в данном случае рассматривается в качестве связующего звена личности с определенной социальной структурой. И в этой структуре главной единицей является выполняемая личностью роль, а не сама личность [1].

В качестве основного объекта анализа Парсонс взял наиболее распространенный в США в середине 20-х гг. XX в. тип семьи – работающий муж и жена-домохозяйка и фактически просто описал этот феномен, придав ему статус универсальности и инвариантности.

Традиционная сегрегация половых ролей приобретает у Т. Парсонса характер «функциональной», то есть обеспечивающей стабильное существование социальной системы. Показательно, что сам Парсонс признавал тот факт, что отстранение женщины от публичной сферы вызывает у нее состояние психологического дискомфорта, что возможно «толкнет женщину на следование мужской ролевой модели... но, несмотря на заметный прогресс эмансипации, традиционно домашний образ жизни женщины пока практически не изменился. Однако вполне очевидно, что увеличение масштаба перемен в этой области повлечет за собой глубокие изменения в структуре семьи» [2].

Во второй половине XX в. теория Парсонса была подвергнута критике и пересмотру в рамках активно оформляющейся феминистской теории. Тем не менее, несмотря на многочисленные спорные моменты, поло-ролевой подход имел весомое значение для социальной теории, позволив применить понятие *социальной роли* к интерпретации положения женщин и мужчин в обществе.

Следующий этап обсуждения проблем методологии определения положения женщин в социальной стратификации в западной социологии связывается с появлением известной статьи Джоан Эйкер [3] «Женщины и социальная стратификация: пример интеллектуального сексизма» (1973 г.). Она выделила основные существующие допущения в отношении социального положения женщин, которые сводились к тому, что, во-первых, ячейкой стратификационной системы является семья; во-вторых, социальное положение семьи определяется статусом мужчины – главы семьи; и, в-третьих, статус женщины определяется статусом мужчины, к которому она «прикреплена», т.е. статусом ее мужа или отца.

Со времени появления статьи Эйкер ситуация изменилась. Появились новые методологические подходы к определению социального положения женщин, которые вызвали оживленную дискуссию. С точки зрения Памелы Абботт, «обсуждалось два основных вопро-

са: во-первых, как определять классовое положение семьи – основываясь на роде занятий одного (мужчины) или обоих партнеров; и во-вторых, как определять классовое положение женщин на основе их собственных характеристик...» [4].

Существует также проблема взаимоотношений между половой стратификацией и классовой стратификацией. Эйкер считает, что можно выделить два рода литературы, которые посвящены двум различным системам неравенства – классовому и половому – что является даже более изощренной формой интеллектуального сексизма, чем концептуальная невидимость женщин: «Мужчина продолжает считаться обобщенным человеком – общая социетальная система неравенства рассматривается по сути как система неравенства между мужчинами; особенное положение женщин... анализируется отдельно. Женщины остаются на полях...» [5].

На сегодняшний день проблема объединения классовой стратификации и полового неравенства решается разными авторами различными способами. Некоторые из них делают половое неравенство главным предметом своего стратификационного анализа, в то время как другие продолжают игнорировать этот вопрос.

Рассмотрим четыре основных подхода [6], сформировавшихся в ходе методологической дискуссии об определении положения женщин в стратификационной системе:

- 1) конвенциональный;
- 2) доминантный, или неоконвенциональный;
- 3) соединяющий, или семейный;
- 4) индивидуалистический.

Конвенциональный подход. Согласно Джону Голдторпу, конвенциональный подход предполагает следующее:

- 1) именно семья, а не индивид, формирует базовую ячейку социальной стратификации;
- 2) отдельные семьи располагаются в системе стратификации в основном в зависи-

мости от положения мужчин – "глав" этих семей, которое в современных обществах может быть наиболее адекватно определено на основе их профессионально-должностного статуса" [7].

Критики конвенционального подхода утверждают, что в течение последних десятилетий уровень занятости замужних женщин существенно увеличился, что привело к трудностям определения, кто, муж или жена, может считаться "главой" "нормальной" супружеской семьи, поскольку жены очень часто превосходят своих мужей по профессионально-должностному статусу. Результаты исследования, проведенного Голдторпом, показывают, что занятость женщин имеет ограниченный, прерывистый характер. Женщины часто вынуждены уходить с работы из-за своих семейных обязанностей или из-за изменения места работы мужа. Их профессиональная деятельность является также классово обусловленной. Голдторп показывает, что жены мужчин из рабочего класса увольняются с работы раньше, чем жены мужчин из среднего класса, что может быть объяснено разным временем рождения первых детей в разных классах. Жены мужчин из рабочего класса возвращаются на работу также раньше относительно момента рождения их первого ребенка, что, согласно Голдторпу, "может считаться показателем того, что... такие женщины более вероятно, чем другие, считают свое участие в рынке труда экономической необходимостью" (см. цит. работу).

На основе своего анализа Голдторп делает следующие выводы: "Изменения в уровне и характере занятости замужних женщин, произошедшие в течение последних десятилетий, наносят гораздо меньше вреда представлению о том, что семья является базовой ячейкой классовой стратификации, чем стало модным считать" (там же).

Рассмотренная позиция Голдторпа является наиболее аргументированной и эмпирически подкрепленной разработкой конвенционального подхода к определению социального положения женщин. Именно поэтому на

Голдторпа так часто ссылаются авторы, придерживающиеся альтернативных взглядов в данной дискуссии.

Доминантный подход. Доминантный, или неконвенциональный подход к определению положения женщин в социальной стратификации разрабатывался шведским социологом Робертом Эриксоном, а позднее – Голдторпом и Пэйном [8].

В своей работе "Социальный класс мужчин, женщин и семей" (1984) Эриксон ставит вопрос о том, что является определяющим фактором социального класса. Он ссылается на Локвуда, который выделял два аспекта социального положения [9]: рабочую и рыночную ситуации. Эриксон утверждает, что в западном индустриальном обществе "рыночная ситуация" является характеристикой семей, или домохозяйств, потому что "именно семья обычно является единицей потребления, которая имеет общее жилище, воспитывает детей и посылает их в школы и университеты" [11; С. 502]. Однако именно индивид находится в "рабочей ситуации", т.к. он включен в отношения власти и отношения со своими коллегами. Следовательно, существует две концепции: "одна имеет отношение к рабочей ситуации и целиком связана с индивидом. Другая имеет отношение к рыночной ситуации и связана с семьей, или домохозяйством как целым" [11; С. 512].

Эриксон предлагает использовать термин *классовое положение* в применении к концепции, касающейся рыночной ситуации. По его мнению, основным элементом классовой структуры современного индустриального общества является нуклеарная семья "по причине зависимости членов семьи друг от друга и от общего для всех положения в семье" [11; С. 502]. Соответственно, по Эриксону, ячейкой классового анализа является семья, а не индивид.

Он сделал вывод, что лучший способ определить классовое положение семьи, а следовательно, и членов семьи – это использовать рабочую ситуацию обоих супругов и основывать класс семьи "на последовательно-

сти влияния, где считается, что более высокий профессионально-должностной статус в этой последовательности больше влияет на рыночную ситуацию семьи, чем профессионально-должностной статус более низкого уровня" [11; С. 500].

Доминантный подход подвергается критике за то, что он создает только видимость принятия во внимание социального положения женщин, чего в действительности не происходит. Как указывают Хайес и Джоунз, "в доминантном подходе женщины теоретически имеют те же возможности, что и мужчины, для определения классового положения семьи. Однако, поскольку муж (отец) чаще является, чем не является членом семьи с наибольшим вкладом в участие в рынке труда..., практический смысл этой стратегии заключается в том, что замужним женщинам продолжает, как заведено, приписываться то же классовое положение, что и у их мужей" [10].

«Соединяющая» стратегия в определении социального положения женщин. Третьим подходом, возникшим в дискуссии об измерении социального положения женщин, является "соединяющий", или "семейный" подход. Его сторонниками являются Э. Хит, Н. Бриттен, С. Макрэ, Х. Лейюлфсруд, Э. Вудвард, Н. Бонни, А. Дэйл, Г.Н. Джилберт, С. Арбер [11] и другие. В рамках "соединяющего" подхода единицей стратификационного анализа продолжает являться семья, однако используется сложное измерение, принимающее в расчет рабочую ситуацию обоих супругов.

Впервые "соединяющий" подход был предложен Ники Бриттен и Энтони Хитом в 1983 г. В своей следующей статье "Работа женщин действительно имеет значение: ответ Голдторпу" (1984 г.) они утверждают, что работа женщин оказывает существенное влияние на различные аспекты их жизни, однако существующие классификации видов профессиональной деятельности, которые первоначально были разработаны для мужчин, не эффективны для объяснения рабочей и рыночной ситуации женщин. Хит и Бриттен утверждают,

что различие между физическим и умственным трудом, которое считается основным "разрывом" в классовой структуре, не существенно для женских видов профессиональной деятельности. Вместо этого они предлагают свою собственную классификацию, в которой выделяется три женских рынка труда, значительно отличающиеся друг от друга оплатой труда, пенсиями и системой выплат по болезни [11; С. 482].

"Соединяющий" подход также разрабатывался Х. Лейюлфсрудом и Э. Вудвард. Основным объектом их исследования являлись межклассовые семьи в Швеции. Авторы пришли к следующему выводу: "Половая сегментация рынка труда в паре с увеличивающимся участием женщин в рынке труда делает появление межклассовых семей фактически неизбежным... Когда партнеры имеют диаметрально противоположный классовый опыт, это существенно влияет на жизнь в семье и отношения семьи с внешним миром. В таких семьях существует иное разделение труда и иные установки по отношению к детям, политике и миру, чем в классово гомогенных семьях" (11; С. 407).

Сторонником "соединяющего" подхода является также Норман Бонни. С его точки зрения, в качестве основной единицы социально-классового анализа должна выделяться скорее семья, чем индивид, поскольку поведение на рынке труда обоих супругов является скорее совместным, чем индивидуальным проектом (см.⁹).

Подход, представленный в статье Анджелы Дэйл, Найджела Джилберта и Сары Арбер "Интегрируя женщин в классовую теорию" [11], некоторые авторы относят к разновидности "соединяющей", или "семейной" стратегии, в то время как другие называют "индивидуалистическим". Это, возможно, объясняется тем, что Дэйл и ее коллеги различают два измерения социального класса – класс, основанный на отношении к рынку труда, и класс, основанный на моделях потребления, – и две соответствующие им единицы стратификационного

анализа – индивида и семью.

Дэйл, Джилберт и Арбер утверждают, что "все, кто занят на оплачиваемой работе, имеют прямое отношение к рынку труда, которое может быть использовано для определения их класса на основе профессионально-должностного статуса. Даже если женщина не имеет оплачиваемой работы и поэтому не имеет прямого отношения к рынку труда, это не должно использоваться для ее исключения из стратификационной системы. Скорее, это означает, что работа не является подходящей основой для классификации этой женщины, и что необходимо разработать более надежные критерии, учитывающие стоимость неоплачиваемого труда в домашнем хозяйстве" [11; С. 386].

Следует заметить, что идею различения рабочей и рыночной ситуации и, соответственно, двух подходящих единиц стратификационного анализа – индивида и семьи – поддерживает также Розмари Кромптон в своей книге "Класс и стратификация" (1994). Она пишет: "В определенных ситуациях – например, в контексте рынка труда и занятости – наиболее подходящим показателем является "собственное" классовое положение женщины, определяемое ее профессионально-должностным статусом.

Индивидуалистический подход. В цитируемой нами ранее статье Д. Эйкер критикует основное положение литературы по стратификации о том, что статус женщины определяется статусом мужчины, с которым она связана (ее мужа или отца). Это подразумевает, что женщина не располагает своими собственными ресурсами для определения ее социального статуса, что, с точки зрения Эйкер, является очевидной неправдой. Автор задает вопрос: если женщины имеют доступ к образованию, вовлечены в сферу оплачиваемого труда и получают доход, почему эти характеристики не могут учитываться для определения их социального положения?

Эйкер считает, что единицей стратификационного анализа должен являться индивид,

поскольку "использование индивида, а не семьи, в качестве единицы может сделать возможным интегрирование пола в модели стратификационных систем" [3; С. 941].

Отношение к женщинам как к личностям, а не "придаткам" мужчин, поднимает также проблему определения социального статуса женщин, которые не работают за заработную плату и не могут быть отнесены к определенной категории на основании их профессионально-должностного статуса и дохода. Это связано с более широкой проблемой определения статуса людей, которые находятся вне занятости – пенсионеров, студенческой молодежи, людей, работающих на добровольных началах, и безработных.

Эйкер проанализировала положение женщин, не включенных в рынок труда, и предложила рассматривать ведение домашнего хозяйства как вид профессиональной деятельности и присвоить ему определенный ранг в иерархии видов профессиональной деятельности. Она пишет: "Я допускаю, что этот вид профессиональной деятельности будет иметь довольно низкий ранг... В то же время, оценка "домохозяйки" может варьироваться в зависимости от социально-экономической страты, к которой домохозяйка принадлежит" [3; С. 914-942].

Позиция Эйкер не должна рассматриваться как хорошо разработанный подход. По ее собственным словам, она лишь "коротко обозначила ряд концептуальных и эмпирических вопросов, которые возникают, если мы считаем неравенство по признаку пола важным для структуры стратификационных систем" [3; С. 944]. Тем не менее, большинство авторов, писавших позже на эту тему, обязательно ссылались на Эйкер.

В британской социологии есть свои сторонники индивидуалистического подхода к определению положения женщин в системе социальной стратификации. Это М. Станворт и С. Уолби.

В своей работе "Женщины и классовый анализ: ответ Джону Голдторпу" (1984) Ми-

шель Станворт утверждает, что единицей стратификационного анализа должен быть индивид. Она отмечает, что Голдторп не учитывает всей значимости занятости женщин не для других членов их семьи, а для них самих. Она пишет: "Замужние женщины обычно имеют меньше возможностей для личного потребления... и меньше участвуют в решениях по поводу "совместных" трат, чем их супруги" [12]. Кроме того, Станворт считает, что если у мужей увеличивается доход, то это улучшает положение, прежде всего, их самих, а уровень жизни и уверенность жены могут повыситься существенно в результате ее собственной занятости и профессиональных достижений, чем в результате роста классового положения мужа. Наконец, жены редко разделяют классовые ориентации своих мужей; их ориентации больше отражают их собственный профессиональный опыт.

Другой пункт станвортовской критики Голдторпа касается неравенства полов в обществе. С точки зрения Голдторпа, ограниченный характер женской занятости детерминируется исключительно "конвенциональными нормами", семейными обязанностями женщин и их зависимостью от мужей. Между тем, Станворт считает, что ограниченные возможности женщин в сфере занятости – их подчиненное классовое положение – являются выражением неравенства власти, которое пронизывает не только семейную сферу, но также борьбу на рынке труда и вокруг него [12; С. 167].

Сильвия Уолби в своей статье «Гендер, класс и стратификация: навстречу новому подходу» (1986) предлагает концепцию положения женщин в социальной стратификации, построенную вокруг идеи гендерного неравенства. Уолби спорит с авторами, которые стараются включить в стратификационный анализ характеристики занятости женщин, при этом оставляя ячейкой стратификации семью. С точки зрения Уолби, "если семья продолжает считаться единицей, неравенство между мужчинами и женщинами в семье скрывается кон-

цептуально" [13].

Индивидуалистический подход является наиболее радикальным из всех альтернатив, появившихся в дискуссии о месте женщин в стратификационной системе и стратификационных исследованиях, и критикуется он не меньше, чем конвенциональный подход. Критики спорят по поводу двух основных вопросов: кто является единицей стратификационного анализа – индивид или семья, и какая методика должна использоваться для определения социального положения женщин – а именно, как поступать в ситуации, когда женщины не имеют оплачиваемой работы, и как учесть в стратификационном анализе участие женщин в специфическом способе производства, который происходит в домашней сфере.

Рассмотренные методологические подходы к определению положения женщин в социальной стратификации позволяют проследить логику развития идей в этой области. До 1970-х гг. вопрос о том, что женщина может иметь свое собственное социальное положение, не определяемое социальным положением мужа или отца, вообще не рассматривался. Впервые основные принципы стратификационного анализа были подвергнуты критике феминистскими авторами, которые привлекли внимание к гендерному неравенству, пронизывающему всю стратификационную систему. Эти исследователи обнаружили, что женщины имеют меньше шансов, по сравнению с мужчинами, для того, чтобы находиться в более высоких социальных стратах, они располагают меньшими ресурсами для восходящей социальной мобильности. Следование принципам конвенциональной методологии не позволяет это учитывать и, следовательно, осуществлять комплексный анализ положения в социальной стратификации женщин. Стали разрабатываться новые подходы, в которых принималось в рассмотрение гендерное измерение стратификационного пространства.

Исследование гендерных ролей представляется нам весьма перспективным направлением для отечественной социологии.

Это обусловлено тем, что в современном российском обществе традиционная дифференциация гендерных ролей переживает радикальную ломку. В частности, имеют место две противоположные по своей направленности тенденции, существенно влияющие на динамику статуса мужчин и женщин в обществе. С одной стороны, происходит определенное возрождение традиционных ценностей и взглядов относительно мужских и женских ролей в семье и обществе. С другой – общественное развитие открывает для женщин возможности освоения новых социальных ролей. Отметим, что в историческом плане выход женщины за пределы ее семейного предназначения всегда порождал массу неоднозначных оценок, но никогда не оставался незамеченным.

Рассуждая о проблемах реализации современных социальных ролей женщины, мы так или иначе сталкиваемся с взаимосвязью роли и статуса. Понятие социального статуса, на наш взгляд, приобретает характер ключевого в рамках социологического подхода к изучению положения женщины. Мы вполне согласны с мнением, что социологический анализ гендерных отношений представляет собой исследование эволюции статусов женской и мужской общностей под влиянием конкретных условий. Такой позиции активно придерживается исследовательская группа под руководством Г.Г. Силласте [14] (исследовательские проекты: “Женщины и демократизация”, “Женщины в российском обществе”, “Труд. Занятость. Безработица”).

В современных условиях необходим научный анализ того, каков реальный статус различных социальных групп женщин, в частности, одиноких, осваивающих роли достаточно нетрадиционные с точки зрения гендерных идеалов и стереотипов. Специфика социологического подхода к изучению ролей и статусов женщин состоит в поиске взаимосвязей в цепочке “гендер-стратификация”.

Социологическая теория практически исключала пол в качестве сколько-нибудь значимого критерия стратификации вплоть до вто-

рой половины XX в. Пол рассматривался только в качестве дополнительного дифференцирующего признака наряду с возрастом, личной привлекательностью, интеллектуальными способностями (у Парсонса эти элементы объединены под критерием “личные качества”).

Результаты современных социологических исследований классовой структуры продемонстрировали ошибочность функциональной позиции в отношении гендера. С позиций гендерного подхода в социологии, такие неклассовые факторы, как гендер, возраст, этничность могут существенно влиять на стратификационные процессы.

В социологической теории категория гендерного неравенства приобретает роль ведущей для интерпретации отношений между полами. На основе анализа различных текстов (научная литература, статьи в средствах массовой информации, письма мужчин и женщин в газеты и журналы и т.д.) можно выделить два основных типа гендерных установок сознания – патриархатные и феминистские.

Для патриархатных установок характерны следующие особенности:

- 1) убеждение, что в общественных и семейных отношениях должно существовать жесткое разделение мужских и женских ролей;
- 2) взгляд, согласно которому мужчине принадлежит ведущая, активная роль в семье и обществе, а женщине – подчиненная, пассивная;
- 3) убеждение, что жизненные ценности женщин и мужчин различны: семья и любовь – главные ценности для женщин; дело, работа, самореализация вне семьи – ценности мужчин;
- 4) предпочтение семейных отношений, в которых мужчина является главой семьи, вносит основной вклад в бюджет семьи;
- 5) предписывание женщине в качестве главной ее роли в обществе роли матери, т.е. поведения, связанного с рождением и воспитанием детей;
- 6) осуждение поведения женщины, в которой доминируют ориентации на самореализацию вне семьи, на карьеру, профессиональ-

ные достижения;

7) убеждение, что должны всячески закрепляться и развиваться отличительные черты в поведении девочек;

8) представление о том, что патриархатная модель общества естественна, обусловлена биологическими различиями полов;

9) осуждение равных прав женщины и мужчины.

Феминистские установки сознания включают в себя следующие аспекты:

1) осуждение использования биологических половых различий для оправдания жестко закрепленного, подчиненного положения женщины в семье и обществе;

2) неприятие существования в семье и обществе строго закрепленных мужских и женских ролей;

3) осуждение разделения сфер общественной жизни на мужские и женские;

4) убеждения, что женщины и мужчины в современном обществе имеют неодинаковые возможности для самореализации в различных сферах, и такое положение признается несправедливым;

5) принятие образа женщины (гендерного идеала), главными чертами которого являются энергичность, активность, уверенность в себе, стремление к свободе и независимости, деятельность в различных сферах общественной жизни;

6) взгляд, согласно которому для женщины высокую ценность имеют профессиональные достижения, карьера, раскрытие собственных возможностей и способностей, стремление к самореализации;

7) предпочтение семейных отношений, которые не обязывают женщину всю себя отдавать заботе о других;

8) взгляд на воспитание детей, согласно которому общество должно максимально стремиться к равному участию отцов и матерей в жизни ребенка;

9) осуждение отношения к женщине как объекту сексуального угнетения;

10) неприятие двойных стандартов в

общественной морали в оценке поведения мужчин и женщин в различных сферах жизни;

11) убеждение в необходимости глубокого осознания женщинами своего подчиненного положения, желание перемен в общественной роли женщины и понимание важности практических действий в этом направлении.

Следует признать, что в массовом сознании россиян доминируют патриархатные установки. Причем на патриархатную модель гендерных отношений ориентирована значительная часть самих женщин. Об этом свидетельствуют пока что немногочисленные, к сожалению, гендерные исследования в нашей стране.

Так, согласно данным опросов женщин, в шкале представлений о счастье на первом месте стоят дети, семья; на втором – устроенный быт, любовь, муж; на третьем – любимая работа и ее сочетание с семейными интересами; на четвертом – уверенность в себе и необходимость быть полезной людям; на пятом месте – карьера [15].

Как видим, карьера занимает лишь пятое место в структуре жизненных ценностей. А между тем карьера отражает установку женщины на самореализацию, самосовершенствование, творческое самовыражение. Выбор карьеры как одного из стратегических направлений жизнедеятельности обуславливает избираемый женщиной тип социального поведения, степень активности, ориентацию на предпочитаемый стиль жизни.

По данным ВЦИОМа, число сторонников традиционной семьи, в которой женщина совсем не работает в общественном производстве, в 2004 г. составило 36 %. 35 % респондентов считают, что женщина должна иметь значительные перерывы в занятости в период рождения детей. 70 % опрошенных женщин в 2004 г. среди мотивов, побуждающих женщин с детьми работать вне дома, назвали «невозможность прожить только на зарплату мужа».

Сегодня в обществе возрождаются симпатии к так называемой традиционной семье: муж – кормилец семьи, жена – домохозяйка. В

то же время нельзя обойти вниманием тот факт, что многие российские мужчины не умеют или не могут справиться с ролью «единственного кормильца» в семье, т.к. им сложно конкурировать в формирующейся рыночной среде, имеющей четко выраженный криминальный характер, неуправляемую скрытую безработицу, неразвитую рыночную инфраструктуру, слабое государственное регулирование трудовыми процессами, девальвацию образовательного потенциала.

Стремление выполнять социополовые роли в соответствии с патриархатными установками сознания ведет к накоплению у мужчин и женщин комплексов и затрудняет взаимное понимание. Ориентация на традиционные стереотипы мужественности и женственности, выстроенные по принципу дихотомии, как набор противоположных психологических качеств, не способствует гармоничному развитию личности, «зашоривает» ее, препятствует всестороннему раскрытию внутреннего потенциала.

Активное и успешное освоение женщинами новых социальных ролей реально не привело к изменению традиционных взглядов. Так, с утверждением о том, что если женщина более, нежели мужчина способна к роли «добытчика» в семье, то ее муж должен заниматься домашними делами, в 2001 г. согласились 40 % мужчин и 56 % женщин; выразили негативное отношение 40 % мужчин и 26 % женщин. Традиционные воззрения на роль женщины в семье и обществе, как видим, достаточно сильны в обыденном сознании и без их изменения реальное равноправие полов будет неполным или даже невозможным.

Проследив развитие современных взглядов на место женщины в стратификационной системе общества применительно к объекту нашего исследования – одиноким женщинам, можно отметить, что они в силу своего особого состояния не создают предмета дискуссии относительно того, что является единицей стратификационного анализа: индивид или семья (имеется в виду классическое

понимание семьи, как семьи нуклеарной, супружеской). Эта дилемма однозначно разрешается в пользу индивида. Одинокие женщины в семьях другого рода (неполных, материнских) считают свое участие в рынке труда экономической необходимостью и вынуждены сочетать мужские социальные роли добытчика и женские хранительницы очага и матери. Наши исследования показывают, что более 50 % одиноких женщин являются единственными, кто обеспечивает материальное существование семьи, еще 27 % частично рассчитывают на материальную поддержку близких родственников, в основном это пенсии родителей.

Сказанное позволяет ответить и на вопрос, что в своей основе определяет социальный статус одинокой женщины. Так как одинокие женщины имеют доступ к образованию, вовлечены в сферу оплачиваемого труда и получают доход, эти характеристики и должны учитываться для определения их социального положения, производной которых является профессионально-должностной статус, считающийся «универсальным индексом для классификации индивидов и определения их социального положения».

В то же время заметно пониженный в большинстве случаев социальный статус женщин вообще и одиноких, в частности, является детерминантой неравенства полов в обществе, или гендерного неравенства, пронизывающего всю стратификационную систему.

Многочисленные российские исследования показывают, что женщины имеют меньше шансов, по сравнению с мужчинами, для того чтобы находиться в более высоких социальных стратах они располагают меньшими ресурсами для восходящей социальной мобильности. Выступая субъектами гендерного неравенства и дискриминации женщин, мужчины, государство и его социальные институты зачастую оправдывают снижение их социального статуса биологической предрасположенностью к выполнению определенных функций.

Говоря о специфике социологического подхода к изучению положения женщины, от-

метим, что социологический анализ гендерного неравенства свидетельствует об устойчивых тенденциях воспроизводства гендерного неравенства в современной России, о глубоком противоречии между курсом на демократизацию и реальным резким снижением социального статуса женщин.

Специфику социологического подхода к изучению проблем положения женщины можно рассматривать на примере изучения трансформации социально-экономического статуса женщин. В данном случае можно выделить следующие тематические блоки: роль женщины в экономической жизни общества; динамика социально-экономического статуса женщины, ее общероссийские тенденции и специфика в забайкальском регионе; эмпирические индикаторы, характеризующие статус женщины в экономической сфере. В ряду таких индикаторов могут быть следующие: соотношение заработной платы мужчин и женщин, в том числе – на управленческих должностях; доля женщин среди официально зарегистрированных безработных; доля женщин, занятых на работах с тяжелыми и вредными условиями труда; уровень женской предпринимательской активности, а также уровень трудовой активности женщин; соотношение уровня доходов мужчин и женщин; субъективные оценки дискриминационных практик в отношении женщины в обществе; каналы реализации экономического потенциала в неформальном секторе экономики.

Заканчивая рассмотрение данной темы,

следует отметить следующее. Социальная стратификация базируется на определенных основаниях. Естественная основа процессов стратификации – социальные связи людей, т.е. самоорганизующаяся, системно-функциональная целесообразность, в соответствии с которой в обществе существует иерархия статусов и ролей.

Изложенное позволяет сказать, что основная масса женщин в социально-стратификационной структуре современного российского общества занимает положение, отвечающее, скорее, патриархатным установкам – заметно сниженным установкам на самореализацию, самосовершенствование, творческое самовыражение, позволяющим говорить, что традиционные воззрения на роль женщины в семье и обществе достаточно сильны.

Эти же установки определяют положение и одиноких женщин. Однако вынужденная и непредписанная этими установками роль по материальному обеспечению себя и детей заставляет их реализовывать и мужскую роль добытчика. Однако в полной мере реализовать эту роль им не удается из-за специфики современной рыночной среды, имеющей выраженный криминальный характер, неуправляемую скрытую безработицу, девальвацию образовательного потенциала, что в совокупности с достаточно явными проявлениями дискриминации в отношении женщин делает рынок труда для одиноких женщин в большинстве случаев малоэффективным.

Литература

1. Парсонс, Т. К общей теории действия. Теоретические основания социальных наук [Текст] / Т. Парсонс // О структуре социального действия. – М., 2000.

2. Фридан, Б. Функциональное замерзание, феминный протест и Маргарет Мид [Текст] / Б. Фридан // Хрестоматия по курсу: "Основы гендерных исследований". – М.: МЦГИ.

3. Acker, J. "Women and Social Stratification: A Case of Intellectual Sexism" *American Journal of Sociology*, 1973, Vol. 78, No. 4, p. 937.

4. Abbott, P. "Women's Social Class Identifica-

tion: Does Husband's Occupation Make a Difference?" *Sociology*, 1987, Vol. 21, No. 1, p. 92.

5. Acker, J. "Women and Stratification: A Review of Recent Literature" *Contemporary Sociology*, 1980, Vol. 9, No. 1, p. 27.

6. Катаева, С.В. Женщины в стратификационных исследованиях [Текст] / С.В. Катаева. – Социология, 1998. – № 3.

7. Goldthorpe, J.H. "Women and Class Analysis: In Defence of the Conventional View" *Sociology*, 1983, Vol. 17, No. 4, p. 465.

8. Erikson, R. (1984) "Social Class of Men,

Women and Families" *Sociology* Vol. 18, No. 4. Goldthorpe, J.H. and C. Payne (1986) "On the Class Mobility of Women: Results from Different Approaches to the Analysis of Recent British Data" *Sociology* Vol. 20, No. 4. Erikson, R. and J.H. Goldthorpe (1988) "Women at Class Crossroads: A Critical Note" *Sociology* Vol. 22, No. 4.

9. Lockwood, D. (1966) *The Blackcoated Worker*. London: Unwin University Books.

10. Hayes, B.C. and F.L.Jones (1992) "Class Identification among Australian Couples: Are Wives' Characteristics irrelevant?" *The British Journal of Sociology* Vol. 43, No. 3, p. 464.

11. Heath, A. and N.Britten (1984) "Women's Jobs Do Make a Difference: A Reply to Goldthorpe" *Sociology* Vol. 18, No. 4. McRae, S. (1986) *Cross Class Families*. Oxford: Clarendon. Leifsrud, H. and A. Woodward (1987) "Women at Class Crossroads: Repudiating Conventional Theories of Family Class" *Sociology* Vol. 21, No. 3. Bonney, N. (1988) "Gender, Household and Social Class" *The British Journal of Sociology* Vol. 39, No. 1. Dale, A., G.N.Gilbert and

S.Arber (1985) "Integrating Women into Class Theory" *Sociology* Vol. 19, No. 3

12. Stanworth, M. "Women and Class Analysis; A Reply to John Goldthorpe" *Sociology*, 1984, Vol. 18, No. 2.

13. Walby, S. (1986) "Gender, Class and Stratification. Towards a New Approach" In R.Crompton and M.Mann (Eds.) *Gender and Stratification* Cambridge: Polity Press.

14. Силласте, Г.Г. Социальная дискриминация женщин как предмет социологического анализа [Текст] / Г.Г. Силласте, Г.Ж. Кожамжарова // Социс, 1977. – № 12. – С. 112-120; Силласте, Г.Г. Эволюция социальных позиций женщин в меняющемся российском обществе [Текст] / Г.Г. Силласте. – М., 1993.

15. Здравомыслова, О.М. Неровный брак: карьера интересует российских женщин не меньше замужества [Текст] / О.М. Здравомыслова // Российская газета, 2004. – 26 февраля. – № 37. – С. 6.

Коротко об авторе

Романова Н.П., д-р социол. наук, профессор, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
rik@chitgu.ru

Научные интересы: философия одиночества, гендерные исследования, деловые коммуникации

Briefly about author

Romanova N., Dr. Sc. (Sociology), Full Professor, Chita State University (ChSU)

Scientific interests: phylosophy of loneliness, gender research, buisness communications

---

Филология

УДК 802.0-8

**Гавриленко Ольга Владимировна
Gavrilenko Olga**

КОНЦЕПТ ЛЕС В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ КУЛЬТУРАХ

**THE CONCEPT FOREST IN THE
ENGLISH-SPEAKING CULTURES**

Данное исследование посвящено когнитивному освоению британской и американской лингвокультурами такого феномена природной среды, как лес. В статье, выполненной в русле лингвокогнитивной концептологии, представлено описание, моделирование и сравнение объективированной части концепта ЛЕС в двух лингвокультурах

This research is devoted to the cognitive study of the linguistic and cultural perceptions of forest by British and American people. The linguocognitive study of concepts has been applied in the article which is devoted to modelling, description and comparison of the verbalized part of the concept Forest in two cultures

Ключевые слова: концепт, структура концепта, англоязычные лингвокультуры

Key words: concept, structure of the concept, English-speaking cultures

Доступ к концепту осуществляется через языковые номинации, которые «открывают» для человека концепт как единицу мыслительной деятельности [2; С. 79]. Исследуемый нами концепт «открывается» через анализ дефиниций слов, номинирующих различного рода группы деревьев (29 единиц в британском варианте и 32 – американском) и анализ контекстов словоупотребления (363 британских и 672 американских). Выборка словарных дефиниций осуществлялась по Оксфордскому словарю английского языка, полному словарю Random House, а также по электронным версиям словарей American Heritage и WordNet; выборка контекстов – по British National Corpus и Corpus of Contemporary American English.

Структура концепта – совокупность обобщенных признаков, необходимых и достаточных для идентификации предмета или явления как фрагмента картины мира [1; С. 15]. В структуре концепта ЛЕС мы выделяем ценностный, образный и понятийный компоненты [1; С. 13], причем последний может быть представлен в терминах ядра и периферии [3; С. 60].

Понятийный компонент может быть представлен в терминах ядра и периферии. Ядерные признаки представляют собой прототипические слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью [3; С. 60]:

– «величина». Малая величина лесов больше характерна для британского варианта (48,28 % дефиниций британских слов по срав-

нению с 40,63 % американских), большая – для американского (1,66 % британских и 2,46 % американских контекстов);

– «высота». Признак «величина» объективирует движение по горизонтали; признак «высота» – движение по вертикали. При объективации высокого леса внимание говорящего обычно фокусируется на высоте составных элементов, деревьев (the grove of tall old hollies [4]), а при объективации малой высоты – на группе в целом (the stunted woods [5]);

– «компонент». Компоненты (кусты, деревья и т.д.) обычно просто упоминаются, но при коммуникативной необходимости дифференцируются по видам, которые характерны для определенной местности, где проживают представители той или иной лингвокультуры (a grove of plum trees [5]);

– «деятельность человека». Носители языка объективируют использование леса в различных целях, связанных с отдыхом, путешествиями, охотой (в особенности, на лис в британском варианте) и т.д. (the hounds have followed the fox to this copse [4]; took long trips in the woods [5]). Процесс «отвоевывания» у леса пространства для сельского хозяйства чаще объективируется в американских контекстах (1,69 % по сравнению с 0,55 % британских);

– «участие в формировании общей картины ландшафта». Группы деревьев не существуют изолированно: данный признак актуализирует представления лингвокультур о расположении лесов относительно возвышенностей (a dense undergrowth on a small bluff [5]), водных объектов (the woods across the river [4]) и т.п.;

– «плотность». Густой лес. Высокая степень плотности является следствием большого количества компонентов и произрастания деревьев и кустов очень близко друг к другу. Американцы добавляют к этому списку и неконтролируемое разрастание деревьев и кустов. Редкость растительности возникает вследствие малого количества компонентов (sparse woodland [4]), а также большого расстояния между ними;

– «часть целого». В лесу выделяются некоторые составные части, формирующие единое целое: чаща, дальняя сторона, край и

т.д. (the verge of the forest [4]; the heart of a forest [5]). В американском варианте признак «часть целого» представлен шире (7,07 % AmE и 5,52 % BrE) и включает объективации частей леса позади и впереди человека, тупика, входа в группу деревьев или кустов (a dead run for the grove of trees [5]).

Периферийная область репрезентирует более абстрактные понятия [3; С. 60] и включает следующие признаки:

– «цвет». Цветовые оттенки групп деревьев и кустов могут быть зелеными, желтыми, черными, разноцветными. В британском варианте к данной палитре добавляется коричнево-зеленый оттенок, в американском варианте – золотистый, серебристый, красный, белый;

– «фауна». Признак репрезентирует знания представителей двух лингвокультур о том многообразии птиц и животных, ареал обитания которых располагается на территории США и Великобритании. Видовая принадлежность объективируется, в основном, в случае необходимости придать местный колорит произведению (как и признак «компонент»);

– «погода». В соответствии со своими нуждами человек отмечает наличие определенной погоды, которая напрямую зависит от географического расположения страны: снег, буря, ветер и т.д. (the storm in the forest [4]);

– «темпоральность». Объективации данного признака репрезентируют изменения состояния групп деревьев или кустов в течение какого-либо времени: старый или зрелый лес, молодая поросль, сезонные преобразования и т.п. (the old woods [5]);

– «форма». Форма леса актуализирована только в американских контекстах и может быть округлой либо изогнутой (area of forestland looks like a curved, brown finger protruding from the northeast coast [5]). Отсутствие вербализаций данного признака в британском варианте мы склонны объяснять неактуальностью фрагмента действительности для носителей языка.

Ценностный компонент представлен положительной и отрицательной оценками. Так, британцы положительно оценивают очарование и уединенность леса (lovely woods [4]),

американцы – приятные и достойные восхищения группы деревьев и кустов (a pleasant open strip of woodland [5]). Лес воспринимается в двух лингвокультурах как некое безопасное место, укрытие от солнца или непогоды (forest's shy protection [5]). В зависимости от различных обстоятельств носители двух вариантов склонны говорить о любви к группам деревьев и о положительных эмоциях в целом. Отрицательной оценке в двух лингвокультурах подвергается трудность преодоления леса (scramble through forest undergrowth; forcing the thicket [5]), а также его опасный, мрачный и пугающий характер (the woods look solemn and dismal [4]; a little frightened of the woods at night [5]).

Образный компонент концепта ЛЕС охватывает зрительный, звуковой, тактильный и обонятельный образы. Зрительный образ, на наш взгляд, с одной стороны, репрезентирован ядерными признаками понятийного компонента, которые могут быть дополнены некоторыми периферийными характеристиками у тех или иных носителей языка. Понятийные признаки отражают зрительную картинку, «всплывающую» при актуализации одной из сторон концепта. Также зрительный образ включает зрительное восприятие групп деревьев или кустов в различное время суток (the early morning woods [5]). Звуковой образ представлен объективациями громких и тихих звуков в лесу, а также молчанием леса (the whispering of the

woods [4]); тактильный образ – ощущением прохлады в жаркий день (it was cool in the woods even on such a hot day [5]). Тактильный образ, переплетаясь со зрительным, порождает ощущение мягкости леса (a green fuzzy clump [4]). Представители двух лингвокультур объективируют запах (обонятельный образ) деревьев и кустов, причем обычно считают его приятным (atmosphere, thick with scents, came from the forest [4]). Вкусовой образ репрезентирован только в британском варианте, в котором актуализируется наличие особого вкуса у даров леса (a fruits of the forest flavour [4]).

Ценностный, образный и понятийный компоненты тесно взаимосвязаны друг с другом – их разделение условно, т.к. один компонент «перетекает» в другой. При практически одинаковом наборе признаков в британском и американском вариантах их наполняемость, семантическая плотность представлена неравноценно. На актуализацию ценностного компонента приходится 8,59 % британских и 6,91 % американских контекстов, проанализированных нами. Понятийный компонент объективирован в 100 % дефиниций слов, а также в 82,85 % британских и 77,28 % американских контекстов. Образный компонент, помимо понятийных признаков, подсчет которых в данном случае крайне затруднителен, репрезентирован в 8,56 % британских и 15,81 % американских контекстов.

Литература

1. Антология концептов [Текст]: под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М.: Гнозис, 2007. – 512 с.

2. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.

3. Попова З.Д. Очерки по когнитивной лин-

гвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин: изд. 3-е, стереотип. – Воронеж: Истоки, 2003. – 191 с.

4. The British National Corpus [Электронный ресурс]. – 2008. – <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>

5. The Corpus of Contemporary American English [Электронный ресурс]. – 2008. – <http://www.americancorpus.org>

Коротко об авторе

Гавриленко О.В., аспирантка, институт иностранных языков, Дальневосточный государственный университет (ДальГУ)
ol_gavr@mail.ru

Научные интересы: лингвокогнитивная концептология, когнитивное освоение ландшафтных объектов англоязычными культурами

Briefly about author

Gavrilenko O., graduate, Institute of Foreign Languages, Far-Eastern State University (FSU)

Scientific interests: linguocognitive study of concepts, linguistic and cultural perceptions of geographical landscape objects by English-speaking cultures

УДК 82.035

Даллакян Армине Вачагановна
Dallakyan Armine

**ПЕРЕВОД ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА:
МЕРА ТОЧНОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА К.Д. БАЛЬМОНТА
СТИХОТВОРЕНИЯ П. ДУРЯНА «МОЯ СКОРБЬ»)**

**TRANSLATION OF ARTISTIC TEXT:
ACCURACY DEGREE
(BASED ON K. BALMONT TRANSLATION OF
P. DURYAN POEM "MY SORROW")**

Статья посвящена проблеме перевода К. Бальмонтом стихотворения армянского поэта П. Дуряна «Моя скорбь». Дается оценка переводческой деятельности К. Бальмонта, который, зная множество языков, обладая лингвистической одаренностью и филологической эрудицией, перевел практически с 40 языков мира. Изучение переводов К. Бальмонта связывается с проблемой перевода с подстрочника. Исследуется процесс такого перевода, дается подробный анализ тех средств, с помощью которых К. Бальмонт переводит текст с языка оригинала на русский язык, определяется область совпадений – несовпадений между двумя этими текстами, выясняются общие закономерности преобразования подстрочника в оригинальный перевод

This article is devoted to the problem of K. Balmont translation of Armenian poet P. Duryan poem "My Sorrow". There is an appraisal of translator's activity of K. Balmont who knew a lot of languages, possessed of linguistic endowment and philological erudition, made translations from almost forty languages of the world. The study of Balmont translations is connected with problem of word for word translation. There are an interpretation of such translation process, a detailed analysis of those tools with the help of which K. Balmont translated a text from the original into Russian. The field of coincidence/convergence between these texts is determined, general regularity of word for word translation into the original is ascertained

Ключевые слова: К. Бальмонт, П. Дурян, поэтический перевод, подстрочник

Key words: K. Balmont, P. Duryan, poetic translation, word-for-word translation

Переводы составляют значительную часть творческого наследия К.Д. Бальмонта. Он переводил П. Шелли, Д. Байрона, У. Уитмена, Э. По, испанские народные песни, стихотворения Ш. Бодлера, А. Мицкевича, армянских поэтов и многое другое. «Хорошее знание многих языков, большие лингвистические способности и основательная филологическая эрудиция, – отмечает В. Орлов, –

позволили Бальмонту широко развернуть переводческую деятельность. Репертуар ее громаден, охватывает и Запад, и Восток, и глубокую древность, и Новое время» [7].

Однако оценку переводческой деятельности К.Д. Бальмонта нельзя назвать однозначной. Наиболее резко в 1906-1907 гг. о переводах К.Д. Бальмонта писал К.И. Чуковский: «Бальмонт как переводчик – это оскорбление

для всех, кого он переводит, для По, для Шелли, для Уайльда» [9].

В.В. Набоков также был невысокого мнения об этих переводах и так же, как и К.И. Чуковский, говорит о «бальмонтизации» текста в переводе: «Переводя стихотворение обратно на английский, я заботился только о том, чтобы найти слова, напоминавшие по звучанию русские. Теперь, если кому-то попадется мой английский перевод, он может по глупости перевести его снова на русский, так что стихотворение, в котором уже ничего не осталось от Э. По, подвергнется еще большей «бальмонтизации», пока в конце концов «Колокола» не превратятся в «Безмолвие»! [6].

Но существуют и противоположные суждения. Те же переводы П. Шелли иначе воспринимаются Б.Л. Пастернаком: «Русский Шелли был и остается трехтомный бальмонтавский. В свое время этот труд был находкой, подобно открытиям В. Жуковского. Пренебрежение, высказываемое к этому собранию, жидется на недоразумении. Обработка Шелли совпала с молодыми и творческими годами Бальмонта, когда его свежее своеобразие еще не было опорочено будущей водянистой искусственностью» [8].

Нельзя не вспомнить и мнение А.А. Блока о переводах К.Д. Бальмонтом Э. По: «Эдгар По требует переводчика, близкого его душе, непременно поэта, очень чуткого к музыке слов и к стилю. Перевод Бальмонта удовлетворяет этим требованиям, кажется, впервые» [2].

Столь противоречивые мнения, как можно заметить, принадлежат авторам с обширной переводческой практикой. Такого рода суждения, несомненно, должны быть учтены при исследовании переводов К. Бальмонта, но чтобы говорить о «мере точности» этих переводов, необходим объективный научный подход. Проблема, однако, в том, что в переводоведении не существует единой принятой шкалы оценки качества перевода вообще и художественного перевода, в особенности.

Суть проблемы достаточно точно сфор-

мулировал С. Золян: «Сопоставительный анализ перевода и оригинала является одним из наиболее эффективных методов изучения взаимодействия между различными языковыми системами. Процесс перевода наглядно демонстрирует те средства, благодаря которым преодолевается неизбежное несовпадение языковых систем. Логически неразрешимая проблема переводимости всякий раз находит свое индивидуальное решение» [5; С. 58]. Таким образом, суть анализа переводческой деятельности так или иначе сводится к изучению двух текстов: перевода и оригинала, сопоставительному описанию конкретных текстов, выявлению и интерпретации наличествующих между ними сходств и отличий.

Описание конкретных текстов поэтому всегда так или иначе будет связано с общетеоретическими аспектами перевода. Основная проблема подобного описания – это то, как передается в переводе содержание оригинала, на чем основывается и как устанавливается соответствие между этими текстами.

Изучение переводов К. Бальмонта с армянского языка связано еще с одной переводческой проблемой – это проблема перевода с подстрочника. М.Л. Гаспаров в своей работе «Подстрочник и мера точности», говоря о сути переводческой деятельности, отмечает: «Переводческий процесс состоит из двух этапов: понимания и оформления. Обычно при анализе они трудно делимы: когда мы видим в переводе с оригинала какое-то отклонение от подлинника, мы, как правило, не можем сказать, то ли здесь переводчик увидел в словах подлинника больше (или меньше), чем видим мы, то ли он увидел то же, что и мы, и только не сумел (или не захотел) уложить увиденное в строки перевода. При переводе с подстрочника они разделены: понимание текста целиком задает подстрочник, оформление берет на себя переводчик» [4; С. 372].

С. Золян, опираясь на современные исследования в области нейролингвистики, утверждает даже, что перевод с подстрочника нельзя считать переводом в полном смысле

этого слова: «Существующая практика переводов с подстрочников, может, и необходима в практическом отношении, но теоретически она не может быть признана переводом. В лингвистическом смысле такая деятельность является перифразированием, то есть сугубо левополушарной деятельностью. Правое, творческое полушарие, либо отключено, либо его деятельность основывается на заведомо неадекватном материале – знаковой форме подстрочника. Человеческий мозг не может оперировать чистыми смыслами, но только смыслами, выраженными в знаковой форме. Звуковая и ритмическая форма оригинала оказывается тем исходным материалом, который в результате многократных преобразований превращается в поэтический перевод» [5; С. 43-44].

Оба исследователя полагают, что отклонение от подстрочника не может считаться приближением к оригиналу. М.Л. Гаспаров пишет: «Отклонение от буквы оригинала переводчик может объяснить своим "проникновением в дух" подлинника; отклонение от подстрочника никак не может быть "проникновением в дух", а может быть только "от лукавого", только вольностью переводчика» [4; С. 372]. С. Золян в свою очередь замечает: «отход от оригинала в процессе перевода с подстрочника оказывается почти неизбежным: вместо приближения к оригиналу имеет место удаление от подстрочника» [5; С. 44]. Разумеется, речь может идти лишь об общей тенденции. Мы уже говорили, что при наличии общих закономерностей каждый художественный перевод – это случай уникальный, требующий индивидуального прочтения.

Обратимся непосредственно к сопоставлению перевода Бальмонта и подстрочника стихотворения П. Дуряна. Постараемся определить область совпадений-несовпадений между двумя этими текстами, выяснить общие закономерности преобразования подстрочника в оригинальный перевод.

Приведем тексты целиком. Вот перевод К. Бальмонта, впервые опубликованный в

сборнике «Армянские беллетристы, драматурги и поэты»:

Моя скорбь

Я не о том скорблю, что в жажде сновидений
Источник дум святых иссякшим я нашел,
Что прежде времени мой нерасцветший гений
Сломился и поблек под гнетом тяжких зол;

И не согрел никто горячим поцелуем
Ни бледных уст моих, ни бледного чела;
И счастья не познав, любовью не волнуем,
Смотри: уж предо мной зияет смерти мгла.

И не о том скорблю, что нежное созданье,
Букет из красоты, улыбки и огня,
Не усладит мое последнее страданье,
Лучом своей любви не усладит меня.

Я не о том скорблю... Нет, родине несчастной –
Все помыслы мои... О ней моя печаль!
Не в силах ей помочь, томясь тоской напрасной,
Безвестно умереть, – о, как мне жаль, как жаль!
[1; С. 533]

(Приведённый далее подстрочник был выполнен нами по изданию Дурян, П. Сочинения, стихи, пьесы, статьи [Текст] / П. Дурян. – Ереван, 1981. – С. 62-63).

Моя боль

(скорбь – переносное знач.)

Лишь святая страсть (во мн. ч.),
испытываю жажду,
Чтоб обрели землю и братья, и матери.
Если даже иссохнет цветок в юном возрасте
Это не так больно для меня.

Горячий поцелуй ещё не сгорел
(или можно использовать глагол *обжёг*)
Холодный, бледный мой лоб –
Угасну на подушке из земли
Это не так больно для меня.
Ещё не обняв существо – букет

(в значении *юная девушка*)
 Улыбчивую, красивую, прекрасную, щедрую,
 Обнять холодный могильный холм.
 Это не так больно для меня.

Следующие два четверостишия в переводе К. Бальмонта отсутствуют.

*Сладким сном
 Безмятежная голова седая
 Заснет на одеяле из земли.
 Это не так больно для меня.*

*Носить имя чёрной избы,
 Вдыхать воздух чёрный,
 Всегда полностью болеть.
 Это не так больно для меня.*

Одна ветвь жалкая человечества –
 У меня есть родина несчастная
 Не помочь ей, умереть неприметным –
 Только это боль для меня!

Изменения семантики подстрочника очевидны на протяжении всего стихотворения. Уже начиная с заглавия, К.Д. Бальмонт последовательно меняет художественную ткань стихотворения. Так, ключевое слово оригинала «боль» поэт заменяет поэтическим и семантически более широким – «скорбь», что не могло не сказаться на стиле перевода: заглавие – своего рода ключ ко всему тексту. Вслед за заглавием меняется и рефрен. У К.Д. Бальмонта: «Я не о том скорблю» (533), в оригинале «Это не так больно для меня». Уже этот семантический сдвиг подсказывает общую логику деформации смысла в переводе К.Д. Бальмонта в сторону «романсового стиля» (К.И. Чуковский) и общепоэтических клише. Переводчик изменяет и композиционное место рефрена: вместо финала строфы он оказывается в зачине.

Обратим внимание и еще на одно принципиальное различие перевода и оригинала: текст П. Дуряна на две строфы длиннее, чем текст Бальмонта, мы выделили их в подстроч-

нике курсивом. Можно только предполагать, какие причины побудили Бальмонта редуцировать эти две строфы в своем переводе. Возможно, они показались ему избыточными в смысловом отношении: еще две вариации на тему «не это боль для меня». Однако для армянского автора эти строки принципиальны, наполнены личностным смыслом. Это особенно относится к строфе, в которой речь идет о болезни. П. Дурян умер очень молодым от чахотки, поэтому образы «черной болезни» и смерти для него не просто поэтические фигуры или повод для отвлеченных размышлений. Бальмонт же не находит этим образам общепоэтических эквивалентов и жертвует ими во имя композиционной гармонии перевода.

Если обратить внимание на детали и конкретные образы, то окажется, что и на этом уровне Бальмонт достаточно вольно перетолковывает подстрочник и в общем итоге оригинал. Так, в первой строфе принципиально изменению подвергаются начальные строки. У П. Дуряна речь идет о «святой жажде» обретения народом Армении своей земли, своей Родины (П. Дурян жил и творил вдали от Родины, в Турции, а потому ощущал трагедию своего народа как свое личное горе). У К.Д. Бальмонта вместо патриотических строк возникает романтическая тема разочарования в идеале:

Я не о том скорблю, что в жажде сновидений
 Источник дум святых иссякшим я нашел...
 [1; С. 533].

При этом образность вновь клишированная, «романсная»: «жажда сновидений», «источник дум», «иссякший источник», «святые думы». В рамках данной работы мы не будем останавливаться на природе и источниках этих образов. Констатируем лишь, что они возникают изнутри поэтического мира поэта-переводчика и не в коей мере не опираются на подстрочник или оригинал.

В следующих строках этой строфы в переводе сохраняется метафора оригинала «погибший цветок», однако и она подвергается

переосмыслению. У П. Дуряна эта метафора аллегорична (увядший цветок, как символ ранней смерти) и в то же время отражает личные переживания поэта (ощущается биографический подтекст): «Если даже иссохнет цветок в юном возрасте». Бальмонт обогащает метафору и переводит ее в романтическую плоскость «художник и толпа», «непризнанный гений»:

Что прежде времени мой нерасцветший гений
Сломился и поблек под гнётом тяжких зол
[1; С. 533].

Лаконичный образ П. Дуряна оказывается в окружении традиционных поэтических формул («гнет тяжких зол», «нерасцветший гений», «поблек») и утрачивает свое первоначальное звучание и смысл. Более того, если у П. Дуряна есть только намек на то, что в «судьбе» цветка можно увидеть судьбу лирического героя, то лирический герой Бальмонта прямо говорит о себе: «мой нерасцветший гений» (выделено нами, А.Д.)

Очевидно, что в переводе К.Д. Бальмонта стихотворения П. Дуряна возникают не случайные ошибки и неточности, а целая система «подмен» и добавлений, которая в итоге меняет текст оригинала почти до неузнаваемости. Из перевода исчезает метафорический пласт, касающийся смерти как сна в «постели из земли». В подстрочнике можно увидеть целый ряд связанных с этим образов и мотивов: «угасну на подушке из земли», «обнять холодный могильный холм», «Безмятежная голова седая/ Заснет на одеяле из земли». В переводе Бальмонта эти образы просто отсутствуют, их заменяют весьма далекие от оригинала перифразы. Так, во второй строфе эта тема имплицитно присутствует в строке:

Смотри: уж предо мной зияет смерти мгла.
[1; С. 533].

А в третьей строфе перевода также можно обнаружить отголосок темы смерти:

Не усладит моё последнее страданье...
[1; С. 533].

Эти примеры позволяют лучше понять доминанту отклонений от подлинника: оригинальная образная система замещается условным поэтическим языком, зачастую откровенными штампами: «смерти мгла», «зияет», «усладить страдание», «последнее страдание» (как метафора смерти). Такого рода отклонения от подлинника не раскрывают, а заслоняют художественный мир переводимого автора. Отступления от подстрочника не являются, как уже отмечалось исследователями, приближением к поэтическому оригиналу.

Даже там, где сохраняется словарный состав оригинала, переводчик дополняет его таким образом, что изначальный замысел можно восстановить лишь по подстрочнику. Например, третья строфа перевода в целом отражает лексику подстрочника. В подстрочнике:

Ещё не обняв существо – букет
(в значении *девушка*)
Улыбчивую, красивую, прекрасную, щедрую,
Обнять холодный могильный холм.
Это не так больно для меня.

В переводе:

И не о том скорблю, что нежное созданье,
Букет из красоты, улыбки и огня,
Не усладит моё последнее страданье,
Лучом своей любви не озарит меня
[1; С. 533].

Совпадения очевидны: «существо» («созданье»), «букет», «красивая» – «красота», «улыбчивая» – «улыбка». Однако в оригинале стихотворение более лаконично, эпитеты преимущественно метафорические. Соответствия устанавливаются с помощью сравнений («существо-букет») или сопоставлений («не обняв существо» – «обнять могильный холм»).

У К.Д. Бальмонта же строфа построена на игре метафор: «букет из красоты, улыбки и

огня», «усладит страдание», «не озарит лучом любви». Такого рода сложный метафорический язык характерен в большей степени для художественного мира переводчика, чем для текста оригинала.

То же самое можно увидеть и в последней строфе стихотворения. В подстрочнике это строфа звучит следующим образом:

Одна ветвь жалкая человечества –
У меня есть родина несчастная
Не помочь ей, умереть неприметным –
Только это боль для меня!

Бальмонт переводит ее так:

Я не о том скорблю... Нет родине несчастной –
Все помыслы мои... О ней моя печаль!
Не в силах ей помочь, томясь тоской напрасной,
Безвестно умереть, – о, как мне жаль, как жаль!

Эта строфа – кульминация всего стихотворения. В ней находит отражение один из лейтмотивов поэзии П. Дуряна. Ю. Веселовский отмечает, что «особенно мучило поэта сознание, что он умирает, слишком мало сделав для армянского народа, что его имя, вероятно, скоро будет забыто всеми...» [3]. Как

можно заметить, из перевода исчезает оригинальный образ «жалкая ветвь человечества», но зато добавляется «тоска напрасная», «помыслы». Вновь место индивидуального образного ряда занимают поэтические клише. Рифма выглядит в переводе почти пародийно: «несчастной» – «напрасной». В ней больше от «общих мест» стиля С. Надсона, чем от самобытного армянского поэта.

Таким образом, перевод К. Бальмонта содержит целую систему отклонений от оригинального текста, которой искажается текст оригинала. При этом не будем забывать, что переводчик работал с подстрочником, а не с иноязычным поэтическим материалом. Перефразируя М.Л. Гаспарова, можно сказать, что в этом случае подстрочник – «мера точности». Бальмонт же последовательно отступает от художественного языка подстрочника, по своему обогащая и усложняя его. При этом из текста исчезает как самобытность автора, так и национальный колорит. И в этом смысле в данном случае сложно не согласиться с К.И. Чуковским, который считал, что «Именно потому, что у Бальмонта так резко выражена его собственная литературная личность, он при всем своем отличным таланте не способен отразить в переводах индивидуальность другого поэта» [10].

Литература

1. Армянские беллетристы драматурги и поэты [Текст]. – Т. 2. – М., 1894.
2. Блок А.А. Собрание сочинений [Текст]: в 8 т. / А.А. Блок. – М., Л. – Т. 5.
3. Веселовский Ю. Армянская поэзия XIX века и ее происхождение [Текст] / Ю. Веселовский. – Русская мысль, 2001. – № 12.
4. Гаспаров М.Л. Подстрочник и мера точности [Текст] // М.Л. Гаспаров // О русской поэзии. Анализы. Интерпретации. Характеристики. – М., 2001.
5. Золян С. Семантика и поэтика поэтического перевода – заметки об армянской поэзии в зеркале русских переводов [Текст] / С. Золян. – Ереван, 2007.
6. Набоков В.В. Искусство перевода [Электронный ресурс] <http://www.poezia.ru/salon.php?sid=6388>
7. Орлов Вл. Бальмонт. Жизнь и поэзия [Текст] / Вл. Орлов // К.Д. Бальмонт Стихотворения. – Л., 1969.
8. Пастернак Б.Л. Заметки переводчика / Б.Л. Пастернак // Лит. Россия, 1965. – № 13.
9. Чуковский К.И. Весы [Текст] / К.И. Чуковский. – 1906. – № 10-12.
10. Чуковский К.И. Перевод – это автопортрет переводчика [Электронный ресурс] / К.И. Чуковский: собр. соч. в 15 т. – Т. 3. – М., 2001. <http://www.chukfamily.ru/Kornei/Prosa/Vysokoe/vysokoe.htm>

Коротко об авторе

Даллакян А.В., аспирантка, Ивановский государственный университет (ИвГУ)
rki@igta.ru, armyda@mail.ru

Научные интересы: К. Бальмонт – поэт и переводчик, теория и практика перевода с армянского на русский язык

Briefly about author

Dallakyan A., graduate, Literature Theory and the Russian Literature of 20 Century Department, Ivanovo State University

Scientific interests: K Balmont – the poet and translator, theory and practice of translation from Armenian into Russian

---

УДК 894.3 (БУР)

Доржиева Эржэна Сергеевна
Dorzhiyeva Erzhena

ЭВОЛЮЦИЯ СЮЖЕТНЫХ СТРУКТУР РОМАНОВ БУРЯТИИ

EVOLUTION OF BURYAT NOVELS PLOTLINES

В статье рассматриваются сюжеты бурятских романов 1960-1980-х гг. в их эволюционном становлении и художественном своеобразии этого движения

The article considers plotlines of Buryat novels of 1960-1980 in their evolution and artistic peculiarity of this tendency

Ключевые слова: роман, эволюция, бурятские писатели

Key words: novel, evolution, Buryat writers

Роман, как показатель определенной зрелости литературы, представляет собой объект постоянного исследовательского внимания. Причинами внимания является и сама широта картины мира, и глубина проникновений в ее изображении, это и особая чуткость романной формы к динамизму жизни, и потребность именно романа откликаться на происходящие в ней движения своими формальными и содержательными наполнениями. Как показывает художественная практика, роман несет в себе еще и то, что было скрыто за временем с его определенными запретами, к примеру, романские формы освоения религиозных начал, о которых можно говорить теперь, творческое новое освоение мифопоэтических факторов, которое приходит к каждому писателю как творческой индивидуальности.

Исследование эволюции сюжетов бурятского романа 1960-1980-х гг. дает возможность рассмотреть многие теоретические вопросы становления романа, ибо именно сюжетно-композиционная основа произведения, как известно, наиболее реально и ощутимо отражает динамику как тематически-событийного, так и

художественно-эстетического в развитии романа.

В 1960-1980-е гг. в бурятской литературе появилось довольно большое количество романов, что предполагает определенную степень и уровень общественного сознания и развития самой литературы. Так, в монографии «Путь к роману» (1985) В. Найдакова отмечается, что факт рождения романа в любой национальной литературе справедливо расценивается как важный момент в ее развитии, как итоговый показатель ее определенных достижений, идейной и художественной зрелости, свидетельство ее творческих возможностей. Традиции, заложенные первыми бурятскими романами и повестями Ц. Дона и Х. Намсараева, послужили стартовой площадкой для развития бурятского романа. Писатели активно начали осваивать наиболее емкий жанр прозы – роман.

Известно, что до появления первых романов Ж. Тумунова (1949) и Х. Намсараева (1950) в 1930-х гг. были написаны романы Ц. Дона и С. Туя. Однако они были утеряны в годы репрессий. По мнению Б. Баяртуева, уже в 1934 г. Ц. Дон начал собирать материал для

романа-трилогии «Туужа соо» («В сосновом бору»), посвященного актуальной теме индустриализации республики – строительству паровозо-вагонного завода в Бурятии. К 1937 г., к моменту ареста автора, была закончена первая книга трилогии. Рукопись находилась в стадии авторской доработки. До сих пор рукопись романа не обнаружена, хотя в свое время имела в нескольких экземплярах.

В 1935 г. писатель и поэт Солбонэ Туя приступил к написанию романа о сложных переменах в сознании бурятской интеллигенции и о рождении интеллигенции нового типа, вышедшей из народа. К 1937 г. роман под названием «Гурбан хэрэм» (Три крепости) был завершен, но его постигла та же участь, что и первый роман трилогии Ц. Дона «В сосновом бору» [1; С. 47].

По данным литературоведа Б. Баяртуева, в 30-х гг. был написан первый психолого-философский роман Б. Дандарона «Базархан» о классовой борьбе в Бурятии, о защите теократических основ государства. Рукопись тоже не сохранилась.

Бурятские писатели последовательно шли к роману, преобразуя и другие жанровые формы. Так, Ж. Тумунов доработал пьесу «Сэсэгма» в роман «Степь проснулась», а Х. Намсараев – повесть «Цыремпил» в роман «На утренней заре».

Таким образом, первые романы появились к 1950-м гг.: «Степь проснулась» (1949) Ж. Тумунова, «На утренней заре» (1950) Х. Намсараева, «Доржи, сын Банзара» (1952) Ч. Цыдендамбаева. В дальнейшем развитие романа продолжалось более интенсивно: «Голубые сопки» (1965) Ж. Балданжабона, «Год огненной змеи» (1972) Ц.-Ж. Жимбиева, «Большая родословная» (1978) Д. Эрдынеева, «Долина бессмертников» (1975) В. Митыпова и другие. Всего за 1960-1980-е гг. в прозе Бурятии появилось свыше двадцати романов.

Исследователи и критики отмечают, что в рассматриваемый период жанр романа достиг в бурятской литературе определенного расцвета. В эти годы приходят в литературу

новые писатели, знающие историю мировой литературы, что закономерно сказалось на творческих поисках этих писателей. Опираясь на опыт предшественников, они стали стремиться к созданию более развитых и разнообразных форм романа, обогащая и его сюжетные структуры: происходит освоение *легенды* в тексте романа «Поющие стрелы» (1962) А. Бальбурова, жанров *трилогии* «Похищенное счастье» (1960) Д.-Р. Батожабая, *романа в романе* «Долина бессмертников» (1975) В. Митыпова, *романа-ретроспективы* «Течение» (1979) Ц.-Ж. Жимбиева. Особенностью построения сюжета этих романов является новый взгляд на фольклорные, религиозные, мифопоэтические основы мышления и их художественное освоение авторами.

В бурятской прозе роман А. Бальбурова «Поющие стрелы» занимает особое место: обогатив поэтику романа мифологическим текстом, писатель расширяет смысловое поле произведения, обогащая и саму сюжетику романа. «Поющие стрелы» – одновременно название и романа, и легенды, чем подчеркнута ее концептуальная значимость в произведении. Исследователь бурятского романа С. Гармаева отмечает, «что вхождение легенды в повествовательную канву прозы потребовало от писателей определенного литературного мастерства, владения техникой конструирования сюжета. Оживить древнее содержание легенды – значило привести в движение ее текст как систему, учитывая все возможные отходы и ответвления от ее содержания. Необходимость такой расчетливой типологической встроенности легенды в композицию литературного произведения идет от изначальной заданности сознания в своем движении от архаического к архисовременному, от незнания мира к его познанию, от хаоса в нем к миропорядку, который, в конце концов, ставит писатель, если найдет свое понимание идеала, соединяя прошлое с настоящим» [2; С. 55].

А. Бальбуров вводит в сюжет романа легенду о племени хонгодоров как символ ценности в человеческой жизни опыта. Именно сю-

жет легенды о мудрости народа определил и сюжетную основу реалистического произведения, делая мысль о хранителях памяти сквозной, проходящей через весь роман. По содержанию легенды, чтобы выжить в далекой и трудной дороге к Байкалу, вождь племени приказывает убить всех стариков, посягнув тем самым на самое святое – старость, стариков как воплощение мудрости и опыта народа. Поучительный смысл легенды, ее глубокое философское содержание заставляют главных героев внутренне преображаться, меняя их убеждения, в понимании жизни простого человека. Легенда раскрывает и углубляет идею романа о ценности человеческой жизни и его памяти во времени и пространстве – далекого прошлого в легенде и современного в романе.

Без присутствия в сюжете легенды роман, на наш взгляд, не был бы столь полифоничным и новаторским в романистике Бурятии. Не случаен выбор Бальбуровым именно этой легенды. В ней отражены такие значимые национальные реалии бурятского мира, как Байкал, хонгодоры как одно из ведущих бурятских племен, мифопоэтическая символика поющих стрел и другие традиции бурятского народа.

В. Митыпов в «Долине бессмертников» (1975) развивает сюжетную структуру романа за счет углубления в историческое прошлое и синтеза его с реалистическим настоящим (жизнь поэта Олега описывается параллельно с событиями конца III в. до н. э. в империи Модэ). Автор использует в сюжете одну из восточных традиций, которую А. Соктоев определяет как функцию рамочной традиции: «обрамленные повести как особая художественно-повествовательная форма возникли на основе индийских и тибетских образцов того же жанра. Распадаясь на две части (вступительную и заключительную), он как бы обрамляет серию внутренних рассказов, а потому и называется «рамой», или «рамочным рассказом» [3; С. 69]. В романе впервые в бурятской прозе рассматривается тема творческих исканий писателя. Сопоставление реалий времени позволили автору создать сюжет романа в ро-

мане, где молодой автор повествования о хунну Олег описывает их жизнь в конце III в. до нашей эры, историю жизни главного героя – императора Модэ, повелителя степной державы Хунну. В процессе работы над романом герой Митыпова меняется, проживая ряд внутренних духовных коллизий, совершая в конце произведения героический поступок: рискуя собственной жизнью, спасает жизнь маленькой девочки, тем самым, как бы подводя итоги своим исканиям смысла жизни, ее человеческих ценностей. А. Соктоев определяет функцию рамочной традиции: «рамочное повествование выполняет общую идейную функцию, в данном случае художественно решает задачу назидательного, морально-этического свойства, за счет этого углубляя содержание романа. Рама «Панчатантры», раскрывающая стремление авторов обучить будущих царей науке управления государством и разумному поведению, рамочный рассказ «Шукасаплати», который как бы ставит целью предостеречь замужних женщин от легкомысленного поведения» [3; С. 69]. Раскрывая мир кочевников-хуннов и их традиции в тесной связи с реальной жизнью молодого современника Олега, В. Митыпов выходит на иной уровень художественного освоения реальности, когда двухвременное повествование, две сюжетные линии, идущие параллельно, сопоставляясь во времени (XX в. и конец III в. до н.э), позволяют автору расширить художественное пространство повествования, обогатив его и содержательным смыслом.

Художественные и философские искания писателя Ц.-Ж. Жимбиева, как и В. Митыпова, привели к необходимости обратиться к такой сюжетной структуре романа, где писатель как бы уходит от необходимости последовательного изложения событий в их хронологическом порядке. Сюжетная структура романа «Течение» (1979) построена на композиции, где действия повествования разворачиваются в настоящем, последовательно чередуясь с событиями в прошлом, подобно маятнику.

«Молоко вскипает белой пеной и, когда

опрокидывается бидон, с бульканьем, словно тесно ему в алюминиевой фляге, льется на землю, смешиваясь с грязью.

Еще из одного бидона течет белый ручей. Вокруг третьего образовалась молочная лужа. Все под ногами забелело молоком. Такое и представить страшно. Да и как иначе? Люди всю жизнь проводят со скотом, и нет для них ничего дороже молока. Для бурята белая пища – лучшая еда, лучшее угощение, святая святых» [4; С. 3].

С такой трагически абсурдной картины начинается роман. «Подобных лирических врезок в романе еще семь. И в каждом – речь об одном: мычат коровы, очень уставшая доярка выдаивает их, переливает молоко из поддоиника в бидон, а затем опрокидывает бидон на землю, в грязь» [5; С. 137]. В перерывах между такими действиями (доения коров) героиня вспоминает свою нелегкую жизнь. На этих воспоминаниях героиня строится сюжетно-композиционная основа романа, и можно говорить о сюжетной структуре «рассказа в романе» как о понятии, существующем в современной жанровой науке [1]. Каждая из сюжетных картин – определенный рассказ о событии из жизни героини, дополняющийся в дальнейшем другими рассказами-воспоминаниями прошлого, создавая тем самым сюжетно-композиционную целостность.

Страдания главной героини романа Сэрэнцу связаны с тем, что она вынуждена каждый день выдоенное молоко выливать в землю, потому что, по замыслу писателя, она оставлена на острове во время наводнения (своеобразный пушкинский пир во время чумы). Между тем, для бурята-скотовода молоко является самой почитаемой и священной пищей, и выливать его на землю – тяжкий грех, этот мотив противоестественности становится одним из сюжетобразующих факторов, так как сюжет романа начинается с внутреннего конфликта героини – когда душа возмущается, сопротивляясь ее же действиям.

Так, по замыслу автора, содержание выстраивает определенную философию романа

– нашу жизнь, с ее течением, с буднями, с радостями и невзгодами: преступно выливается и течет в землю священное молоко, течет вода, угрожая жизни, и в то же время течение жизни продолжается, не прерывается, мотивы стихийного (наводнения), противоестественного и в то же время такого естественного хода жизни (как корова и ее целительное и священное молоко) и становятся у этого вдумчивого писателя сюжетобразующими началами его романа: за естественным течением жизни человеку сложно понять, что каждый прожитый миг не напрасен, а должен наполняться смыслом, чтобы понять это, как кажется автору, героиня должна оказаться в экстремальной ситуации заточения на острове.

В бурятской прозе данного периода впервые форму романа-трилогии начал осваивать Д-Р. Батожабай, сюжет которой во многом создан с помощью смысла и содержания ведущих буддийских мотивов и канонов, и в первую очередь мотивом страдания. Каноны страдания, как известно, обусловлены «четырьмя благородными истинами»: «истиной страдания», «истиной возникновения страдания», «истиной прекращения страдания» и «истиной пути, ведущего к прекращению страдания». Именно эти философские каноны легли в основу сюжета романа «Похищенное счастье» – мотив страдания пронизывает всю сюжетную структуру романа: страдают главные герои Аламжи, Наван-Чингис, Жалма и др.

В буддизме совершение греха не проходит безнаказанно, поэтому человек должен каждый раз искупать свою вину. Религиозный мотив страдания и искупления греха в сюжетной линии романа развивается жизнью и действиям главного героя Аламжи. В исследовательских работах по романистике Бурятии не раз описывался эпизод, связанный с действиями этого героя, послушавшегося своего отца. В нашем случае мы рассматриваем этот эпизод как одну из первопричин конфликта сюжета романа – именно с этого действия и разворачивается сюжет страданий Аламжи и других героев трилогии, ибо в традиции бурят

слово родителей свято, и главный герой романа сжигает свой палец перед алтарем за то, что ослушался отца, не женившись по его воле:

«Аламжи поставил бутылку с маслом в горячую золу, взял чашку из-под творога и стал замешивать в ней тесто. Аламжи обтянул тряпочкой средний палец правой руки, надел на него чашечку из теста, налил в нее масла и поднес к огню. Тесто и тряпочка, смоченные маслом, вспыхнули. Тотчас же Аламжи почувствовал в пальце – нет, во всей руке, во всем теле! – нестерпимую боль. Ему хотелось закричать, отдернуть от огня руку и погасить пылающее пламя на пальце. Но тут он вспомнил лицо сиротки Жалмы, живущей в телятнике Шаралдая, и сдержал себя» (6; С. 57). Совершив столь тяжкий и большой грех, герой, как истинный буддист, возжег «живую свечу» из своего пальца перед Бодисатвой в знак искупления. (Бодисатва – божество, карающее человека, который ослушался своих родителей. Во избежание кары ослушник должен возжечь перед изображением Бодисатвы светильник от собственного пальца. Иначе он попадет в ад) [6; С. 13].

В дальнейшем все страдания Аламжи начинаются именно с того, что он нарушил этот завет предков, хотя и принес во искупление греха собственный пылающий огнем па-

лец, но как видим по сюжету, искупления достичь трудно. В своих исследованиях С. Гармаева отмечает: «Встретившись в конце трилогии с сыном, ни сын, ни отец не захотели понять друг друга, пойти навстречу друг другу. Здесь разрушается автором самый главный святой общечеловеческий и кармический закон – закон родства душ близких и родных, отца и сына. Восстав однажды против отца своего, даже не однажды, а дважды: подняв руку на отца за его нежелание, чтобы он женился на такой же, как он, батрачке, а во второй раз – в схватке на силу и ловкость – Аламжи не прощен теперь собственным сыном» [2; С. 85]. Религиозный мотив кармы, таким образом, становится основой сюжетных линий романа, строящегося на триаде *отец – сын – отец*. Сложные сюжетные линии: Наван-Чингиз – Аламжи-Булад и становятся предпосылкой романа-трилогии.

Таким образом, национально-художественные принципы сюжетостроения бурятской романистики данного периода развивались, активно опираясь на фольклорные, религиозные, ментальные особенности народа, заставляя писателей осваивать новые сюжетные возможности в их эволюции и художественном движении.

Литература

1. Найдаков В.Ц. *Путь к роману [Текст] / В.Ц. Найдаков. – Новосибирск, 1985.*

2. Гармаева С.И. *Типология художественных традиций в прозе Бурятии XX века [Текст] / С.И. Гармаева. – Улан-Удэ, 1997.*

3. Соктоев А.Б. *Становление художественной литературы Бурятии дооктябрьского*

периода [Текст] / А.Б. Соктоев. – Улан-Удэ, 1976.

4. Жимбиев Ц.Ж. А. *Течение [Текст] / Ц.Ж. А. Жимбиев. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1982.*

5. *История бурятской литературы [Текст]. – Т. III. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1997.*

6. Батожабай Д-Р.О. *Похищенное счастье [Текст] / Д-Р.О. Батожабай. – Улан-Удэ, 2002.*

Коротко об авторе

Доржиева Э.С., ассистентка кафедры филологии Центральной Азии Восточного факультета, Бурятский государственный университет (БГУ)
Ergena_78@mail.ru

Научные интересы: бурятская литература, фольклорные особенности бурятского народа

Briefly about author

Dorzhiyeva E. , Assistant of Central Asia Philology Department of Oriental school, Buryat State University (BSU)

Scientific interests: the Buryat literature, folklore peculiarities of the Buryat people

УДК 410 + 002.703

Ерофеева Ирина Викторовна
Erofeeva Irina

АРХЕТИП В МЕДИАТЕКСЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОСОБЕННОСТИ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ

ARCHETYPE IN A MEDIA TEXT: POSSIBILITIES AND PECULIARITIES OF REPRODUCTION

В статье предлагается анализ возможностей и специфики неоднозначного проявления архетипов в медиапроизведении

The article gives an analysis of possibilities and specificity of ambiguous display of archetypes in media work

Ключевые слова: архетипы, фактор интереса, медиатекст, национальная система ценностей, позитивные психологические эффекты

Key words: archetype, factor of interest, media text, national system of values, positive psychological effects

Один из актуальных вопросов медиапроизводства в рыночных условиях связан с содержательной стороной потребностей и интересов аудитории. В отечественном информационном пространстве ориентация на компоненты российского менталитета является наиболее эффективной и универсальной, независимо от многочисленных характеристик различного сегмента СМИ. Сакральными образами менталитета являются архетипы. Более того, сложная и многоуровневая система образов и представлений архетипов сознания, по существу, и составляет менталитет. Архетипические категории «обнаруживают себя в видах жизнедеятельности личности, социумов и детерминируются этноестественно-историческими процессами» [1].

Теория архетипов является наиболее фундаментальной в исследованиях К.Г. Юнга, она формулирует глубокие закономерности психического функционирования: то, каким образом человек воспринимает мир и вступает с ним во взаимоотношения. Швейцарский психиатр был уверен, что люди хотят любить свое

бессознательное, а это, в первую очередь, первобытные образы, заложенные в человеческой природе – некие когнитивные структуры, в которых в краткой форме записан весь опыт человечества.

Сегодня архетипические представления – проблематика, актуальная в разных сферах знаний. В России она представлена, в первую очередь, именами С. Аверинцева, Ю. Доманского, В. Маркова, Б. Парамонова и др. В зарубежной науке сложились два направления, разрабатывающие теорию архетипа: психоаналитическое – юнгианство (Э. Нойман, Дж. Кэмпбелл, Щ. Бодуэн) и ритуально-мифологическая школа (Дж. Фрэзер, Д. Уэтсон, Н. Фрай).

Согласно К. Юнгу, архетип (от греч. «arche» – начало + «typos» – образ) является структурно-формирующим элементом бессознательного, это некий первообраз, осадок психического опыта всех предыдущих поколений. Будучи универсальными моделями бессознательной психической активности, обладая способностью к самовоспроизведению, архетипы спонтанно определяют человеческое мышле-

ние и поведение, соответственно, выступают в качестве глубинно-психологического фактора социальной деятельности.

Архетипы подразделяются на две разновидности: универсальные и национальные (этнокультурные). Фундаментальные универсальные архетипы запечатлевают общие базисные структуры человеческого существования, позволяют обрабатывать, хранить и репрезентировать коллективный опыт, обеспечивая преемственность и единство общечеловеческого культурогенеза. Этнические архетипы суммируют основополагающие свойства определенного народа как культурной целостности, они обусловлены национальной Моделью Мира, характером и исторической судьбой народа.

В контексте наших рассуждений (о национальном архетипе как универсальном факторе интереса потребителя российских СМИ) важно заметить, что первобытные структуры не развиваются индивидуально, а наследуются. Архетипы составляют врожденную часть психики и определяются Юнгом как «заложенные инстинктом устремления» или «априорные врожденные формы интуиции» [2]. С инстинктивным началом их роднит типичность, единообразность и регулярность возникающих форм понимания мира. Жизненный опыт конкретного человека не изменяет семантику архетипа, а лишь дополняет относительно новым содержанием.

В чистом виде архетипы, ввиду присущего им бесконечного богатства взаимозависимостей, многогранности и многозначности, не познаваемы сознанием, но активно переживаются человеком, являются объектом его пристального внимания и интереса. Обнаружить «осадок психического опыта предыдущих поколений» возможно через его проекцию на внешние объекты. Архетипы активно проявляют себя в неосознанном воспроизведении, именно поэтому в психологии их называют доосознанными, довербальными феноменами, это преимущественно ощущения конкретной личности во время непреднамеренного акта манифестации коллективных представлений.

Проблема репрезентации архетипа в медиатексте основана на знании структурно-содержательных особенностей названного явления. Архетип является гипотетической конструкцией, он, как настоятельно подчеркивает К. Юнг, не некоторые вполне определенные мифологические образы и сюжеты. Из архетипических элементов вырастают образы (людей, животных, природных сил, демонов), которые начинают доминировать в мышлении людей и культуре.

Прообраз представляет собой некую психосоматическую концепцию, объединяющую одновременно тело и психику, инстинкт и образ, поэтому он не может быть передан в логичном, упорядоченном варианте. Пространство архаических представлений обширно и многолико, но при этом несомненна целостность базовой, типовой схемы архетипа. Разрозненные впечатления должны сводиться к универсальному тезису. «Архетип проявляется в тенденции формирования представлений вокруг одной центральной идеи, – пишет К.Г. Юнг, – представления могут значительно отличаться деталями, но идея, лежащая в основе, остается неизменной» [2; С. 66].

Как мы видим, функционирование архетипических представлений в медиатексте – проблема объемная и далеко неоднозначная, но открывающая вполне явные возможности и преимущества перед создателем журналистского произведения.

1. Архетипы всегда привлекательны для аудитории. Использование архетипа в журналистском тексте позволяет усилить подсознательные впечатления, «всколыхнуть забытые воспоминания» (К.Г. Юнг). Сакральные образы обеспечивают недостающее звено между мотивацией потребителя СМИ и продажей медиaproдукта. Внутреннее поле символа заворачивает, его эмоциям и «специфической энергии» противостоять практически невозможно.

Одним из сильных архетипов, встроенных в личную жизнь человека, является образ дома. В прочтении данного символа сфера человеческого «Я» отличается наибольшей

ранимостью. Дом – интимное пространство человека, его искренне любят и оберегают, не «выносят сор из избы», потому, как справедливо отмечено в заголовке одной из публикаций газеты «Аргументы недели»: «Скажи, какой у тебя дом, и я расскажу о тебе все» (19 июля – 2007). Архетип «дом» символизирует в медиатексте «традицию, хранилище мудрости, связь с предками, защищенность, тепло и комфорт»: «Дом на свете всех милее» (Аргументы недели – 24 января – 2008); «Наш дом – наша крепость, защита от внешних невзгод и проблем» (Комсомольская правда – 25 апреля – 2008); «Дом мудрости» – о творчестве Пришвина (Комсомольская правда – 14 февраля – 2008).

В известной на Руси «притчи о блудном сыне» отрок после долгих блужданий и суетливой жизни возвращается к порогу родного дома, обретая наконец-то Истину бытия. Дом – это не только площадка выхода, отправления в большой мир, это удачное окончание нелегкого пути в поисках смысла: «Каждый куда-то стремится, спешит, ищет свой настоящий путь и подлинный дом, из которого уже никогда не хочется уйти» (Аргументы недели – 14 июня – 2007); «Долгая дорога к дому» (АН – 26 июля – 2007); «Долгая дорога к земле... и дому» (АН – 4 апреля – 2008).

2. Архетипы не вызывают отторжения, воспринимаются как знакомый контекст, стимулируя эффект доверия к информационному продукту, так как первообразы представляют собой врожденные идеи, мысленные представления, изначальные, испокон века существующие образы восприятия и действия. Технику введения архетипа в текст называют «приемом суммирования психической энергии». При удачном совмещении эмоционального фона изображаемого события с экспрессией архетипа к энергии медиатекста присоединяется совокупность личных переживаний читателя (слушателя, зрителя), что придает журналистскому произведению дополнительную убедительность и силу.

Особенно явным этот процесс становится

при культивировании архетипа на протяжении всего материала, то есть, когда архетипические представления становятся идейной канвой текста, как, например, в публикациях: «Россия – темный лес» – о криминальном бизнесе (Аргументы недели – 21 июня – 2007); «Дикий лес» – о лесодобывающей промышленности в России, в которой «китайцы устанавливают средневековые нравы» (АН – 9 октября – 2008); «Под сенью леса дом родной. Может ли жилье быть комфортным и доступным?» (АН – 27 марта – 2008). В предлагаемых аналитических материалах использование архетипа «лес» значительно расширяет смысловое поле текста за счет традиционных для российской Модели Мира смыслов: «поглощающая бездна, скрытая опасность, загадочные силы, первозданный хаос, свобода буйствующей энергии жизни от всякого рассудочного контроля».

3. Как мы видим, архетипы помогают за минимальное количество времени донести максимум смысла. Удачно воплощенный архетип позволяет ощутить реальность во всем ее многообразии, в мельчайших каплях смысла. Предлагаемый факт превращается в чувственно-интеллектуальную целостность, в которой, несмотря на идейный стержень, существует множество значений. И тогда обычный репортаж, например, телевизионного журналиста Дмитрия Кайстро о военных учениях может превратиться в размышление о жизни и мире: «Богоявленская ночь прошла незаметно. Потом наступило утро и день с обычными хлопотами. А рассветным утром случилось чудо – на боевой корабль в открытом океане, невесть откуда, опустился *белый голубь* – символ светлого праздника – как когда-то две тысячи лет назад святой дух в виде *белого голубя* снизошел до Христа в водах Иордана. Корабли объединенной ударной группы, тем временем, идут к восточной Атлантике. Экипажи готовятся к предстоящим учениям» (Вести недели – 20 января – 2008).

Архетип «птица» (в различных его проявлениях) часто используется в информацион-

ном пространстве, символизируя «благоденствие, одухотворенность, полет фантазии, счастье, рай, душевную жизнь, очищение, свет, восторженное состояние». Как правило, существительное «птица» обрамляется определениями: «птица счастья», «райская птица», «белая птица». Региональный журналист Виктория Михайлюк назвала свой материал «Божья птица, для души!»: «Валерий Малков более полувека живет с голубями душа в душу. Ведь это о них – о голубях говорят – вот чья-то душа летит. Больше всего он любит почтовых голубей. Его друг периодически специально увозит этих птиц в Забайкальск и там выпускает – дорогу домой голуби почти всегда находят. А вообще голубь олицетворяет мир, любовь и невинность. У многих европейских народов вестником счастья и удачи называют горлицу. В Богемии считалось, что убить горлицу – навсегда потерять удачу. Голуби приносят счастье дому, в котором водятся; в такой дом не ударит молния, он не сгорит и не опустеет» (Вести-Чита – 24 марта – 2008).

Но следует признать ограниченность прочтения архисимвола аудиторией. Человек опредмечивает архетип относительно своих знаний, жизненного опыта, особенностей характера и темперамента. Один и тот же архетип разными субъектами может трактоваться с теми или иными погрешностями.

4. Архетипы не требуют искусных техник по продвижению. Логика архетипического кодирования реципиента проста по форме, но эффективна на практике, она позволяет «разбудить скрытую энергию» (К.Г. Юнг). Так, как правило, достаточно упомянуть несколько раз слово *архетип*, дать иллюстрацию с изображением архетипа, использовать архетип в названии рубрики: «Персона» (Эффект), «Черная сенсация», «Игра на опережение» (Аргументы недели), «Окно в природу» (Комсомольская правда), «Авторитетное мнение» (Аргументы и факты), «Домашний очаг» (Совет да любовь) и т.д.

Также продуктивна работа с архетипами в заголовочном комплексе. Прообразы сами по

себе без дополнительных технологических усилий привлекают внимание потребителя, утяжеляя медиапроизведение дополнительными смыслами. Например, журналист «Комсомольской правды» материал о споре правоверных с православными по поводу гимна Новгорода и атрибутов центрального храма удачно назвал «Из гимна Великого Новгорода колокола убирать не будут» (Комсомольская правда – 25 сентября – 2008). Конкретный предмет в подобной лексической игре стал архетипом с идеей «созидающая, духовная сила». Дополнительные смыслы символа «колокол» – «связь неба и земли, могущество и голос воли» появляются в материалах: «Когда под Тулой отливали колокол, из облаков выглянуло солнце» (Комсомольская правда – 2 июня – 2008); «Но пока колокол еще не пробил. И американцы стараются получить от жизни то лучшее, что она должна дать» (Вести – 23 сентября – 2008).

Телевидение, использующее разные знаковые системы, – наиболее благоприятная зона проявления архетипов. Правда, здесь работа с символикой – забота не только журналиста, но и оператора. Возможно выделить несколько способов визуального акцентирования внимания на архетипе:

1) показать предмет (архетип) крупным планом – «наезд» от общего или среднего плана к крупному;

2) смена фокуса с одного предмета на другой (при условии противопоставления, когда необходимо сравнить или подчеркнуть отдельные черты нескольких архетипов);

3) панорама от одного предмета к другому – съемку можно замедлить, кадр остановить и т.д.

Наиболее сложный вариант репрезентации первообразов: детализировать семантическое поле архетипа различными композиционными средствами. Данный вариант – редкий инструментарий журналистского творчества ввиду понятных причин, обусловленных оперативным поводом создания медиаматериала. Однако в одном из номеров газеты «Аргумент-

ты недели» Сергей Шолохов предлагает подробный рассказ об удачной детализации архетипа «путь»: «Картина «Вары в плену» снята по мотивам повести писателя Владимира Макина «Кавказский пленный». Режиссер рассказывает историю отношений между молодым русским бойцом и чеченским юным пленным чисто кинематографическими средствами – никакой литературщины. По мере продвижения героев через горные реки и отвесные скалы к цели своего движения – застрявшей колонне – мы видим, из каких мельчайших деталей состоит другой *путь*. Тот *путь*, что совершают их искалеченные войной души. И вот они раскрываются, как бутоны полевых цветов после дождя, но война возьмет свое. Борьба за жизнь окажется несовместимой с простыми человеческими чувствами» (17 июля – 2008).

5. И, наконец, основное преимущество использования архетипов в медиатексте. Первообразы, будучи средством концентрации национальных представлений, при грамотной репрезентации, не влекут за собой деструктивных эффектов воздействия на аудиторию.

Еще К.Г. Юнг выдвинул идею о защитной роли символов – первообразов, которые обладают сакральным началом, определяют жизненный путь человека и являются его внутренним стержнем. Адекватные операции с архетипами в процессе воздействия на аудиторию оживляют сложившуюся систему ценностей и необходимых для существования святынь. Поэтому активное присутствие ментальных обра-

зов в массовой информации является важным условием сохранения самобытности национальной культуры. Но журналист должен понимать: архетип обязан быть устойчивым, непозволительно искажать его структуру. В современных условиях глобальной информационно-психологической войны идет яростный «штурм символов» (К. Юнг), позволяющий, насколько это возможно, переписать традиционную систему ценностей, заглушить голос национальной картины мира. В политической психологии подобный контроль над умами людей получил название «управляемое социальное развитие», в процессе которого культурное ядро нации нейтрализуют молекулярно – по частям (А. Грамши).

Указанный факт еще раз подчеркивает особую ответственность журналиста в работе с архетипами. Но осуществленный анализ использования прообразов в российских медиатекстах говорит не столько об искусности и профессионализме журналистов, сколько о необратимости функционирования ментальных образов в творчестве. Приходится констатировать, что, как правило, архетипы в тексте – результат элементарной активности сферы бессознательного. Теория и методика же целенаправленного и конструктивного введения в журналистское произведение «коллективных, архаических элементов» – вопрос на сегодняшний день открытый для серьезного научного исследования.

Литература

1. Душков, Б.А. Психосоциология менталитета и нооменталитета [Текст]: учеб. пособие для вузов / Б.А. Душков. – Екатеринбург: Деловая книга, 2002. – С. 16.

Коротко об авторе

Ерофеева И.В., канд. филос. наук, доцент, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет (ЗабГГПУ)
irina-jour@yandex.ru

Научные интересы: журналистика – филология. Специфика отражения российского менталитета в медиатексте, ценностная сфера журналистики

2. Юнг, Карл Густав. Человек и его символы [Текст]: монография / К.Г. Юнг, М.-Л фон Франц, Дж. Л. Хендерсон, И. Якоби, А. Яффе. – М.: Серебряные нити, 1997. – С. 66; С. 333.

Briefly about author

Erofeyeva I., Ph.D. (Philosophy), Assistant Professor, Trans-Baikal State Teachers' Training University of Liberal Arts (TSTTULA)

Scientific interests: journalism – philology. Specificity of reflection of the Russian mentality in media text, value sphere of journalism

УДК 81'373. 234

Жамсаранова Раиса Гандыбаловна
Zhamsaranova Raisa

ЭТНОЯЗЫКОВАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ
ГЕНОНИМА «ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ ХАМНИГАН»

ETHNOLINGUISTIC ATTRIBUTE OF GENONYMUM
“TRANS-BAIKAL KHAMNIGAN”

В статье разрешается один из самых сложных и до сих пор неизученных вопросов ономастики – этноязыковое происхождение генонима хамниган. Забайкальские хамниганы представляют собой этнический субстрат тунгусского происхождения в среде агинских бурят

The article studies one of the most difficult and still unsifted issues of onomastics – ethnolinguistic origin of genonymum khamnigan. Trans-baikal khamnigans are ethnic substratum of Tungus origin in Aginsk Buryat environment

Ключевые слова: происхождение генонима хамниган; региональная система географических названий генонимного происхождения; топонимы; тунгусы Забайкалья; антропонимы; архивные данные; этногенез агинских бурят

Key words: origin of genonymum khamnigan, regional system of genonymum origin place-names, toponyms, Tungus of Transbaikalia, anthroponyms, repository data, ethnogenesis of Aginsk Buryat

Родоплеменные названия по своему языковому происхождению, этимологии, нормам функционирования, степени лингвистической «адаптации» представляют собой достаточно сложный языковой материал в ономастике. По-своему уникальна способность этнонима (генонима) сохранять и передавать информацию о далеком этническом прошлом отдельной национальности, народа и даже этноса. Определенный научный интерес представляют этнонимные и генонимные названия забайкальских тунгусов и инородцев, в число которых входили и хамниганы. В статье предпринята попытка определения этнической и языковой принадлежности хамниган.

В научной литературе существуют два варианта написания этого генонима – одной их групп агинских бурят, а именно хамнеган и хамниган. Также встречается уточнение, свидетельствующее о локальности обитания та-

кой этнической группы, как ононские хамниганы. Полагая, что этногенез любого народа, в том числе и бурят, сложен и неоднозначен, не говоря уже об отдельной территориальной группе, считаем уместным привести существующие мнения о генониме «хамнеган».

Так, например, Ю.Д. Талько-Грынцевич писал, что хамнеганами буряты и монголы называют тунгусов на реках Иро и Армак. В.А. Туголуков, ссылаясь на сообщение Палласа о происхождении названия «хамнеган», считает их обуряченными потомками солонов (хинганских тунгусов), состоявших на службе по охране северных границ Китая по р. Аргунь. Заслуживает упоминания замечание Х. Цыренжапова о том, что слово «хамнеганы» – есть производное от топонима, а именно, от названия притока р. Джида – Хамней, где до революции были земли Армакской инородческой управы тунгусов-хамнеган [1; С. 214].

Действительно, в документах Государственного архива Читинской области (ГАЧО) в составе Арматской волости крещеных инородцев на 1897 г. упоминается селение Хамнейский с 18 дворами, где проживало 83 души тунгусов-хамнеган [2; Л. 84]. В Кударинском инородческом ведомстве были два селения с названием Хамнаевское. В первом селении царскими переписчиками было переписано 43 души в 13 дворах, во втором – 19 дворов с 44 душами. Эти архивные свидетельства позволяют усомниться в современной трактовке обитания хамнеган и вводить в научный оборот генонимное название отдельной группы как ононские хамниганы. По-видимому, только в этнической среде агинских бурят сохранилась память об иноплеменном происхождении отдельной группы.

Д.Г. Дамдинов, автор-составитель книги «Улигеры ононских хамниган», созданной в 1911 г. на основе полевых записей фольклора хамниган известного исследователя Ц.Ж. Жамцарано и записанной им в академической русской транскрипции, вероятно, и ввел в оборот это название. Однако, как он сам пишет, хамниганы проживают сейчас (в XXI в.) по правой стороне р. Онон в Кыринском, Акшинском, Агинском, Дульдургинском, Могойтуйском районах Забайкальского края, а также в Карымском, Шилкинском и Ононском районах, Кэнтэйском и Восточном аймаках Республики Монголия [3; С. 44-45].

О территориях, локально занимаемых в свое время хамниганами, можно судить по генотопонимам. Так, например, в составе Урлукской волости (ныне Красночикийский район) было селение Хамнегадайское, в 25 верстах от Читы [4; С. 39-40]. Микротопонимические названия, зафиксированные в современных полевых экспедициях по Забайкальскому краю, также локально отражают места обитания хамниган. Один из левых притоков р. Хойто-Ага носит название Хамгалей, есть также реки Камчалей и Малый Камгалей, падь Камчалей у с. Хойто-Ага, падь Малый Камчалей в Агинском районе [5]. В Ононском районе одно из

местечек носит название Остров Хаминган. Гора Хаминган находится в окрестностях села Мангут Кыринского района, падь Камеганай в Шилкинском районе. Ареальность распространения генонима хамниган в микротопонимии региона позволяет исключить из научного оборота геноним «ононские хамниганы» и вести речь о *забайкальских хамниганах*. Полагаем, что данный геноним мог быть известен и далеко за пределами территории Забайкалья в историческом прошлом. Однако предварительно попробуем осветить вопрос о забайкальских хамниганах как отдельной современной этнической группе.

Селения Узон, Токчин, Гунэй Агинского и Дульдургинского районов Забайкальского края считаются основанными тунгусами-хамниганами, которые позже вошли в этнический состав агинских бурят. В настоящее время были предприняты попытки возрождения материальной и духовной культур хамниган. Организована фольклорная экспедиция в Кыринский и Акшинский районы Читинской области ОЦНТД по изучению состояния бытовой, языковой культур, фольклора хамниган; состоялся областной фестиваль бурятских фольклорных коллективов, одной из задач которого было выявление носителей традиционной культуры хамниган в 1996 г. силами Комитета Культуры Читинской области, Ассоциации бурят, проживающих вне автономии, областного центра народного творчества и досуга (ОЦНТД). В июне 1996 г. проведена 1-я межрегиональная научно-практическая конференция по проблемам культуры, языка, обычаев и традиций ононских хамниган. В 1998 г. состоялся фольклорный праздник ононских хамниган в с. Токчин Дульдургинского района. Однако итоги мероприятий свелись к объективной констатации факта культурной, языковой ассимиляции хамниган в этнической среде агинских бурят.

Обращаясь собственно к лексико-семантическому анализу генонима хамниган, следует отметить, что в некоторых источниках употребляют оном «хамнеган» ([6], Ю.Д. Талько-Грынцевич, В.А. Туголуков, Х. Цыренжапов),

в то время как в других встречаем геноним «хамниган». В китайских сочинениях «Дацзиньтунчжи» («Общее описание империи Дацин»), изданном в 1744 г., упоминается название племени *ка-му-ни-хань*. Составитель описания относил племя *ка-му-ни-хань* к тунгусам [7; С. 214]. Полагаем, что оним «хамниган» мог появиться от китайского написания *ка-му-ни-хань* [8; С. 46].

Х. Цыренжапов в реферате «Сведения о забайкальских хамнеганах в анонимной рукописи конца XVIII в.» сделал попытку этимологизировать оним «хамнеган» из тюркских языков как «тесносплоченные», ссылаясь на записанную Талько-Грынцевичем хамнеганскую легенду о переселении хамнеганов с Алтая около 3000 лет тому назад [1; С. 214]. В.А. Туголуков, в свою очередь, подвергает сомнению версию Цыренжапова об этнических связях конных тунгусов Забайкалья с Западным Алтаем, «...когда ни о каких тунгусах не было известно» [там же].

Мнение же Д.Г. Дамдинова о монгольском, а не о тунгусском происхождении хамнеган, к сожалению, не подкреплено. И, как замечает В.А. Туголуков, «...бурятские предания называют древними обитателями забайкальских степей именно хамнеганов-тунгусов, а не монголов», ссылаясь на работу Д.А. Клеменца [1; С. 215].

В связи с этим, полагаем, что этноним «тунгус(ы)» – это оним собирательный (впрочем, как и многие названия забайкальских родоплеменных групп и сообществ в период с XIII по XVIII вв.), т.е. состоящий из разных этно-языковых групп. Потому корректно обратиться к поиску языкового происхождения генонима хамниган к языкам народов тюркского, самодийского или же палеоазиатского происхождения.

В этом плане возможно сопоставление онимов экзонимного происхождения, т.е. так, как называли друг друга племена и группы. Например, в кетском языке этноним «тунгус» обозначен онимом *хъмга* (мн. ч. *хъмган*) [9]. В другом кетско-русском словаре этноним «эвенк

(эвенки)» обозначают также *хъмга* (*хъмган*) [10].

К народам палеоазиатского языкового происхождения причисляют и кетов, как одних из древних насельников огромных североазиатских просторов и связанных и генетически, и по языку с индейцами Северной Америки. Эвенки, являясь одним из народов тунгусо-маньчжурской группы алтайской языковой семьи, представляют собой наиболее древний этнический слой среди многочисленных народностей и национальностей Сибири. Понятно, что при контактах чужие друг другу племена пользовались экзонимными названиями. Давние связи палеоазиатов и эвенков, как первопроходцев Сибири от Урала до берегов Охотского моря, случались, по-видимому, давно, в историческом прошлом, обусловив этим фактом функционирование экзонимов в своих языках.

Экзоним, как «прозвание другого народа», фиксирует не самоназвание этнической группы, а некую признаковость, выражающую и отражающую внешние этнические отношения (ср. экзоним «немец», т.е. «немой», не говорящий по-русски). Кетоязычные палеоазиаты, точнее, одно из племен, потомки которого разговаривают сегодня на среднекетском диалекте, называют эвенков «*хъмга* (*хъмган*)». Это экзонимное название соседних племен с кетами было в свое время в китайских источниках передано на письме как *ка-му-ни-хань*. Полагаем, что множественность (*pluralia tantum*) кетского *хъмган* могла быть передана в китайской транслитерации как *ка-му-ни-хань*: кет. *хъм* < кит. *ка-м* (*у*); кет. *ган* < кит. *-хань*. «Появление» в китайском *ка-му-ни-хань* назального *-н* (*и*)-, по-видимому, объяснимо комбинаторными изменениями звуков, которые могли возникнуть в результате влияния звуков друг на друга в потоке устной речи.

Итак, этническая и языковая принадлежность тунгусов-хамниган может быть установлена путем изучения лексики соседствующих когда-то с эвенками и эвенами народов, в частности, кетов. Однако следует учесть тот не-

преложный факт, что этноним «тунгус(ы)» – это название народа собирательного значения, т.е. тунгусами (забайкальскими, в частности) назывались в недалеком прошлом все этнические группы исторической Даурии. На этот факт указывают ономастические данные, в частности, детальное исследование микро-топонимии Забайкалья. Оказалось очевидным наличие по всей территории региона собственно эвенских топонимов, а не эвенкийских. Обнаружившийся пласт топонимов эвенского языкового происхождения распространен по всей территории Восточного Забайкалья, тогда как эвенкийские названия встречаются на северных территориях региона.

Заметим, что до сих пор в научной литературе не существует ни одного адекватного и объективного определения этнонима ни «тунгус(ы)», ни «бурят(ы)». То же можно сказать и о других этнонимах и генонимах Сибири, особенно Восточной. В.А. Туголуков считает вопрос различения эвенов и эвенков не принципиально важным: «Эвены – это вариант названия *эвенки...*» [1; С. 210]. Действительно, особого разделения между эвенами и эвенками не наблюдается, может быть только в лексике и в некоторых моментах грамматического строя.

До революции эвены были известны под названием ламутов. В начале XVIII в. в документах упоминаются уже два разных народа – тунгусы и ламуты. Этноним *ламуты* обозначал те группы тунгусо-маньчжурских народов, тип хозяйствования которых предполагал иной образ жизни, чем разведение оленей у ороочнов. Ороочнами назывались группы тунгусо-маньчжурских народностей, которые разводили оленей (эвенк. орон “домашний олень”).

В ревизских описях ГАЧО упоминаются только около тридцати душ «бродячих ороочнов», кочевавших по северной окраине Урульгинской Степной Думы [11]. По данным полевых материалов видно, что и современное население Забайкалья различает ороочнов и хамниган, считая их разными народностями.

По-видимому, хамниганы, или эвены-ламутки обитали в центральных, юго-западных

и юго-восточных районах Восточного Забайкалья. На это указывают микротопонимические данные, которые ареально очерчивают миграционные пути хамниган. Соответственно, вероятно предположить, что это были так называемые конные тунгусы или пешие тунгусы. Хамниганы-эвены занимались разведением скота и коневодством, отличаясь этим от оленных тунгусов. Разведение лошадей, которыми они славились, требовало наличия степного пространства, а как охотники они осваивали леса и лесостепь. Видимо, этот факт может пролить свет на их этническое происхождение.

Среди тунгусов XIX в., согласно ревизским описям 1816-1858 г., имелся Узоновский / Одженовский / Узонский род *инородцев*. Кочевал этот род по рекам и урочищам Прионья, по р. Онон. Топонимы – с. *Узон*, р. *Ожур-гурей* (пр.пр.р. Никсанда, стекает с Даурского хребта) – это, видимо, места обитания тунгусов Одженовского / Узонского рода. Ойконом Гунэй назван по имени Гуновского рода хамниган. Геноним «хамниган» вышел из употребления в начале XX в.

Установленный нами язык-источник палеоазиатского происхождения при этимологизации онима «хамниган» позволяет проследить вероятность его использования на других территориях Сибири. В связи с этим обратимся к данным, устанавливающим племенной и родовой состав коренного населения Сибири, изложенным и собранным в известном фундаментальном труде Б.О. Долгих «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.». Б.О. Долгих отмечает, что «только с 1675 г. в сметных книгах Иркутского острога начинают упоминаться тунгусы, а с 1679 г. и буряты. В переписной книге Иркутского острога о бурятах и тунгусах говорится уже в 1669 г.» [12; С. 299].

Тунгусы, – как пишет Б.О. Долгих, – составляли вторую по численности после бурят этническую группу. «Общим названием тунгусов Иркутского острога, обитавших вокруг юго-западной оконечности оз. Байкал, было название “кумкагиры”» [там же]. Полагаем, что гено-

ним «кумкагир(ы)» по этимологии то же, что и забайкальские хамниганы, а именно – хъмга(н), т.е. эвен(ы).

В первых списках ясачных кумкагиров от 1698 г. приведены имена собственные «низовых и подгородных тунгусов, Заектаева рода и мунгальских выходцев» [12; С. 302]. Приводятся тексты жалоб селенгинских ясачных тунгусов Кумкагирского роду на иркутских тунгусов, которые «хотят их побить». Обнаружилось, что одним из двух главарей этих кумкагиров оказался тунгус, бывший до этого в списках Заектаева рода. Тунгусы Заектаева рода, наряду с «низовыми и подгородными кумкагирами», представляли собой многочисленную группу тунгусов-кумкагиров. Обращает на себя внимание факт номинации рода, а именно, по имени собственному главы рода, «лутчего человека» – Заектая, умершего, согласно ревизии около 1685 г.

Тунгусы Заектаева рода считались коневодами. Этот этнографический факт и объясняет, видимо, то обстоятельство, что тунгусы-кумкагиры были своего рода «пограничной группой, часто сталкивавшейся с монголами и сойотами». Как пишет Долгих, порой они заходили на территории кочевых бурят-монгольских родов: Тунку, реки Темник, Кабанск и Селенгинск [12; С. 303]. По архивным данным, по ревизским сказкам 1851 г., Арматской инородной управы в Заектаевом роду лиц мужского пола насчитывалось 153 души, женского пола – 155 душ «крещеных тунгусов и тонгусок». Имена и фамилии крещеных тунгусов имеют двух- и трехкомпонентную структуру: Михайло Названов, Осипь Егоров, Кочетов, Трофим Никифоров, Малафей Никифоров Дунаевъ, Дмитрий Федоров Татарин, Иван Васильев Дунаевъ и т.д. Женские имена только двухкомпонентны: Пелагея Денисова, Авдотья Федорова, Ненила Григорьева, Улита Яковлева и проч. У некоторых крещеных тунгусов записаны их исконные языческие имена: Цыбыкъ Буртиланов, а по крещению Никонъ Моисеев Тютринъ; брат Цыбыка Бадма, а по крещению Григорий Алексеев Татарин [13;

С. 16]. Другая часть этого рода в количестве 37 семей на тот момент оказались не подвергшимися христианизации. Видимо, факты соседства с монгольским миром, отразившегося и в хозяйственно-бытовом сходстве (традиционном коневодстве), и в антропонимиконе кумкагиров и бурят, обусловили со временем их этническую неразличимость.

Соседство тунгусов и бурят общеизвестно, что, естественно, добавило путаницы в этнонимные и экзонимные названия родовых групп и сообществ. Имена личные Цыбык, Бадма – это исконно монгольские и бурятские имена тибетского происхождения. Добавим, что историко-политическая действительность XVII-XVIII вв. также предполагала естественное возникновение родственных и иных взаимоотношений между родами, способствовавшее глубоким ассимиляционным процессам, затронувшим все народности Сибири.

Сравнительно-сопоставительный анализ документов ГАЧО – данных о количестве плательщиков ясака – проясняет изменение численности ясачных инородцев. Процесс колонизации Восточной Сибири, способствовавший русификации аборигенного населения посредством крещения, повлекшее за собой изменение антропонимикона коренного населения, ориентация, порой насильственная, на русский образ жизни, волнения и восстания инородцев вследствие этого и опосредовали нестабильную обстановку в целом. Стало возможным, зачастую поощряемым со стороны губернских и волостных властей, переходить из одного рода в другой, иногда меняя при этом и язык, и этническую принадлежность. Следует учитывать и роль экономического порядка: при крещении тунгус, бурят или другой инородец освобождался от бремени ясака.

Возвращаясь к вопросу об этимологии генонима хамниган, следует описать следующие факты лингвистического порядка. Если в генониме кумкагир явно угадывается кетское хъмг+суффиксальное –гир, то возникают вопросы в отношении забайкальского хамниган/хамнеган. В связи с этим попробуем про-

анализировать генотопонимы Хаминган (остров и гора), Камеганай, Хамгалей, Камчалеи, Малый Камгалей с топоосновой хъмга(н). Очевидно, что гидроним Хамгалей, как и Камчалеи, Малый Камгалей, Малый Камчалеи произошли от кетского хъмга. «Превращение» топонима Хамгалей в названиях Камчалеи, Малый Камчалеи могло произойти случайно, в виде опечатки при переносе на карту (-г- < -ч-).

В топонимах Хаминган «угадывается» генонимное «хамниган». Явление фонологической инверсии, по-видимому, и стало именно тем фактором, благодаря которому и «появился» топоним Хаминган. Полагаем, что инверсия коснулась китайского ка-му-ни-хань, точнее, составных – ни-хань < -га-н (ай). Случилась фонологическая инверсия в названии рода как явление интерференции в результате взаимодействия языковых систем в условиях двуязычия.

Исходя из тезиса о том, что кетское хъмга(н) может функционировать в виде генонима кумкогир, полагаем вполне вероятным отнести следующие топонимы к генотопонимам с топоосновой хъмга(н): р. Кумоча, урочище Хумэши (Дульдургинский район), поля Большая Кума, Средняя Кума, Малая Кума, деревня Кумаки (Шилкинский район), оз. Гумба-Нор, деревня Камкай, падь Камкайчик, деревня Камкая (Оловянинский район), гора Кумыльский Голец, урочище Кумыль, р. Кумыльская Агуца – левый приток р. Агуца, р. Кумыл, руч. Хамара, падь Хурна-Хамар, падь Хурка-Хамар (Кыринский район), падь Кумаковская (Нерчинский район), падь Хомутай, участок Кумен (Сретенский район), р. Комочи – левый приток р. Кучегер, р. Хамор – левый приток р. Южная Хаверга (Акшинский район). Приведенные данные полевых исследований, точнее, территориальность их распространения, убеждает в отношении факта этнического соседства разных групп тунгусов исторической Даурии. Соседствующие с хамниганами племена самодийцев, иных тунгусо-маньчжурских народностей, палеоазиатских, монгольских при разделении земель и угодий, мест кочевков вынужде-

ны были их номинировать. Урочищам давали имена и «прозвания родов инородцев», чтобы избежать всякого рода недоразумений и стычек. Переданное генонимное название посредством русского языка «превратилось» в топонимах в основы типа Кум-/Ком-/ Хум-/Хам-, что представляет собой моменты их языкового освоения в русском и бурятском языках. Для освоенных топонимов посредством бурятского языка типично употребление начального х-, а для русского – к-.

Данные наблюдения на широком полевом и архивном материалах по тунгусам-хамниганам позволили представить в данной статье версию о происхождении генонима хъмга(н). Б.О. Долгих указывает, что «...старое название Енисея выше устья Ангары было Кема, или Кима», ссылаясь, в свою очередь, на Клапрота [С. 185]. Потому мы считаем, что в основу экзонима хъмга(н) могло быть положено название реки, т.е. Енисея. Видимо, какая-то родовая группа кетоязычных остяков могла так называть себя (что маловероятно) или соседнее племя. В историческом прошлом считалось обычным явлением называть соседние народности или племена по месту обитания. Чаще всего это были названия рек, т.к. бассейн крупных рек заселялся племенами и надолго обживался.

Эта этническая группа могла быть близка к эвенкам или эвенам, жившим чересполосно с остяками не только в прошлом в Енисейском уезде, но и по всей Сибири. Во всяком случае, бесспорно, что это название хамниган «пришло» в Забайкалье и было перенесено кетоязычными племенами, а потому является одним из самых древних генонимов на территории исторической Даурии.

Таким образом, ономастические данные предоставляют исследователю уникальную возможность «заглянуть» в далекое прошлое, воссоздать не только этноязыковые, этнокультурные связи народов и народностей, племен и родовых сообществ, но и моменты лингвистической «ассимиляции» ономастических феноменов, таких как геноним «хамниган». Ком-

плексное изучение всех вопросов, касающихся истории региона, языка, культуры одного из малочисленных народов, как, например, хоринские (агинские) буряты, их фольклора, архивных документов и составляют весь научный

инструментарий исследователя, занимающегося одним из наиболее сложных, а потому не до конца изученных областей языкознания, как топонимика, антропонимика, этнонимика.

Литература

1. Туголуков, В.А. Главнейшие этнонимы тунгусов (эвенков и эвенов) [Текст] // Этнонимы. – М.: Наука, 1970. – С. 214.

2. Государственный архив Читинской области (ГАЧО), ф. 19, оп. 1, д. 86, л. 84.

3. Дамдинов, Д.Г. Языковая принадлежность хамниган [Текст] // Научно-попул. ж-л «Забайкалье». – Чита, 2002. – № 4. – С. 44-45.

4. Государственный архив Читинской области (ГАЧО), ф. 10, оп. 1, д. 89, лл. 39-40.

5. Полевые топонимические материалы 2005, 2006, 2007 гг.

6. Дамдинов, Д.Г. Говор олонских хамнеган [Текст]: дисс. канд. филол. наук / Д.Г. Дамдинов. – Улан-Удэ, 1966.

7. Туголуков, В.А. Главнейшие этнонимы тунгусов (эвенков и эвенов) [Текст] / В.А. Туголуков // Этнонимы. – М.: Наука, 1970. – С. 214.

8. Жамсаранова, Р.Г. К вопросу о хамнеганах [Текст] / Р.Г. Жамсаранова // Научно-попул. ж-л «Забайкалье». – Чита, 2002. – № 4. – С. 46.

9. Вернер, Г.К. Словарь кетско-русский и русско-кетский: учеб. пос. для уч-ся начальных школ [Текст] / Г.К. Вернер. – СПб: Просвещение, 1993. – 319 с.

10. Максимова, З.В. Краткий кетско-русский словарь. Среднекетский диалект [Текст] / З.В. Максимова. – Красноярск: РИО КГПУ, 2001. – 122 с.

11. Государственный архив Читинской области (ГАЧО), ф. 55.

12. Долгих, Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке [Текст] / Б.О. Долгих. – М.: Изд-во Академии наук, 1960. – С. 299.

13. Государственный архив Читинской области (ГАЧО), ф. 10, оп. 1, д. 17594, л. 16.

Коротко об авторе

Жамсаранова Р.Г., канд. филол. наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Читинский государственный университет (ЧитГУ) служ. тел. 35-91-13

Научные интересы: ономастика, этнонимика, антропонимика (историческая), топонимика (региональная)

Briefly about author

Zhamsaranova R.G., Ph.D. (Philology), Assistant Professor, Theoretical and Applied Linguistics Department, Chita State University (ChSU)

Scientific interests: onomastics, ethnonymy, anthroponymy (historical), toponymy (regional)

УДК 811.511, 374

Ившин Леонид Михайлович
Ivshin Leonid

ОБОЗНАЧЕНИЕ ПАЛАТАЛЬНЫХ СОГЛАСНЫХ
В УДМУРТСКО-РУССКОМ СЛОВАРЕ
З. КРОТОВА 1785 г.

PALATAL CONSONANTS DESIGNATION IN Z.
KROTOV UDMURT-RUSSIAN DICTIONARY, 1785

На основе исследования удмуртско-русского словаря З. Кротова (1785) автором замечено отсутствие определённых закономерностей воплощения удмуртских палатальных согласных. Составитель словаря зачастую придерживался правил правописания русского языка

On basis of Z. Krotov Udmurt-Russian dictionary research (1785) the author noticed an absence of certain patterns of Udmurt palatal consonants entailment. The dictionary compiler often followed orthography rules of the Russian language

Ключевые слова: памятники письменности, удмуртский язык, словарь, орфография, палатальный

Key words: literature record, the Udmurt language, dictionary, orthography, palatal

Первые памятники удмуртской письменности – списки слов и небольшие словарики – были составлены с помощью латиницы (Ф.И. Мессершмидт, Ф.И. Страленберг, Г.Ф. Миллер и Й.Э. Фишер). Но, несмотря на этот факт, удмуртская письменность в конечном итоге утвердилась на основе кириллицы. Этому главным образом способствовало издание в Санкт-Петербурге в 1775 г. первой грамматики удмуртского языка под названием «Сочинения, принадлежащая къ грамматикѣ востскаго языка». Т.И. Тепляшина в своей монографии, посвященной изучению памятников удмуртской письменности XVIII в., справедливо назвала это издание «важным событием для истории изучения (выделенное добавление наше – Л.И.) удмуртского языка» [1; С. 121]. Один из современных ведущих языковедов Удмуртской Республики, профессор В.К. Кельмаков первую грамматику называет

«гражданским паспортом удмуртского языка» [2. С. 12], представившим его тогдашнему научному миру. Этот труд, действительно, заслуживает очень высокой оценки: в нем впервые представлен удмуртский алфавит, составленный авторами на основе русской графики, использован самый богатый до того времени лексический материал (около 1400 слов, часть из них в виде словосочетаний, отдельных предложений и традиционных образных идеоматических выражений), и в систематизированной форме охарактеризованы особенности удмуртского языка. Первая грамматика, где были использованы буквы русского алфавита и частично орфографические нормы русского языка для записи удмуртских слов, в дальнейшем послужила авторитетным образцом при составлении последующих письменных памятников. Орфография, полученная от русской письменности XVIII в., совершенствовалась в

соответствии с изменениями русского и удмуртского письма.

Анализируемый в настоящей работе вотско-русский (= удмуртско-русский) словарь З. Кротова, составленный спустя 10 лет после опубликования первой удмуртской грамматики, является самым большим из сохранившихся памятников удмуртской письменности XVIII в. – в нём содержится более 5000 удмуртских слов и словосочетаний. Этот памятник ранней удмуртской письменности представляет собой чёткую скоропись и легко может быть прочитан специалистами. Слова в словаре расположены в два столбца. Пролежав более 200 лет в рукописи, этот уникальный лексикографический труд был опубликован отдельной книгой Удмуртским институтом истории, языка и литературы УрО РАН в 1995 г. в серии «Лингвистическое наследие. Памятники удмуртской филологии I».

Анализу графики и орфографии, фонетическим и лексическим особенностям данного словаря была посвящена работа Т.И. Тепляшиной «Об удмуртско-русском словаре Захария Кротова» [3]. Однако об обозначении палатальных согласных ею написано буквально следующее: «В словаре не выдержан принцип передачи мягких и твёрдых согласных, что затрудняет чтение некоторых слов» [3. С. 131]. Необходимо отметить, что выделение в письменных памятниках палатальных согласных, являющихся в удмуртском языке самостоятельными фонемами, совершенно необходимо. Они могут дать сведения о развитии удмуртской орфографии в определённые исторические этапы становления удмуртского литературного языка.

В современном удмуртском языке некоторые согласные имеют свои мягкие коррелятивные пары: д–д', з–з', л–л', н–н', с–с', т–т'. В исследуемом словаре З. Кротова обнаружены следующие палатальные согласные: д', з', дз', л', н', с', т', ч. В обозначении палатальности согласных в памятниках удмуртской письменности XVIII в. не было определённой закономерности, использовались самые различные

приёмы. Рассмотрим их по отдельности.

Мягкость согласного звука перед *ц* регулярно обозначается последующей гласной *е*: *нерь ньцр* (здесь и далее курсивом даётся современный вариант написания слова) 'пруть (переводы примеров даются по источнику в старой русской орфографии), лоза', *седь съцд* 'черный', *седьсурь съцдсур* 'вино', *серыпу съцрыпу* 'дикая калина' и др. [4; С. 145, 192, 193, 196] (далее примеры даются лишь с указанием страницы словаря, страницы – в обычных скобках). Во всём словаре имеются лишь два исключения, когда после палатальных согласных написана буква *э*: *лэмь льцм* 'черемуха, ягоды' (127) и *нэлъ ньцл* 'стрела' (151).

Мягкость согласного перед *ы* передаётся последующей буквой *и*: *азинь азьын* 'предъ'(3), *голикъ голык* 'голый, нагий' (40), *покцикели покчи кцльы* 'камешекъ'(172), *синись съньыс* 'снуръ, нитка, нить' (199), *цюни чуньы* 'жеребенокъ' (252).

Для обозначения мягкости согласных в конце слова, а также в середине – после первого компонента сложного слова – применяется мягкий знак (*ь*): *кватъ куать* 'шесть'(80), *пэзь пцзь* 'верхние рукавицы' (189), *цибинь чибинь* 'комаръ' (249), *чутысь чутьсь* 'хромой' (260); *парсьпи парсьпи* 'поросенокъ' (162), *увазьвыл азьвыл* 'прежний' (231), *уваньбуръ ваньбур* 'имение, казна, богатство, пожитки' (233) и др. Однако имеются случаи смешения мягкого и твёрдого знаков. Эти знаки очень довольно часто употребляются один вместо другого. Факты смешения *ь* и *ъ* характерны и памятникам письменности по другим языкам, например, марийскому [5; С. 120] и мордовскому [6; С. 118-119]. Твёрдый знак (*ъ*), главным образом, употребляется в конце слова (или в середине после первого компонента сложного слова) как показатель отсутствия палатализации конечного согласного. В таких словах, как *кызъ кызъ* 'двадцать' (108), *ниль серего ньыль сэрего* 'четвероугольный' (146) постановка твёрдого знака неверная, вместо него должен был стоять мягкий знак. Мягкость согласных середины слова в рассматривае-

мом словаре во многих случаях не отражается: бастонъ *бастон* 'принятие, откупъ' (9), кваттонъ *куаттон* 'шестдесятъ' (80), кистасконъ *кистаскон* 'разливание, поливание' (90), кузмаско *кузмаско* 'дарствую, награждаю' (99), паскыть 'пространный, пространно, широкий, широко' (163) и др. Регулярно без мягкого знака передаётся и глагольный суффикс настоящего времени *-ськ-*: лошъяско *лошъяско* 'волочу' (121), люкаско *люкаско* 'гружу, въ кучу складываю, въ кучу собираю, собираю' (128), някыртыско *някыртыско* 'згибаю, изгибаю' (150), омыръяско *омыръяско* 'вычерпываю' (157), сіотыско *сётъско* 'подаю, поддаю, отдаю, выдаю, продаю' (202) и т. д.

Мягкость согласных перед гласными а, э, у обозначается последующими йотированными буквами я, е, ю: азвесако *азвесако* 'серебря' (2), дасяско *дасяско* 'приготовление' (46), лябъ *ляб* 'слабый, слабо' (130), нянь шумесь *нянь шумес* 'квашня' (150), тямьсь *тямьсь* 'восемь' (229), цярлыкъ *чарлык* 'орудие, инструмент' (254); лекатонтэмъ *лекатонтэм* 'неосужденный' (119), небыть *небыт*

'мягкий, мягко' (145), секыть *секыт* 'тягостный, тягостно, тяжелый, тяжесть, тяжело' (193), увалесь *валес* 'постель' (232), люкетъ *люкет* 'участие, часть' (129), нюня *нюня* 'родной старший братъ, дядя съ отцовской стороны' (150); сюдымътэмъ *сюдымтэ* 'неоткормленный' (209), тютіфъ *тютю* 'цыпленокъ' (229) и т. д.

Палатальность согласных перед о регулярно передаётся диграфом *io* (*io*): лиогаско *лѣгаско* 'попираю, потоптываю, ступаю на что, втаптываю, растаптываю, топчу' (121), лэзюнь *лэзѣн* 'допущение, прощение, отпускъ' (126), мадіон *мадѣн* 'скаска, притча' (131), мыніфъ *мунѣ* 'кукла' (142), пеліфъ *пелѣ* 'ушастый' (165), тисіо *тысѣ* 'семянистый, зернистый' (217), цюмоліфъ *чумолѣ* 'копна' (252), этіфнь *цтѣн* 'призывъ, зовъ' (276) и т. д.

Как видно из примеров, в обозначении палатальности согласных в удмуртско-русском словаре З. Кротова не было определённой закономерности. Составитель словаря зачастую придерживался правил правописания русского языка.

Литература

1. Тепляшина, Т.И. Памятники удмуртской письменности XVIII века [Текст] / Т.И. Тепляшина // АН СССР. Ин-т языкозн. – М., 1965. – Вып. 1. – 324 с.

2. Кельмаков, В.К. Удмуртское языкознание: зарождение. Этапы истории. Современное состояние: Препринт / В.К. Кельмаков // Удм. гос. ун-т. каф. общ. и фин.-уг. языкозн. – Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2001. – 140 с.

3. Тепляшина, Т.И. Об удмуртско-русском словаре Захария Кротова [Текст] / Т.И. Тепляшина. – СФУ, 1971. – № 2 (VII). – С. 129-139.

4. Кротов З. Удмуртско-русский словарь [Текст] / З. Кротов // РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 1995 (= Краткий Вотской словарь съ

россійскимъ переводомъ, собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захарнею Кротовымъ, 1785 года). XX + 208 с. (Памятники культуры Удмуртии: Лингвистическое наследие: Памятники удмуртской филологии I).

5. Сергеев, О.А. Истоки марийской письменности: историко-лингвистический анализ рукописных памятников марийского языка XVIII – XIX вв. [Текст] / О. Сергеев. – Йошкар-Ола, 2002. – 192 с.

6. Феоктистов, А.П. «Linguarum totius orbis vocabularia comparativa» в его мордовской части [Текст] / А.П. Феоктистов // Труды по финно-угроведению. – Тарту, 1975. – № 1. – С. 117-128.

Коротко об авторе

Ившин Л.М., мл. научный сотрудник, Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН, УИИЯЛ УрО РАН leonid-ivshin@rambler.ru

Научные интересы: ранние письменные памятники удмуртского языка, изучение процесса становления и развития удмуртской графики и орфографии

Briefly about author

Ivshin L., junior research fellow, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Department of Russian Academy of Sciences (RAS)

Scientific interests: early written records of the Udmurt language, study of formation and development process of the Udmurt graphic arts and orthography

УДК 894.521.09

Кудрявцева Раисия Алексеевна
Kudryavtseva Raisiya

МАРИЙСКИЙ РАССКАЗ КОНЦА XX ВЕКА
(ТИПОЛОГИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ)

MARI SHORT NOVEL OF THE CLOSE OF XX CEN-
TURY (TYPOLOGY OF CHARACTERS)

Рассматриваются основные типы персонажей в марийском рассказе 1985-1999 гг., выявляется их связь с проблематикой и идейным миром произведений

The article considers types of characters in Mari short novel of 1985-1999. There is a connection of them with problems and ideal world of works

Ключевые слова: марийская литература, рассказ, персонаж

Key words: the Mari national literature, short story, character

Марийский рассказ 1985-1999 гг. (как, впрочем, и вся национальная проза этого периода) до настоящего времени остается неисследованным – как в концептуально-содержательном аспекте, так и в плане поэтики. Он не изучен и на уровне анализа отдельных произведений, и на уровне жанрово-контекстуальных обобщений, которые позволили бы увидеть эволюционную картину рассказа и тенденции литературного развития народа в данную эпоху. Этот факт представляется несправедливым уже потому, что в рассказах марийских писателей содержался глубокий социальный анализ действительности и создавался убедительный нравственно-психологический портрет человека в его непростом времени. В художественном решении традиционно характерных для марийской литературы «проблем, связанных с деревенской жизнью, трудом и бытом жителей села» [6; С. 333], к которым приковано внимание и современных рассказчиков, проблемы нравственности / несостоятельности современного человека преобладали такие идейно-стилевые

решения, как психологизм, философизация и драматизация повествования. Сохраняя устойчивые составляющие жанра (малый объем и эпицентричность), авторы между тем несколько расширяли связи между характерами и обстоятельствами, арсенал приемов их раскрытия и типы героев.

Основные типы персонажей, создаваемые марийскими рассказчиками, отражают характерные типы общественно-этнического сознания современной эпохи и напрямую соотносятся с доминирующими проблемами и «эмоционально-ценностными ориентациями» (А.Б. Есин) марийской национальной прозы конца XX в.

Трагедия современной марийской деревни, драматическое столкновение в ней нового и старого, ставших предметом художественного исследования в подавляющем большинстве рассказов второй половины 1980-1990-х гг., переданы через яркие типы представителей прежнего (родового) мира. Писатели представляют разные варианты таких героев, живущих в условиях некоего «сдвига», раз-

рушения прежнего, дорогого им мира вещей и мыслей. В первую очередь, это *старика* – «*последние могикане*» *старой марийской деревни*, которые, подобно героям-старухам В. Распутина, переживают ее уход, бережно хранят в памяти и в меру своих сил поддерживают традиции народа, не поддаются власти времени: Марпа в рассказе Г. Алексеева «Весна придет, снег растает», Салтак Павыл в рассказе Г. Гордеева «Водяная мельница». Они, отщепенцы нового общества, живущие своим прежним опытом, не вписывались в окружающий их мир и потому погружены «в состояние поистине онтологического одиночества» [3; С. 253], которое напоминало настроение подавляющей части российского крестьянства в послереволюционную эпоху. «Все сердцем чует он разрыв между прошлым и будущим, оттого и горько: тяжелый камень все больше давит на плечи» [5; С. 8], – так передает Гордеев трагическое мироощущение своего 84-летнего героя, погибающего, защищая ставшую частью его крестьянской жизни мельницу.

Следующий вариант персонажа прежнего деревенского мира – забытые (покинутые) детьми *родители-сироты*, одиноко и мужественно переживающие свои физические и душевные беды в родной деревне: Кргорий в рассказе В. Бердинского «Дети мои», Васлий кува в рассказе А. Александрова «Осиротевшая мать», Овдоч и Тропи в рассказе Г. Алексеева «Чего не увидишь в жизни» и тетя Роскови в его же рассказе «Последний автобус». Рассказ Александрова завершается сценой похорон осиротевшей матери, в которую как бы мимоходом, но явно в типизирующей функции, включена несобственно прямая речь деда Павыла, вместе со своими старыми односельчанами организовавшего эти похороны: «При этом он, очевидно, подумал и о своих детях, ведь и они, старики, только вдвоем копошатся в своем большом доме. Живут, словно подпирая нижний конец деревни Күсoла» [1; С. 86].

Жизненная драма подобных персонажей часто усложняется социальными обстоятельствами, отсюда мы находим в рассказах четкие

социальные коды времени типа: «Ведь деревня-то считается бесперспективной», «За каким дьяволом сюда машина приедет: здесь нет ни скотины, ни... Ладно, хоть конюшню-то не разобрали...» [4; С. 84. Пер. цитат с мар. здесь и далее мой – Р.К.] («Дети мои» В. Бердинского).

Третий вариант персонажа из прежнего (родового) мира – *мудрый старик-воспитатель*, живущий в новом мире, рядом с молодыми (главным образом, внуками). Такой персонаж, близкий к архетипическим образам стариков (старух) русской и мировой культуры (бабка Евстоля В. Белова, старуха Дарья В. Распутина, старик Момун киргизского писателя Ч. Айтматова и др.), присутствует почти во всех рассказах Г. Алексеева. Как правило, это близкий автору фабульный персонаж (чаще всего не центральный) – прямой «рупор» его идей или персонаж, воплощающий всем своим поведением близкую писателю нравственно-этическую позицию: Семеныч, устами которого автор доказывает, что жизнь человека есть служение стране, народу, жизни (рассказ «Долг»), старик Микывыр, мудро опекающий внука и его жениха (рассказ «Жаркий день»). В рассказе В. Бердинского «Хлебные валки» мудрый дед Семон (в роли главного персонажа) преподает урок принципиальности и бережного отношения к хлебу молодым сельским ребятам, втайне радуется его результатам, задает некую «программу» нравственно-этического взаимодействия стариков и детей: «Нельзя жить, только ругая сегодняшних молодых, надо найти и хорошие слова. Они все понимают, и ума у них хватает, и руки ловкие. Нужно лишь вовремя указать на ясную дорогу, дать нужный совет. Иногда нужно показать самому, как надо сделать – и все будет хорошо» [4; С. 139].

Марийский рассказ конца XX в. представил также такие реалистические (социально детерминированные) нравственно-психологические типы современного человека, ранее почти не имевшие место в марийской литературе, как *человек, загнанный в угол* жизнью, например, Эчан в рассказе А. Александрова

«Где тонко, там рвется»; *потерянный (сломленный, морально опустившийся) человек*, например, Юрик (пьяница и самодур) из рассказа В. Бердинского «Ой, боже...», Чопи (персонаж в роли повествователя, что позволило писателю в характер героя добавить рефлексивное начало) в рассказе А. Александрова «Заметает ветер жизни»; *страдающий человек* – Олю из уже названного рассказа Бердинского. Александров показывает, как социально-экономические трудности конца 1980-х гг. (длительные задержки зарплаты и безденежье), «распоясавшаяся» милиция, унижающая человека, вносят в жизнь честного, гордого и ответственного сельского труженика Эчана нервозность, незащитность и, в конечном счете, приводят его к самоубийству. В рассказе Бердинского «Ой, боже...» соединены воедино личная драма, страдания главной героини и общие беды марийского села начала 1990-х гг. (уничтожение ферм, отсутствие работы и безнадёжное пьянство), нарисованные автором с беспощадным реализмом.

При изображении современного человека марийские рассказчики, как и в предыдущие десятилетия, много внимания уделяют проблеме человеческих отношений (в частности, мужчины и женщины), которая в конце XX в. решается, главным образом, в драматическом ключе. Так, широко представлен в рассказах *тип человека с раненой душой*, чаще всего раненой предательством любимого человека, например, Веня в рассказе В. Бердинского «Вышитое полотенце». Глубокая душевная рана персонажа, передаваемая с помощью различных психологических приемов, усугубляется его физическим недугом (хирурги ампутировали его ногу, задевшую вымокший под дождем электропровод), который и охладил к нему любимую девушку, провожавшую его в армию. Судьба Вени напоминает судьбу героев Н. Островского («Как закалялась сталь») и Б. Полевого («Повесть о настоящем человеке»), благодаря волевому напряжению и духовной силе побеждающих физические недуги. Кроме того, герой Бердинского демонстрирует

верность своим нравственным принципам, которые не позволили ему простить предательство даже в тот момент, когда Аня заявила о своей готовности стать его женой. Несомненно характерологическая функция возникающего в концовке рассказа фольклорно-этнографического образа полотенца (по марийским традициям, вышитое девушкой полотенце, врученное парню перед его уходом в солдаты, в армию, – знак любви и верности), возвращаемого девушке: «Вышитое полотенце, сорвавшись с рук, упало под ноги» [4; С. 63].

Заметим, изувеченный (физически больной) человек – это очень распространенный персонаж современного марийского рассказа. Возможно, такой герой с обостренным восприятием всего окружающего (чаще всего волевой) позволял писателям тоньше и глубже осмыслить «сдвинутость» мира, смену ценностных ориентиров, «изъяны» в «нравственном здоровье общества» (В. Распутин). В рассказе А. Александрова «На перепутьях жизни» (это авторский перевод на русский язык названия рассказа «Ўмыр кыл», дословный – «Связь навеки») даны сразу два изувеченных персонажа – физически и душевно (изменой жены). Две параллельно развивающиеся драматические истории завершаются в одной точке сюжета, каковой является столкновение героев. Оно пробуждает их к жизни: один из героев, наконец-то, освобождается от оупляющей ревности и возвращается к своей профессиональной деятельности, другой – приходит к пониманию своей неразрывной связи с детьми («И, действительно, что может быть отцу дороже собственных детей? <...> раненое сердце отца, опершись на сына, похоже, получает силу» [1; С. 100]).

Заметно выделяется на общем драматическом фоне марийского рассказа конца XX в. герой Артамонова. Это *герой-оптимист (полукомический и полусерьезный персонаж)*, живущий в том же трагическом времени, но как будто вне его; он легко расправляется с трудностями, с житейской простотой выходит из любых драматических обстоятельств жизни и

времени. Так, в рассказе «Любить никогда не грех» старик Тропий, только-только похоронив свою жену, открыто, не страшась людского суда, пошел свататься к пожилой женщине. В народном сознании и факт подобного сватовства, и будущее соединение с такой же, как и он, старой и овдовевшей «невестой», как замечает повествователь, ничего, кроме смеха, вызывать не могут. Он смешон и в глазах повествователя, чему в немалой степени способствуют юмористически обыгранные натуралистические детали, комические положения и ситуации: хозяйская поза, детальное обсуждение будущей совместной жизни, неестественные для его возраста шуточки, шокирующие Клавий и т.д. С другой стороны, автор сознательно призывает читателя к лояльному отношению к герою, настраивая его на некий позитив: выбор Тропием «невесты» вполне осознанный (когда-то в молодости они дружили, не сошлись лишь по воле обстоятельств; Клавий – хорошая хозяйка); предельная серьезность его намерений, ум и объективная оценка своего возраста и самой ситуации. Герой уважает мудрость и рассудительность своей избранницы, ее верность законному мужу, традициям марийской семьи, родному дому: «– Просто удивляюсь... – без настроения произнес гость. – Говоришь, дала слово любить своего мужа. В то же время соглашаешься соединиться со мной. И как же это объяснить?»

– Хочу дожить свой век по-человечески. И ты также доживи свой век. Чтобы не сильно чувствовать беду, скуку, одиночество. Я тебе буду помогать как женщина, а ты мне – как мужчина... Будем друг для друга, как кол для прясла... До смерти... До гроба...

– А потом?

– Потом у тебя твоя дорога – положат тебя рядом с твоей Оляна. И у меня своя дорога – лягу рядом с моим Василюм.

– Умная же ты, однако, Клавий! – похвалил женщину Тропий» [2; С. 430].

Завершается рассказ идиллической сценой, воспроизводящей начало совместной жизни героев: обихаживают оба дома – как па-

мять о своих бывших супругах; без лишних слов, с неподдельной радостью помогают друг другу. Они словно подавали пример молодежи, которая все больше и больше охладевает теперь к семейным ценностям: «Возможно, поймут молодые, глядя на Тропий и Клавий: неужели не лучше жить в паре» [2; С. 431]. «Жить в паре» по-марийски – «мужырлалтын илаш». Слово «мужырлалташ» в переводе на русский язык означает еще «сочетаться, гармонизировать». И Артамонов, следуя семантике этого слова, рисует в конце рассказа некий идеал гармоничной жизни людей, построенной соответственно их возрасту, основанной на взаимопонимании, взаимоуважении и взаимопомощи. Юмористический тон окончательно снимается с помощью фразы повествователя, фиксирующей мнение односельчан: «Слыша человеческие голоса в обоих домах, видя часто их обоих на улице, у жителей села вместо насмешек зародились вдруг белая зависть и гордость. В жизни человека ничего нет смешного. Смешное – на рынке. Да и то на один-два дня. А жизнь – навеки» [2; С. 430]. Рассказ, акцентируя внимание читателя на позитивном аспекте человеческих отношений, на народной мудрости, приобретает поучительный характер.

Такая художественная структура, свойственная целому ряду рассказов Ю. Артамонова («Медвежья лапоть», «Сыновья Лыстыквий» и др.), напоминает поэтику юмористических рассказов М. Зощенко второй половины 1930-х гг. (рассказ «Огни большого города», «Поминки» и др.). Русский писатель, обосновывая возможность и важность сочетания в рамках одного произведения комического изображения действительности и положительных представлений, отмечал: «... советский писатель, избравший даже сатирический жанр, должен воспринимать жизнь оптимистически, то есть он должен обладать тем мужественным восприятием вещей, при котором преобладают положительные представления.

Вот простенькая формула, без которой не обойтись писателю нашего времени, писа-

телю, который служит народу» [Цит. по кн.: 8; С. 173]. Очевидно, и марийский прозаик Артамонов, отражая в своих юмористических рассказах народное сознание конца XX в., исходил из того же, что и русский классик: «народу не свойственно такое мировоззрение», в основе которого «пессимизм и мизантропия» [Цит. по кн.: 8; С. 173].

Авторская оптимистическая (позитивная) мысль, вступающая в повествование постепенно или в его конце, не мешает сохранению в рассказах Артамонова общего юмористиче-

ского тона. Она не противоречит и самой природе юмора как вида комического. Традиционно в юморе скрывается «серьезное под маской смешного, обычно с преобладанием положительного («смеющегося») отношения» [7; С. 162].

Итак, в марийском рассказе конца XX в. выведены различные типы персонажей, отражающих многообразие типов мировосприятия и общественно-этнического поведения людей этой эпохи, изображаемой, главным образом, в драматическом ключе.

Литература

1. Александров, А.А. *Ўмыр кыл: Повесть ден ойлымаш-влак [Текст] / А.А. Александров: [На перепутьях жизни: Повесть и рассказы]. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. – 224 с.*

2. Артамонов, Ю.М. *Корно воктене мардеж-вакш [Текст] / Ю.М. Артамонов: Рассказы [Мельница у дороги: Рассказы]. – Йошкар-Ола: Мар. кн. савыктыш, 2006. – 548 с.*

3. Белоусова, Е.Г. *Стилевая интенсификация в русской прозе рубежа 1920-1930-х гг. / Е.Г. Белоусова // Известия Уральского государственного университета. – 2007. – № 49. – С. 248-256.*

4. Бердинский, В.Н. *Мардеж шўшка: Ойлымаш-влак [Текст] / В.Н. Бердинский: [Голос ветра: Рассказы]. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1987. – 192 с.*

5. Гордеев Г. *Водяная мельница: Рассказ [Текст] / Г. Гордеев // Пер. с мар. С. Суркова // Молодой коммунист. – 1989. – 18 февр. – С. 7-8./*

6. *История марийской литературы / Отв. ред. К.К. Васин, А.А. Васинкин. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. – 432 с.*

7. Пинский, Л.Е. *Комическое [Текст] / Л.Е. Пинский // Литературный энциклопедический словарь: под общ. ред. В.М. Кожевникова и П.А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – С. 162-163.*

8. Старков, А.Н. *Михаил Зощенко: Судьба художника [Текст] / А.Н. Старков. – М.: Сов. пис., 1990. – 256 с.*

Коротко об авторе

Кудрявцева Р.А., канд. филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Марийский государственный университет (МарГУ)
kudsebs@rambler.ru

Научные интересы: марийский рассказ XX века (генезис, эволюция, поэтика) в контексте развития литератур народов Поволжья

Briefly about author

Kudryavtseva R., associate professor of the russian and foreign literature departments in the Mari state university, candidate of philology, associate professor

Scientific interests: mari story of the XX centurys (the genesis, the evolution, the poetry) in the context of the literature development of the peoples in Povolzhiye

УДК 81'282

Лиханова Надежда Анатольевна
Likhanova Nadezhda

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ФРАГМЕНТОВ РЕГИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА

ETHNOLINGUISTIC PERCEPTION OF A REGIONAL PICTURE OF THE WORLD FRAGMENTS

Статья посвящена проблеме описания региональных словарей с учетом этнолингвистических данных, которые раскрывают культурные, исторические, этнографические сведения о менталитете

The article is devoted to the problem of the regional dictionaries description according to ethnolinguistic data that gives an idea of cultural, historical, ethnographic information about thinking

Ключевые слова: картина мира, региональная лексикография, этнолингвистический анализ

Key words: picture of the world, regional lexicography, ethnolinguistic analysis

К концу XX в. во многих отраслях науки произошел своеобразный методологический сдвиг – возник и распространился принципиально новый, антропологический подход, где «интерес к человеку как центру вселенной и человеческим потребностям, определяющим разные типы человеческой деятельности, знаменует особую переориентацию, наблюдаемую во многих фундаментальных науках»[11; С. 212]. С формированием антропологической парадигмы в языкознании пришло убеждение в том, что в языке фокусируется и социальный опыт народного бытия, и память народа, и духовная самобытность этноса [13; С. 105], в результате чего сформировалась программа этнолингвистического познания языка. Основопологающей мыслью направления становится положение о том, что каждый язык членит реальную действительность и представляет ее в сознании говорящего специфическим для него образом. Картина мира любого языка многогранна, она включает разные формы существования языка этноса,

что еще не нашло достаточного изучения в лингвистической науке.

В последнее время актуализируются региональные языковые исследования. Этнолингвистом А.С. Гердом введен в лингвистический оборот термин «региолект», понимаемый как «особый тип языкового состояния, который является сегодня основной формой устного речевого общения больших групп русских как на селе, так и в городах, и поселках городского типа»[8; С. 48]. Известно, что значимость культуры каждого конкретного региона понимается исследователями как реальность, охватывающая множество эволюционных трансформационных процессов человеческой истории. Многожественность территорий и народов России создает определенные трудности при изучении ее культуры. Важен детальный анализ формирования лингвокультурных процессов, в том числе и для воссоздания региональной языковой картины мира. Известно, что культура любого региона уникальна. Своеобразие региональных культурных традиций складывается

из географических, экономических и социальных особенностей территории. На протяжении многих веков на региональном уровне идет процесс взаимовлияния и взаимообогащения культур различных этносов. Региональная культура «представляет собой совокупность материальных и духовных явлений, составляющих систему культурных признаков этнических сообществ» [10; С. 18].

Основными источниками исследования этнолингвистических проблем выступают региональные диалектные словари. В связи с этим О.И. Блинова вводит в свои работы по диалектному материалу понятие «диалектная лингвокультурология» [5; С. 190], что применимо и к понятию «диалектная этнолингвистика» [20; С. 24], систематизирует аспекты изучения данного феномена, выделяет онтологический аспект изучения, с выявлением отдельных компонентов народной речевой культуры. С.Г. Тер-Минасова, рассуждая о разновидностях национального языка, вводит понятие «диалектная культура», или «диакультура» [19; С. 47].

Общеизвестен факт, что диалектные системы каждый раз воспроизводят общие закономерности языка, но эти закономерности по-особому преломляются в новых пространственных воплощениях, что позволяет говорить о существовании региональной картины мира, где, «погружаясь в лексические глубины того или иного языка, исследователь переживает своеобразный «эффект присутствия»: он видит реально, что было «зачерпнуто» и как было «ухвачено» языком знание о мире» [6; С. 6]. Понимание языка как культурного кода дает возможность в дальнейшем эксплицировать знания в представлении каждого региона. Диалектная система складывается исторически в рамках этносов, а язык этноса вбирает в себя информацию об этой картине мира, то есть отражает и закрепляет отработанные историческим опытом народа реалии, абстрактные понятия и др. Этот опыт обязан своим существованием специфическими условиями жизни данного общества, его бытия, труда, мировоззрения, общественных отношений и т.д. Эта

организующая способность языка во многом проявляется в «особой этноязыковой семантике. Она касается объема национально-культурной информации как традиционной, так и современной, как устаревшей, так и появившейся недавно, то есть всех тех знаний о мире, которые этнос приобрел и зарегистрировал в значениях языковых единиц» [17; С. 28]. В этом случае знания о региональной картине мира могут быть получены именно через осмысление диалектного материала как культурно-исторического фактора, отраженного в языковой личности.

Одновременно начинается разработка и поэтапного анализа функционирования культурноспецифической лексики диалекта. Согласно гипотезе Т.Б. Банковой, любая знаменательная лексическая единица, обслуживающая, в том числе и обрядовый комплекс, является культурноспецифической и приобретает обрядовое значение. Именно диалекты отражают и хранят стародавние русские речевые традиции, – это «компонент русской национальной речевой культуры в целом» [5; С. 192].

В целом энциклопедическая информация диалектных словарей помогает проследить механизм выражения в лексической системе национального характера. Однако, как замечает З.Г. Гак, сложность заключается в том, что эта информация рассредоточена по различным словарям. «Отражение в словаре энциклопедических, культурно-исторических и этнолингвистических сведений повышает познавательную значимость словаря, а подчас оказывается необходимым для раскрытия значения слова» [7; С. 119]. Для интерпретации лексики традиционной народной культуры в словаре требуется дать объясняющие сведения о жизни, быте того или иного региона, что и приводит к расширению энциклопедического толкования или же к введению этнографического комментария, который способствует более глубокому пониманию семантики слова. «Культурно-исторический компонент наличествует во всех частях языковой системы, но наи-

более полно он проявляется именно в лексике» [12; С. 154], где отражаются различия в сегментации понятий реального мира вещей и явлений, что естественно, находит выражение в диалектных различиях лексико-семантического уровня.

В настоящее время разные лингвистические центры создают словари, ставящие этнолингвистическое описание слова одной из главных задач, о чем свидетельствуют исследования таких лингвистов, как Л.Е. Березович, О.В. Вострикова (Екатеринбург), И.П. Вербы (Кострома), Т.В. Карасевой (Воронеж) и т.д. Цель их этнолингвистического анализа – обеспечить комплексный подход к интерпретации языковых фактов. Языковой материал данных словарей позволяет определить специфику формирования региональной картины мира, так как «в языке конкретного сообщества живет и воздействует духовное содержание, сокровище знаний, которое по праву называют картиной мира конкретного языка» [16; С. 250]. Этнолингвистическое описание языкового материала Восточного Забайкалья было предложено на базе исторического и топонимического словарей [9; С. 415], где смоделированы знания о региональном микромире. В работах представлено «системное изучение фрагментов региональной картины мира, формирующее перед исследователем задачу идеографического описания тех реалий и понятий, заключенных в слове, которые важны для этнической истории ареала» [14; С. 453].

Несмотря на высокую культурно-этнографическую сохраненность и специфичность, говоры забайкальского края остаются достаточно слабо изученными с точки зрения отражения в них «языка» народной культуры. Возросшее внимание ученых к проблемам развития и функционирования народных говоров обусловлено осознанием их значения как хранителей региональной картины мира, которые требуют «обращения к широкому культурно-историческому и этнографическому контакту» [20; С. 19]. В данной статье предлагается этнолингвистическое осмысление диалектной

лексики забайкальского региона, выявленной на основе идеографического подхода к материалам «Словаря русских говоров Забайкалья» [21].

Рассмотрим «Словарь русских говоров Забайкалья» Л.Е. Элиасова в качестве этнолингвистического регионального источника. Как отмечает в предисловии Ф.П. Филин, «в языке и эпосе русского населения Забайкалья отразилась жизнь интереснейшего края, начиная с появления здесь русских переселенцев, его удивительная природа, контакты русских с братскими нерусскими народностями...» [21; С. 16]. Словарь представляет собой систематизированный алфавитный перечень диалектизмов. При анализе лексики нами используется идеографический принцип, он приближает к пониманию ключевой семантики сознания языковой личности. В словаре отражена материальная и духовная культура региона, история и география, особенности менталитета и формы речевого поведения. По данным словаря, выделены различные группы лексики: профессионально-бытовой (терминология охотников, ремесленников, земледельцев), этнографической (явления погоды, наименование рельефа), духовно-культурной (наименование обрядов, игр, праздников) и т.д. Наблюдения показали, что в словаре содержится богатый языковой материал, например, к тематической группе «Наименование блюд» относится 178 диалектных единицы, к «Наименованию напитков» – 55 единиц и др. В качестве примера рассмотрим диалектное слово *арбин* [21; С. 55].

В словаре Л.Е. Элиасова *арбин* семантизируется как «конская грудинка». Из текстового словарного комментария узнаем, что данным продуктом угощали гостей «*Меня как почетного гостя угощали арбином. Арбин подают уважаемому*» – гостеприимство одна из основных особенностей забайкальского народа. Дальнейший текстовый комментарий дает возможность утверждать, что *арбин* использовался в ряде бурятских религиозных обрядах «с *арбина тек жир, и ламе весь подол своей*

хламиды засалил». При совершении как определенных обрядов, так и при любой трапезе старались раздать каждому *арбин* – «*Арбин делили всем поровну. На арбин всегда охотников много было*».

Для выявления этнолингвистической специфики слова привлекаем данные других словарей. Так, в «Словаре говоров русских старожилов Байкальской Сибири» зафиксированы лексемы *арбин*, *арбинчик* – «*У коня сало нутряное. Он сзади в животе у коня поясом таким. Я бы счас поел, не мешало, русский хоть. Раньше русские коней не ели шибко-то. Буряты все ели. А конь-то всех чишше. Он же грязну воду пить не будет... Ну, арбин-то у коня, он чистый, по цвету такой желтый*» [2; С. 402]. Это позволяет говорить нам о тесном переплетении русской и бурятской культур. Как отмечают исследователи, «конина является отличным продуктом для человека, отправляющегося в дорогу, при употреблении в холодном виде она обладает согревающим свойством...» [3; С. 80]. По подбрюшному жиру *арбину* определяли также качество и упитанность коня «*Сытый конь, справный если, арбин хороший*».

Лексема *арбин* в «Словаре русских говоров Прибайкалья» представлена в двух значениях:

1) «конская грудинка» – самое вкусное мясо, которым питались буряты «*Арбин – само вкусно мясо, соколок*», «*Арбин – грудинка у лошади, буряты шибко его едят*»;

2) «жировые отложения на груди у лошади» – «*Арбин – это сало тако лошадино, желто. Сало это на грудке находится*», «*Буряты арбин сьмают и едят даже сырой. Это желтый жир, они его любят очень есть*» [18; С. 6]. Особенно ярко в бурятской культуре выступает «культ коня в традиционных верованиях и эпосе у скотоводов-кочевников, что связано с огромным значением коня в хозяйстве, культуре и быте» [3; С. 157]. Предпочтительнее всего было есть сырое мясо. Возможно, в нем сохранялось больше вкусовых качеств либо выступало как лекарственное средство или же за этим скрывался определенный об-

ряд. Как отмечает А.К. Байбурун, [4; С. 213] наиболее распространенным и выразительным является определенный кулинарный код обряда. Практически не встречаются ритуалы, структура которых не предусматривает приготовление угощений и их распределение среди присутствующих. Существенным представляется и то обстоятельство, что приготовление *арбина* относится больше к числу мужских занятий.

Этимологический комментарий исследуемой лексемы отражен в словаре А.Е. Аникина, где *арбин* также определяется как «конская грудинка», относится к бурятскому *арбин* – «конский внутренний подбрюшный жир», монгольскому *харвин* «подбрюшный жир у животного» *karbiŋ, далее к древне-тюркскому [1; С. 94].

Таким образом, этнолингвистическая специфика диалектной единицы проявляется в следующем: этимологический аспект слова *арбин* позволяет говорить о том, что данное слово монгольского происхождения. Культурно-исторические данные свидетельствуют, что *арбин* является блюдом, используемым в определенных религиозных обрядах. Территориальное распространение диалектного слова, выявленное на основе ряда словарей, указывает на то, что лексема *арбин* функционирует в забайкальских, иркутских говорах. Свидетельство о межкультурных связях – проживание на территории Забайкалья разных народов, основная деятельность которых была связана с лошадьми. Полученная этнолингвистическая информация слова требует осмысления, так как в каждом слове лежит работа мысли, творческий акт, связывающий звучание слова и его значение, который по-своему вписывается в региональную картину мира.

Таким образом, этнолингвистический аспект изучения диалектной лексики предполагает, что определяющими фактами должны быть не столько вопросы внутренней структуры языка, сколько проблемы взаимосвязи его с другими системами, в частности, с культурными моделями. Точнее, с собственно «языком культуры» – теми формами, которые состав-

ляют не только вербализованную часть национальной культурной традиции, но и закреплены в ментальных представлениях, в обрядовой практике и в фольклоре. Как видно, такие «механизмы взаимодействия языка и культуры, процессы взаимообусловленного структурирования и взаимопроникновения, пересечения

этих двух самостоятельных семиотических систем, средства и способы проникновения «языка» культуры в знаки естественного языка и формы презентации ими культурно-значимой информации все чаще становятся к настоящему времени предметом научного исследования» [15; С. 17].

Литература

1. Аникин, А.Е. *Этимологический словарь русских диалектов Сибири [Текст] / А.Е. Аникин.* – Новосибирск, 1997.
2. Афанасьева-Медведева, Г.В. *Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: в 20 т. Т. 1 [Текст] / отв. ред. Ф.П. Сороколетов // Институт лингвистических исследований РАН.* – СПб., 2006.
3. Бабуева, В.Д. *Материальная и духовная культура бурят: учеб. пособие [Текст] / В.Д. Бабуева.* – Улан-Удэ, 2004.
4. Байбурин, А.К. *Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов [Текст] / А.К. Байбурин.* – СПб., Наука, 1993.
5. Блинова, О.И. *Томская диалектная школа: историографический очерк [Текст] / О.И. Блинова.* – Томск, 2006.
6. Вендина, Т.И. *Средневековый человек в зеркале старославянского языка [Текст] / Т.И. Вендина.* – М., 2002.
7. Гак, З.Г. *Проблема создания универсального словаря (энциклопедический, культурно-исторический и этнолингвистические аспекты) [Текст] / З.Г. Гак // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре.* – М., 1988.
8. Герд, А.С. *Несколько замечаний касательно понятия «диалект» [Текст] / А.С. Герд: отв. ред. Л.П. Крысин // Русский язык сегодня.* – Вып. 1. – М., 2000.
9. Жамсаранова, Р.Г. *Региональный этнодемографический словарь топонимов: универсалии, принципы, особенности мира [Текст] / Р.Г. Жамсаранова // Мир русского слова и русское слово в мире.* – Варна, Болгария, 2007.
10. Копыленко, М.М. *Основы этнолингвистики [Текст] / М.М. Копыленко.* – Алматы, 1995.
11. Кубрякова, Е.С. *Эволюция лингвистических идей во второй половине 20 века [Текст] // Язык и наука конца 20 века.* – М., 1995.
12. Кузнецова, О.Д. *Отражение особенностей крестьянской народной культуры в словаре русских народных говоров [Текст] / О.Д. Кузнецова, Ф.П. Сороколетов // Историко-культурный аспект лексикографического описания русского языка.* – М., 1995.
13. Любимова, Л.М. *Антропологическая лингвистика и лингвистическая антропология [Текст] в 4 ч. Ч. 3 / Л.М. Любимова // Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике: материалы научной конференции (Кемерово, 29-30 августа 2006).* – Кемерово, 2006.
14. Любимова, Л.М. *Исторический словарь в познании региональной картины мира [Текст] / Л.М. Любимова // Мир русского слова и русское слово в мире.* – Варна, Болгария, 2007.
15. Поздеева, С.М. *Лингвосемиотические связи в диалектной лексической системе: на материале экзистенциальной лексики пермских народных говоров [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / С.М. Поздеева.* – Пермь, 2005.
16. Радченко, О.А. *Язык как мирозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства [Текст] Т. 1 / О.А. Радченко.* – М., 1997.
17. Ракитина, О.Н. *Национально-культурная коннотация как семантическая категория (на материале русских, немецких слов, обозначающих участки рельефа в фольклорных текстах) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / О.Н. Ракитина.* – Воронеж, 2005.
18. *Словарь русских говоров Прибайкалья [Текст].* – Вып. 1-2. – Иркутск: ИрГУ, 1986.
19. Тер-Минасова, С.Г. *Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики [Текст] / С.Г. Тер-Минасова.* – М., 2007.
20. Толстой, Н.И. *Принципы составления этнолингвистического словаря славянских древностей: проект словника. Предварительные материалы [Текст] / Н.И. Толстой.* – М., 1984.
21. Элиасов, Л.Е. *Словарь русских говоров Забайкалья [Текст] / Л.Е. Элиасов.* – М., 1980.

Коротко об авторе

Лиханова Н.А., старший преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
служ. тел.:

Научные интересы: диалектная лексика, этнолингвистика

Briefly about author

Likhanova N., Lecturer of Theoretical and Applied Linguistics Department, Chita State University (ChSU)

Scientific interests: dialectal vocabulary, ethnolinguistics

УДК 82.02

Хазанкович Юлия Геннадьевна
Khazankovich Yulia

ЛИТЕРАТУРА И КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА
ЭВЕНКОВ: К ИСТОКАМ ЗАРОЖДЕНИЯ

LITERATURE AND BOOK CULTURE OF EVENK:
TO THE SOURCES OF ORIGIN

В статье рассматривается история зарождения книжной культуры и литературы эвенков. Впервые привлекаются архивные материалы по истории эвенкийской литературы конца XIX-начала XX вв.

The article considers the history of the Evenk book culture and literature origin. For the first time archival materials about the history of the Evenk literature of the late 19 - early 20 centuries

Ключевые слова: эвенкийская литература, книжная культура, зарождение

Key words: the Evenk literature, book culture, origin

Истоки литературы эвенков уходят в глубину столетий. Реальные предпосылки зарождения литературы и издания книг на языке эвенков появились лишь после прихода русских на берег Лены. Знаменитый поход Ермака в конце XVI в. заложил основу азиатской России [1; С. 166]. К концу XVII-нач. XVIII столетия Восточная Сибирь была включена в состав Российского государства. Русские принесли коренным народам Севера развитые формы хозяйства и более высокую культуру, которая впоследствии способствовала приобщению аборигенного населения к книжной культуре. Знакомство малочисленных народов Севера, эвенков, в частности, с книгой связано с деятельностью русских первопроходцев и относится к XVII в., но активные контакты инородцев с путешественниками, учеными, ссыльными приходятся на XVIII-XIX столетия. В 1812 г. создано Российское библейское общество, основной задачей которого являлось распространение христианства среди инородцев. В 1818 г. Тобольским отделом общества переведены на эвенкийский язык неко-

торые части «Нового завета». В 1833 г. Синод принял указ «О совершении богослужения на инородческих языках», что потребовало большой переводческой деятельности с целью создания учебников для обучения местным языкам. В 1859 г. русским миссионером, протоиереем Стефаном Поповым написан букварь на эвенкийском языке «Тунгусский букварь с молитвами», который напечатан в Московской Синодальной типографии, и составлен эвенкийско-русский словарь – «Краткий тунгусский словарь» [2; С. 14-15]. В становлении книжной культуры эвенков огромную роль сыграло утверждение в 1870 г. «Правил о мерах к образованию населяющих Россию инородцев», согласно которому учреждались школы, где преподавание велось «на родном наречии и по учебным книгам на том же наречии» [3; С. 20-21]. До конца XIX в. практика издания книг на языках малых народов Севера была подчинена цели христианизации населения, но в целом заложена традиция издания книги на эвенкийском языке.

Официально светская литература эвен-

ков зародилась в стенах Ленинградского института народов Севера в начале 1930-х гг. Это дата зарождения большинства литератур малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. В литературных кружках создавались рукописные журналы «Тайга и тундра», сборники рассказов «О нашей жизни», «Раньше и теперь», которые в 1940-50-е гг. изданы отдельными книгами в Ленинградском книжном издательстве. Изначально эвенкийская литература была двуязычна. Она функционировала как на эвенкийском, так и на русском языках. Первым художественным опытом эвенкийской литературы принято считать поэтические тексты Василия Пежемского («Тунгусу ИНСА»), Алексея Платонова («Песни эвенка»), Ивана Кириллова (стихи о реке Лена, якутских сопках, традиционных празднествах ысыах), Суптынча Пикунова («Летчик Луксан», «Девушка», «Поп и шаман», «Рассказ старухи Марьи»), А. Солтураевой («Семья Гасаны», «Песня школьников»), которые были опубликованы в 1930-40-е гг. [4]. Но среди первых были и «забытые» авторы. К ним можно отнести прозаиков С. Герасимова, выступившего в 1931 г. с оригинальными рассказами, Ксению Воронину-Салаткину с повестью «Анка» (1935), а также Наумова с рассказом «Как я сохатого убил». Последняя вышла отдельной книгой в издательстве «Молодая гвардия» в 1933 г. Эта книга была первым художественным изданием на эвенкийском языке. Особняком в истории эвенкийской словесности этого периода стоит имя амурского эвенка-прозаика Григория Маркова-Бута. В 1937 г. ему присуждена значимая в те годы премия московского Гослитиздата за оригинальное произведение на родном языке. В литературном эвенкийском альманахе «Раньше и теперь» у Григория Маркова в 1938 г. опубликован рассказ «Агиду» и главы из романа «Андрей Лазарев». Это был первый эвенкийский роман об участии амурских эвенков в гражданской войне. Текст завершен еще до войны, но рукопись таинственно исчезла (информация из личной беседы с Галиной Кэптукэ, родственницей Маркова-Бута, эвенкий-

ским прозаиком и фольклористом, проживающей в Якутске). Потерянными оказались и стихи забайкальского поэта Давлана-Нергунеева, из полсотни его поэтических произведений разных форм до нас дошло лишь одно «Вверх по Талоче-реке студеной», которое напечатано в 1931 г. в иркутском альманахе «Будущая Сибирь». «Плацдармом» для взлета эвенкийской литературы был, прежде всего, национальный фольклор. На первых порах становления характер взаимодействия национальной литературы с фольклором ограничен простым заимствованием сюжетов и устнопоэтических приемов, а также традиционным включением фольклорных текстов в ткань художественного произведения. Тематически в пору своего становления эвенкийская литература была представлена «наивно-искренней» поэзией о власти Советов национальной «Ленинианой», о том, «как хорошо в стране советской жить» маленькому человеку – представителю маленького народа, который вырвался из-под власти местных князьков и шаманов, и тьмы тотальной безграмотности. Но была и другая, так называемая «задержанная» литература эвенков. Реабилитация творчества национальной интеллигенции вернула не только имена забытых писателей, но и позволила восстановить страницы национальной истории и литературы.

В этой связи следует остановиться на архивной находке, которая по сути восстановила забытую страницу истории книги и литературы эвенков Забайкалья конца IX-нач. XX вв. Речь идет о творчестве малоизвестного эвенкийского прозаика, драматурга Гамаллила Гантимурова [5]. В далекие «оттепельные» 1960-е гг. имя Г. Мурова (псевдоним Гантимурова – Ю.Х.) было восстановлено, но в эпоху «застоя» на долгие десятилетия вновь официально «забыто». Имеющаяся информация о Г. Гантимурове крайне скудная: «потомок княжеского эвенкийского рода» с указанием дат жизненного пути – 1850-1921 гг. Архивные разыскания не помогли установить реальную историю исчезновения первого эвенкийского

прозаика, драматурга и его произведений – был ли он репрессирован или бежал в Харбин. Судьба его произведений оказалась более ясной: чудом не были утрачены отдельные тексты, автором которых он был. К ним относятся путевой дневник «Люди и нравы Дальнего Востока», дневник «По русскому Дальнему Востоку», драма «Из огня да в полымя», три романа «Тринадцатый», «Теплая компания», «Не из тучи гром, а из навозной кучи». По имеющимся сведениям, они хранятся в иркутском архиве. Также известно, что Гантимуровым были написаны несколько рассказов и воспоминания, нахождение которых неизвестно. Потомок рода тунгусских князей из Забайкалья до революции также выпустил два романа «Ганя Хмуров» (1904) и «Двое в одной шкуре» (1909). Для российского читателя творчество Г. Гантимурова-драматурга и романиста, потомка великого рода эвенкийских князей, пока остается неизвестным. Вместе с тем, большой интерес вызывает «романное» творчество Гантимурова, в частности, найденный нами роман «Ганя Хмуров». Бытует мнение среди литературоведов, что в истории эвенкийской литературы большая эпическая форма до сих пор не получила своего развития (М. Воскобойников, Р. Бикмухаметов, А. Пошатаева и др.). Обнаружение текста романа «Ганя Хмуров» Г. Мурова качественно меняет сложившиеся представления об истории книги и литературе эвенков.

В рамках данной статьи мы не будем рассматривать особенности поэтики романа Гантимурова. Внимание сфокусируем на проблемном уровне повествования. Изданный в 1904 г. в Томской паровой типографии первый русскоязычный роман забайкальского эвенка Г. Мурова носит ярко выраженное автобиографическое содержание. Автобиографичность во многом определила содержательные особенности современной литературы эвенков, в частности, творчество забайкальского эвенка Александра Латкина (повесть «Войди в храм чистым»), Алитета Немтушкина (повесть «Мне снятся небесные олени») и амурской

эвенкийки Галины Кэптукэ (повесть «Имеющая свое имя Джелтула-река»). Главными героями в романе «Ганя Хмуров» становятся родичи, в частности, на первый план автор выводит образ дяди – Николая Петровича, главы Степной Думы забайкальских инородцев. Сюжет первого эвенкийского романа определен «мыслью семейно-православной», что в целом характерно, с одной стороны, для русской литературы второй половины XIX – нач. XX вв., хорошим знатоком которой был автор, с другой – определено православными традициями, которых придерживались Гантимуровы.

Повествование Г. Мурова «Ганя Хмуров» начинается с событий 1860 г., описания «первого дня Рождества». В этот день в забайкальском селе Угрюмое происходит «рождение и крещение новорожденного сына тунгусского князя Александра Степановича Гани Хмурова». Рождение главного героя романа в православный праздник неслучайно. Все события романа «маркированы» религиозными праздниками: следующее событие в жизни Гани Хмурова пришлось на Пасху, когда ему уже было неполных четыре года. В великий праздник выпоротый и изувеченный отцом за нарушение одной из церковных заповедей – «почитай отца своего и мать», мальчик превратился в инвалида. События в жизни Гани Хмурова и его семьи «углубляются» посредством авторских комментариев, которые восходят к библейским заповедям. Православная тема в семейно-бытовом романе «Ганя Хмуров» в первую очередь получает воплощение через образы «крещеного дикаря» – тунгусского князя Александра Степановича и его жены, дочери протоиерея, Маргариты Тихоновны. Хотя роман посвящен жизни и судьбе Гани Хмурова, он содержит биографические «экскурсы» в жизнь отца и матери Гани. Так, в юности Александр Степанович сблизился с сосланными в Забайкалье декабристами, которые стали его первыми учителями: «Под их руководством он изучил почти весь средний гимназический курс, начал хорошо рисовать и играть на скрипке. По словам учителей-декабристов, им удалось не-

сколько просветить ум этого отпрыска дикой аристократии степей Монголии» [6]. С благодарностью эвенк вспоминает своего тестя – русского священника Тихона, который привел его, язычника, к вере христовой. Именно под влиянием Тихона крещеный абориген по сути духовной стал православным человеком. Эта деталь исторически информативна: в этом есть нечто общее, типичное для всех крещеных тунгусов. Автор описывает пребывания зятя в доме священника-тестя: «Александр Степанович прожил у отца Тихона более года. Все это время почтенный иерей почти ежедневно вел с ним духовно-нравственную беседу. Сначала он прочитал ему, в кругу своей семьи, Библию, затем Евангелие и про жизнь и страдание замечательных мучеников-святых. Чтение он сопровождал своими комментариями. Мало того, каждую церковную службу водил своего гостя в церковь. Первое время Александр Степанович в храме, как сознавался потом, хлопал глазами. Впрочем, это занятие было непродолжительно. Поощряемый батюшкой, он стал петь на клиросе и в самое короткое время прекрасно научился исполнять все обязанности дьячка. ...К вере он относился прежде как язычник, которого принудили принять православие. Теперь же, как будто оставил свои заблуждения своих предков и казался глубоко искренне верующим православным» [6; С. 98]. Он стал по вере христианином, искренне уверовав в это, но в отношении своего сына он не поступал как верующий человек: физические пороки Гани у него вызвали не жалостливо-понимающую Любовь отца, а неправедный гнев. Противоположностью своего мужа становится в романе мать Гани. Всевышний посылает столько испытаний, сколько может выдержать человек. Как истинно верующий человек-страдалец, она переносит все жизненные испытания. Маргарита Тихоновна после страшного пожара оказывается с детьми в нищете, но изображается автором как женщина, смиренно принявшая свою участь: «Ну, слава Богу, есть много людей, у которых и этого нет. Живи не так, как хочешь, а как Бог ве-

лит... Так видно угодно Господу, – оканчивала она свои грустные думы о своем положении» [6; С. 62]. Всем своим бедам и несчастьям Женщина-Мать противопоставила терпение, наделив им щедро и своего сына Ганю. Это, на наш взгляд, обусловлено не простым целеполаганием – выжить, а неким Высшим Смыслом, который исходил от ее Веры в промысел Божий. Быть может грани этого высшего смысла и были руководством в жизни не только героев романа, но и самого автора, всего рода Гантимуровых, посвятивших себя служению России и смиренно принявших свою участь в годы Гражданской войны, стерших их имя со скрижалей истории культуры эвенков. В этой связи необходимо сказать о самом роде Гантимуровых. Архивные разыскания позволили выявить чрезвычайно интересные факты: история рода Гантимуровых тесно связана не только с Россией, но и Китаем. Предок Гамаллила Гантимурова, князь Гантимур, до 1667 г. был поданным Китая. Люди Гантимура принимали активное участие в нападении на Кумарский острог, возведенный русскими первопроходцами на р. Амур. Дата появления Гантимуровых в России точно не известна. Есть сведения русского посла в Китае Избранта Идеса, что тунгусский князь со своими сородичами в России появился в 1651 г. и был «родственником китайского богдыхана». Однажды он был послан с войском в Сибирь для завоевания Аргунского острога, но, увидев «русских людей житие доброе и поревновав тому житию, вывез из Китая своих жен, детей, родичей и поселился в русской земле» [7; С. 3]. Китайские власти неоднократно пытались вернуть князя Гантимура, но безуспешно. Царская Россия хорошо приняла Гантимура: «объясачивание» аборигенного населения Забайкалья царским правительством носило, вопреки сложившемуся мнению, не всегда кровавый характер: «выбирать от ясашных людей мягкую рухлядь (меха) ласкою, а не жесточью и правеем, чтобы от государева жалованья не отогнать и тем бы их не оскорбить» [8]. В День Святого Петра и Павла 1684 г. князь Гантимур

и его сын Катанай приняли православие и были наречены православными именами Петром и Павлом соответственно. В 1685 г. сын старого тунгусского князя Павел был возведен в князя и занесен в книгу российских дворян Московской губернии. В середине 90-х гг. XVII в. русский посол в Китае Избрант Идес писал, что в Даурии (Забайкалье – Ю.Х.) «обитают конные и оленные тунгусы. Правителем конных тунгусов был Павел Петрович Гантимуров, урожденный Гатана Гентимар» [9]. Благодаря усилиям Гантимуровых к концу XIX в. почти 80 % тунгусов Забайкалья обращены в православие. Им была поручена охрана границ Восточного Забайкалья, а впоследствии из них сформирован пятисотенный эвенкийский полк. С крещением рода Гантимуровых было положено начало Православию забайкальских эвенков и других малочисленных северных народов России. Заслуга старого эвенкийского князя перед Россией была высоко оценена русским царем. Павлу Петровичу и его родичу Алексею Лазаревичу Гантимурову была «вручена грамота на вечное владение землей по долинам р. Уралья и Талача. Род князей Гантимуровых дал русскому государству видных деятелей на военной и гражданской службе» [1; С.34]. Последним из числа рода Гантимуровых был Николай Петрович Гантимуров, который стоял во главе нерчинских тунгусов и возглавлял Уральгинскую Степную Думу по управлению инородцами, тунгусов из которых насчитывалось порядка 30 тыс. чел. Одним из потомков князя Гантимура собственно и был Гамаллил (Гамалея) Гантимуров, первый эвенкийский романист и драматург, своим рождением которому обязана русскоязычная литература эвенков. Род эвенков Гантимуровых одним из первых принял крещение. Вместе с верой и русским языком они приобщились к русской культуре. Этим обстоятельством во многом определены содержательные особенности художественных текстов потомка тунгусского рода Г. Гантимурова, в частности, его романа «Ганя Хмуров».

«Православная» тема, «открытая» в литературе эвенков романом Г. Гантимурова, в современной литературе получила художественную рефлексию. В последние два десятилетия в литературах народов Севера четко обозначился такой художественный феномен, как «духовно-православная литература». Безусловно, это «знак времени», связанный с поиском духовных опор в «пошатнувшейся» жизни, но, вместе с тем, и продолжение традиции православной литературы Гантимурова, заложенной не только в эвенкийской литературе, но в целом в литературах народов Севера. Образцом последней можно считать рассказы «Русский лекарь» и «Божье послание» ханта Еремея Айпина, повесть «Молчащий» ненки Анны Неркаги, поэзию манси Ювана Шесталова и эвенкийки из Якутии Варвары Даниловой.

В заключение следует сказать, что национальная литература и история книги эвенков начали существовать со слова Православного, и на рубеже веков новейшей истории они вернулись к нему. На первом этапе своего становления эвенкийская литература была представлена социально-бытовой прозой, «описательными повестями», где рассказывалось о повседневном быте и жизни эвенков в досоветское время. Тяжелая жизнь кочевника, обремененная тяжелыми условиями существования под прессингом шаманов и князьков, была в центре первых повествований эвенков, пишущих на русском и родном языках. Фактологическая детализация, простой язык, реалистичность, единение драматизма и обыденности происходящего определили особенность творческой манеры большинства прозаиков 1930-40-х гг. Первые «описательные» повествования определили форму современных эвенкийских повестей Алитета Немтушкина, Галины Кэптукэ, Александра Латкина (*исследование поддержано Грантом Президента РФ (МК-3333.2007.6 общественные и гуманитарные науки)*).

Литература

1. Болонев, Ф.Ф. "Не жесточью, а ласкою": отношение русских властей к эвенкийскому роду Гантимуровых в XVII-XIX вв. [Текст] / Ф.Ф. Болонев // *Этнокультурное взаимодействие народов Евразии*. – Новосибирск, 2002. – С. 30-37.
2. Горцевская, В.А. Очерки истории изучения тунгусо-маньчжурских языков [Текст] / В.А. Горцевская. – Л., 1959. – 132 с.
3. Ильминский, Н.И. О системе просвещения инородцев и о Казанской центральной крещено-татарской школе [Текст] / Н.И. Ильминский. – Казань, 1913. – С. 20-21.
4. Огрызко, В.В. Писатели и литераторы малочисленных народов Севера и Дальнего Востока: в 2 т. [Текст] / В.В. Огрызко. – М., 1998-1999.
5. Писатели Восточной Сибири. Библиографический указатель [Текст]. – Иркутск, 1978.
6. Муров, Г. (Гантимуров Г.С.). Ганя Хмуров [Текст] / Г. Муров. – Томск: Паровая типография, 1904. – С. 33-34.
7. Князь Гантимур [Текст] / Московские церковные ведомости, 1885. – № 38. – С. 3.
8. Списки Селенгинского и Нерчинского архивов / Санкт-Петербургский филиал архива Академии наук (ф. 21, опись 1, ед. 229).
9. Идес И. Записки о русском посольстве в Китай (1692-1695) [Текст] / И. Идес, А. Брант. – М., 1967. – Гл. 9.

Коротко об авторе

Хазанкович Ю.Г., канд. филол. наук, доцент, Якутский государственный университет (ЯГУ)
hazankovich33@mail.ru

Научные интересы: история книги, литературы малочисленных народов Севера

Briefly about author

Khazankovich Yu., Ph. D. (Philology), Assistant Professor, Yakut State University (YaSU)

Scientific interests: the history of a book, literature of the North scanty peoples

Философия

УДК 1:2

Арзуманов Игорь Ашотович
Arzumanov Igor

МОРФОЛОГИЯ ПРОСТРАНСТВА РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЫ: ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ КАТЕГОРИИ «РЕЛИГИОЗНОЕ ПРОСТРАНСТВО»

MORPHOLOGY OF RELIGIOUS CULTURE SPACE: PHILOSOPHIC-METHODOLOGICAL MEANS OF THE CATE- GORY "RELIGIOUS SPACE"

Отмечается, что морфология понятия «религиозное пространство» методологически стратифицируется с позиций его социофункциональных характеристик. С позиций принципа иерархизации рассматриваются морфологические и философско-методологические философско-антропологические, философско-культурологические и философско-религиоведческие доминанты категории «религиозное пространство»

The article notes that morphology of the notion "religious space" is methodologically stratified according to its sociofunctional characteristic. According to hierarchical approach there are morphological and philosophic-methodological, philosophic-anthropological, philosophic-culturological and philosophic and religious studies dominants of the category "religious space"

Ключевые слова: методология, религия, культура, философия религии, аксиология, антропология, антропо-философский подход

Key words: methodology, religion, culture, philosophy of religion, axiology, anthropology, anthropological philosophy approach

Понимая под методологией изучение научных методов познания, мы должны определиться в уровне соотношения методологических подходов и методов, применяемых к понятию «религиозное пространство». Это соотношение выстраивается при осознании дедуктивно-индуктивной природы иерархии и уровней выводного знания. Касаясь проблем, связанных с философско-методологическим дискурсом, возможно говорить о трех иерархических уровнях:

1) уровне фундаментальных философско-антропологических и мировоззренческих положений, раскрывающем сущность самого

предмета и объекта исследования (в данном случае – понятийно-семантического ряда факторов культурно-пространственного континуума);

2) блоке, по сравнению с фундаментальным, обладающем меньшей степенью общности и относящемся преимущественно к кругу вопросов, связанных с анализом структурной, социофункциональной природы понятийного базиса («церковь», «конфессия», «деноминация», «миссия», «поле»), но, вместе с тем, соответственно интерпретирующем данную совокупность религиознообусловленных факторов в социокультурном и социополитическом континууме;

3) как следствие о компендиуме социо-эмпирических обобщений и операционально интерпретируемых понятий, служащих основой дальнейшего теоретического анализа и играющих основную роль в разработке методики исследования.

На уровне фундаментальных положений, кроме философско-антропологических и мировоззренческих, мы говорим о необходимости рассмотрения философско-культурологических и религиоведческих подходов, носящих дедуктивную нагрузку. Во втором и третьем уровнях (имплицитно увязываемых с первым) рассматриваемая совокупность категориально-понятийного аппарата индуктивно дифференцируется относительно применяемых методов.

Мировоззренческий аспект исследования религиознообусловленной проблематики в целом коррелирует с целым блоком философских дисциплин, имеющих по самой природе предметных связей аксиоонтологические детерминанты. Культура, как составляющая структуры «информационного контроля обобщенных символических средств обмена» в системной проекции общественных отношений, представлена в фундаментальных теоретико-методологических положениях Т. Парсонса, отмечающего в этой связи: «культура, с одной стороны, является продуктом, а с другой стороны – детерминантом систем человеческого социального взаимодействия» (7; С. 458).

Т. Парсонс выделял в этой связи когнитивный аспект взаимосвязи культуры и общества, отмечая, что знания – это «способы организации отношений между различными системами действия и их средами» (8; С. 174-175). Соответственно, культура, в свете ее информационно-регулирующей и репрезентирующей функций, может рассматриваться как социально-когнитивное метаобразование, служащее субъекту инструментом рефлексии и саморегуляции. В этом качестве она формирует и воспроизводит для своих социальных носителей духовно-аксиологические императивы их векторов в процессах структурно-функцио-

нальных взаимосвязей бытия. Э. Гуссерль выделяет три иерархические разновидности жизненного мира:

1) «особенный мир», который образуется в русле ведущей целевой установки (интенции) человеческого сознания;

2) жизненный мир как основание всех «особенных миров»;

3) жизненный мир как совокупность этого основания и всех порожденных им «особенных миров» (14; С. 54). Исходя из данных определений и характеристик следует, что «жизненный мир» обладает свойствами как объективной, так и субъективной реальности. С одной стороны, он дан человеку независимо от его воли и предпочтений. С другой стороны, его природа интенциональна, что предполагает в ней значительную роль субъективного момента.

Организирующим началом жизненного мира выступает его смысловой аспект, который представлен знанием субъекта об объектной сфере. Организирующим началом знания, в свою очередь, выступает некоторая интенция, которая в данном случае носит практический характер жизненного проекта (4; С. 20).

Таким образом, духовно-мировоззренческий подход к осмыслению религиознообусловленных феноменов в их социокультурной, временно-пространственной стратификации взаимодополняется *деятельно-практическим подходом*. (13; С. 18). Анализируя доминирующие факторы философской культуры как «мировоззренческой модели», М.Н. Фомина отмечает, что «мировоззренческий метод определяет область философских интересов и поиск истины, но при этом не учитывает личностно-субъективных особенностей» (13; С. 13). Определение в связи с этим антропологического аспекта в качестве имплицитно интегрирующего философско-мировоззренческий фактор в данном исследовании является методологически основополагающим, субординирующим принципом, детерминирующим основное свойство культуры как системы – ее целостность. Целостность культурной системы, согласно П.А. Сорокину, выражается, прежде всего, в ее

внутренней логико-смысловой интегрированности. Логико-смысловое единство элементов культуры представляет собой высшую форму их интеграции, выражающуюся в понятиях «последовательный стиль», или же «последовательное и гармоничное целое» – в отличие от «противоречивой системы стилей», «всякой всячины» и «эклектики» (10; С. 26).

В качестве одной из равноправных областей философии, *философия религии* вычленяется целым рядом современных российских исследователей – философов и религиоведов. Как считает К.И. Никонов, человековедческое измерение – «*имплицитная антропология*» – пронизывает всю историю религии и человеческой мысли. Оно связано с выделением в философии самостоятельного раздела и даже дисциплины – «*эксплицитной антропологии*». В богословии данное положение отражено, соответственно, в *теологическом* учении о человеке (5; С. 6).

Отмечаемая рациональная природа философии религии определяет не только специфику ее проблемных областей, но и широту предметного охвата, базирующуюся на необходимости дифференциации соотношения форм религиозного сознания с такими формами, как *вера, верования* и их проявления в социоэмпирической плоскости. В этом контексте философия религии предметно сопрягается с культурологическим подходом, поскольку семантико-семиотический ряд естественных и искусственных (вторичных) языков религиозной культуры, семиотически-обусловленного анализа религиозного искусства (например, архитектуры) выступает во *временно-пространственной* категориальной детерминированности. Само понятие «религиозная культура», как совершенно справедливо отмечает М.Н. Фомина, сформировалось в отечественной философско-культурологической парадигме конца XX столетия «как результат преобразования духовных ценностных приоритетов» (13; С. 20), изменение которых, в силу социополитических трансформаций общества, актуализирует проблему его духовных импера-

тивов. В границах, обусловленных категориальными императивами духовного бытия социума, религиозно-пространственные доминанты культуры указывают на разные, но взаимосвязанные, аспекты бытия социокультурных страт общества. В условиях Центрально-Азиатского региона данные характеристики являются качественно-своеобразными аспектами единого культурологического базиса российской Евразии.

Дифференциация методологически модулирующих аспектов пространственных дефиниций – «пространство» культуры, экономики, права, политики – является установочно-базовой в попытках моделирования фундаментальных и в то же время элементарных онтологических структур для характеристики конкретных видов деятельности человека в условиях цивилизационного трансграничья. В стратификационно-методологическом плане религиозное пространство вычленяется потому, что, во-первых, выступает одной из граней понятия общего «социального пространства» в качестве функциональной характеристики социального бытия как процесса «сочетающихся и сменяющих друг друга деятельностей людей» (3; С. 129), и, во-вторых, обеспечивает логические взаимосвязи в процессе анализа аксиологических детерминант цивилизационно-геополитического дискурса этой же самой деятельности. Данный дискурс связывается с отходом от прежнего узкоклассового подхода к пониманию сущности реальной политической жизни (11; С. 260-264). При этом выявляются культуро-цивилизационные корни целого ряда современных политических антагонизмов, на чем раньше настаивали, например, адепты евразийского движения: «Этнополитические, личностные, идейные факторы зачастую выступают важнейшими детерминантами конкретных процессов жизни государства, экономики, общества, изменяя во многом взгляд на природу социально-политических процессов» (9; С. 6).

Понимание пространства в его социально-временной детерминированности опреде-

ляет методологическую взаимосвязь пространства религиозной культуры и времени в социальной и трансцендентальной проекциях. В социально-философской проекции методологически важным оказывается понимание «пространства» как «формы взаимодействия, сочетания события» стадийальной сменяемости «объектов», и их состояний и длительности, фиксированных во «времени» (2; С. 128). В трансцендентной проекции религиозной культуры будет доминировать понимание природы временно-пространственных характеристик артефактов религиозной культуры, с одной стороны, как визуализированной (например, храмовые ансамбли), а с другой – предельно абстрактной (устное «предание» доктринального уровня религиозного сознания). Но и первое, и второе выступают в качестве определителей важнейших аксиологических форм бытия, форм его трансцендентного обновления, социально-временной трансляции и формирования.

Понимание пространства как того, что является общим всем переживанием, возникающим благодаря органам чувств, выводит его методологические базисные характеристики на антропофилософский уровень в его психологической составляющей. Данный аспект предопределяет понимание религиозного пространства не как данности, а как фактора, постоянно наполняющегося множеством более или менее всеобъемлющих систем отношений объектов религиозного пространства. В эволюционном плане для религиозной культуры как аксиодетерминированной подсистемы системы взаимоотношений культура – общество характерны свойства *самоорганизации*.

В контексте социального дискурса системность отношений предполагает наличие субъект-объектных отношений в рамках структуризации «религиозного пространства» как «поля» взаимоотношений пространств религиозных культур. Если понимать под религиозной культурой (в ее артефактном пласте религиозного искусства, например) не только проявление активности человеческого духа, но и форму самопознания абсолютного духа, духовной

культуры человечества (если брать за основу классические положения немецкой «идеалистической философии», мысливших культуру как систему, а искусство как одну из ее подсистем), то мировоззренческая доминанта и в этом случае определяет *философию религии как интегративно-базовый раздел* междисциплинарных связей, при которых религия является собственно объектом исследования, а философия религии, в силу родовой общности с философией, объективно выступает в роли *методологической детерминанты* при комплексном анализе религиозных феноменов (как в целом отмечает М.С. Каган, уже по факту объединения в культуре материальной и духовной активностей человека, делающего культуру «сложной системной целостностью, ибо само соединение материального и духовного может осуществляться ...в сферах техники, идеологии, искусства») (1; С. 7). И уже по этой причине встает вопрос о специфичности субъект-объектных взаимоотношений феноменов «полей» пространств религиозных культур как подсистем культуры в ее живой, полифункциональной и динамичной целостности.

Таким образом, методологически коннотация «религиозного пространства» по отношению к целому ряду философских и религиозно-ведческих дисциплин должна рассматриваться в контексте коннотации философско-мировоззренческого аспекта исследования с объектно-предметной спецификацией *философской антропологии*.

Понимание пространства как *деятельностной функции трансцендентной идеи дифференцирует пространственные дефиниции в их антропологическом ключе на «внутреннее религиозное пространство» – пространство веры, психологии религии и религиозного опыта и «внешнее религиозное пространство», опосредованное процессами диффузии функциональных составляющих «внутреннего религиозного пространства» в социальное пространство «объективного»*. Одним из примеров данной стратификации может служить православная культура соте-

риологического ряда и, отчасти, психо-культура тибетского буддизма (в ее тантрической проекции культа бодисаттвы). И в том, и в другом пласте религиозной культуры Центральной Азии качественно-личностные характеристики субъекта религиозного пространства – человека – определяются в их социокультурной и социополитической манифестационной динамике. Апория внутреннего религиозного пространства и его социокультурной и социополитической диффузии в пространство религиозной культуры – рационализма и духовной интенции – носит методологическое значение, лежащее в основе проблем теоретико-культурологического и политологического характера.

«Возможность человека», его изначальная потенциальность по своей природе дуалистически трагична – она двойственна и по факту осознания разрыва между материальным и духовным началом, и по факту осмысления невозможности достижения трансцендентного совершенства. Пространство внутренней картины путей и средств трансцендентного совершенствования (христианство) или превращения (тантризм) так или иначе лежит в области пространства антропологических возможностей религиозной сотериологии. Данный пласт религиозного пространства является, по сути, мотивационной доминантой процессов усовершенствования «внутреннего» пространства в идеальные формы «возможного» человека в аксиологических детерминантах религиозной культуры.

Данное положение определяет *религиозное пространство в качестве функционального производного в процессах познания человеком самого себя и окружающей «дей-*

ствительности». Соотношение процессов моделирования «идеальной действительности» как возможной реальности с процессами организации пространства как фактора культурной деятельности (12; С. 321) выводит философско-антропологический подход в качестве одной из детерминант структуризации пространства в его проекциях «внутреннего» и «внешнего».

«Внутреннее» религиозное пространство в данном случае – это «пространство мысленного». Мысленная модель духовно-пространственной действительности в ее идеальной проекции методологически стратифицируется антропофилософским подходом в его интенциональной направленности. В антроподоктринальном дискурсе традиционных миссиологических доминант Байкальского региона – православия и ламаизма – данная дифференциация фиксируется в разновекторности социокультурной интенции сотериологического и эсхатологического характера.

В этом ключе дифференцируются ряд аспектов данной проблематики, имеющих методологическое значение в процессах моделирования аксиологических детерминант «внутреннего» и «внешнего» пространств религиозной культуры в ее антроподоктринальной и социокультурной проекциях. Только выявление фундаментально-методологического характера антропологической составляющей соотношения религиозной культуры и религиозного пространства с культурой в целом способно раскрыть природу религиозного пространства как функции метафизической идеи, а религиозной культуры – как деятельности, сакрализующей пространство социокультурного континуума.

Литература

1. Каган, М.С. Искусство как феномен культуры [Текст] / М.С. Каган // Искусство в системе культуры. – Л., 1986. Специальный анализ этой проблемы см.: Каган М.С. Диалектика материального и духовного в культуре [Текст] / М.С. Каган // Диалектика культуры. – Куйбышев, 1982.

2. Кемеров, В.Е. Время и пространство

[Текст] // Современный философский словарь / под общ. ред. В.Е. Кемерова. – 3-е изд., испр. и доп. – М., 2004.

3. Кемеров, В.Е. Время социальное и пространство социальное // Современный философский словарь / под общ. ред. В.Е. Кемерова. 3-е изд., испр. и доп. – М., 2004.

4. Лебедев, С.Д. Две культуры: религия в

светском образовании на рубеже XX–XXI веков [Текст]: монография. – Белгород, 2005.

5. Никонов, К.И. Современная христианская антропология (опыт философского критического анализа) [Текст] / К.И. Никонов. – М., 1983.

6. Никонов, К.И. Критика антропологического обоснования религии [Текст] / К.И. Никонов. – М., 1989.

7. Парсонс, Т. Система координат действия и общая теория действия: культура, личность и место социальных систем [Текст] / Т. Парсонс // Американская социологическая мысль / под ред. В.И. Добренькова. – М., 1994.

8. Парсонс, Т. Социальные системы [Текст] / Т. Парсонс // Личность. Культура. Общество: междисциплинар. науч.-практ. журн. социальных и гуманитарных наук. – Т. 5. – Вып. 1-2 (15–16). – М., 2003.

9. Пишун, В.К. Политическая философия евразийства [Текст] / В.К. Пишун. – М., 2003.

10. Сорокин, П.А. Социальная и культурная динамика. – СПб., 2000. – С. 26.

11. Суворова, Г.Д. Методологические перспективы изучения искусства как феномена культуры [Текст] / Г.Д. Суворова, Ю.М. Шор // Искусство в системе культуры. – Л., 1986.

12. Флоренский, П.А. Анализ пространственности [Текст] // Иконостас: Избранные труды по искусству. – СПб., 1993.

13. Фомина, М.Н. Философская культура: онтологический диалогизм / М.Н. Фомина. – Чита, 1999.

14. Husserl E. Die Krisis der eropichen Wissenschaften und die transzendente Phamenology. – Hamburg, 1977.

Коротко об авторе

Арзуманов И.А., канд. филос. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического Института, Иркутский государственный университет (ИРГУ) arzumanov@mail.ru

Научные интересы: культурно-правовые аспекты вероисповедной политики России в Центральной Азии, проблемы религиозной культуры центрально-азиатского региона, доктринальная специфика религиозной антропологии мифо-религиозных и конфессиональных систем Байкальского региона, миссиологические доминанты конфессионального пространства Байкальского региона в геополитической проекции

Briefly about author

Arzumanov I., Ph.D. (Philosophy), Assistant Professor of History and Theory of State and Law Department, Law Institute of Irkutsk State University (ISU)

Scientific interests: cultural and legislative aspects of the Russian confessional policy in Central Asia, religious and cultural problems of Central Asia, doctrinal specificity of religious anthropology of mythical and religious and confessional systems of the Baikal region, missionary dominants of confessional space of the Baikal region in the geopolitical field

УДК 397 (571.55)

Гаврилова Елена Александровна
Gavrilova Elena

ЦЕННОСТИ СЕМЕЙСКИХ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ В СОВРЕМЕННОСТИ

PRESENT-DAY VALUES OF TRANS-BAIKAL TERRITORY OLD BELIEVERS

Статья основывается на данных, полученных в ходе этносоциологического исследования, и посвящена выявлению и анализу ценностей семейских Забайкальского края. Автор ставит задачу отследить процесс трансформации ценностных изменений в мировоззрении семейских Забайкалья

The article is based on the data received from ethnosociological research and concerns determination and analysis of Trans-baikal Old Believers values. The author sets the problem of value changes transformation in Trans-baikal Old Believers world view

Ключевые слова: ценность, семейские, этносоциологические исследования

Key words: value, Old Believers, ethnosociological research

Статья основана на данных, полученных в ходе этносоциологического исследования, проведенного в 2006-2008 гг. в Красночикойском районе Забайкальского края. Для проведения исследования мы выбрали именно этот район, т.к. с середины XVIII в. он является компактным местом проживания семейских-старообрядцев [2], где сосредоточена большая часть населения этой группы, и является главным местом сосредоточения культуры семейских в Забайкальском крае. Выборка по данному району составила 1000 респондентов, вероятная ошибка выборки «+», «-» 2,5 %. Выборка двухступенчатая, репрезентативно представленная к совокупности населения района, контрольные признаки: место проживания, возраст, пол, род занятий.

Контрольные признаки распределились следующим образом: по месту проживания: с. Архангельское – 26,5 %, с. Альбитуй – 16,8 %, с. Нижний Нарым – 9,7 %, с. Гутай – 6 %, с. Урлук – 24,8 %, с. Малоархангельск – 16,1 %;

по возрасту: 18...25 лет – 28 %, 26...39 лет – 15,9 %, от 40...55 лет – 26,7 %, 56 лет и старше – 29,4 %; по полу: мужской – 46,4 %, женский – 53,6 %; по роду занятий: служащие – 9,9 %, рабочие, крестьяне – 15,1 %, предприниматели – 0,8 %, безработные – 13,5 %, домохозяйки – 5,6 %, пенсионеры – 27,3 %, студенты – 12,2 %. Исследование проводилось методом анкетирования, опроса среди лиц русской национальности.

Вначале проведем параметрический анализ полученных данных. Полученные данные свидетельствуют, что лидирующими ценностями семейских Забайкальского края являются (в баллах от 1 минимальная оценка до 5 максимальная): **1** – почитать родителей и старших – 4,1; **2** – иметь домашний уют – 4; **3** – быть физически здоровым – 3,9; **4** – иметь верных друзей – 3,9; **5** – найти любимого человека – 3,9.

Ценностные суждения, набравшие наименьшее значение: **1** – устроиться жить в го-

роде – 1,7; **2** – быть скрытным – 1,9; **3** – иметь свой бизнес – 2,1; **4** – занимать высокое положение в обществе – 2,1; **5** – посещать церковь, дацан, мечеть – 2,5; **6** – иметь возможность

развлекаться – 2,5.

Распределение лидирующих ценностей в определенной мере соответствует общероссийским показателям (см. табл. 1).

Таблица 1

Сравнение лидирующих ценностей по выборке среди семейских Забайкальского края и общероссийской выборке

Ранг	Семейские Забайкальского края	Ранг	Россия
1	Почитать родителей и старших	1	Безопасность семьи
2	Иметь домашний уют	2	Здоровье и бодрость
3	Быть физически здоровым	3	Почитание родителей и старших
4	Иметь верных друзей	4	Верная дружба
5	Найти любимого человека	5	Обеспеченность

Мы видим, что три ценности из пяти совпадают – это ценность здоровья, почитание родителей и старших и верная дружба. Единственно, на первом месте у семейских Забайкальского края – почитание родителей и старших, а по общероссийской выборке – безопасность семьи. Другими словами, традиционная составляющая в сознании семейских представлена больше. Обращает на себя внимание, что в пятерку лидирующих ценностей у семейских вошли ценности – иметь домашний уют и найти любимого человека. Это подтверждает высокую ценность среди данного этноса семьи и семейных отношений.

Ценностные суждения, которые заняли последние ранги у семейских Забайкальского края – устроиться жить в городе, иметь свой бизнес, занимать высокое положение в обществе, иметь возможность развлекаться – относятся к ценностям материального и социального благополучия, что свидетельствует об относительной неважности данных ценностей в этническом сознании семейских.

Также одной из незначительных ценностей в мировоззрении семейских стоит ценность о посещении храмовой организации (причем ценностное суждение – верить в Бога также набрала небольшой балл – 2,6), что служит подтверждением вывода о малой роли религиозных ценностей для современных се-

мейских Забайкальского края и об отсутствии церковной организации на территории Красночуйского района.

Проведем факторный анализ полученных данных. Мы уменьшим данные (ценностные суждения) и выйдем на факторы, которые помогут выявить структуру ценностей семейских.

Для факторного анализа нами были использованы: метод отбора – анализ главных компонент; метод вращения – варимакс с нормализацией Кайзера. Вращение получено за 22 итераций. Мы запретили ввод малых факторных нагрузок, для этого установили граничное значение выводимых нагрузок равным 0,45.

В результате анализа было выделено 8 факторов, объясняющих 58,418 % суммарной дисперсии.

В первый фактор, объясняющий 19 % суммарной дисперсии, вошли 11 переменных: *быть индивидуальностью* с факторной нагрузкой 0,75, *иметь престижную профессию* с факторной нагрузкой 0,73, *быть профессионалом в работе* 0,66, *иметь творческую работу* 0,63, *быть целеустремленным* 0,629, *занимать высокое положение в обществе* 0,62, *иметь хорошее образование* 0,61, *иметь свой бизнес* 0,58, *быть любознательным* 0,49, *получать много денег* 0,46, *быть матери-*

ально обеспеченным 0,48. Первый фактор ориентирован на стремление к социальному успеху и сопутствующие ему – индивидуализм и материальное обеспечение.

Во второй фактор вошли следующие пять переменных: *быть сдержанным* с факторной нагрузкой 0,76; *быть терпимым к окружающим* 0,69; *быть спокойным* 0,6; *быть честным* 0,56; *оказывать помощь ближнему* 0,53. Второй фактор ориентирован на отношение с обществом, на личные качества, необходимые для жизни в социуме. Поэтому его можно обозначить как фактор социально-личностных характеристик, где присутствуют свойства человека, которые обеспечивают гармоничное существование в обществе.

В третий фактор вошли пять переменных: *быть волевым* с факторной нагрузкой 0,64; *быть уверенным в себе* 0,63; *быть рассудительным* 0,61; *быть любознательным* 0,47; *быть упорным* 0,46. Данный фактор объединяет личностно-индивидуальные характеристики, ценные для этнофора.

В четвертый фактор вошли четыре переменных: *верить в Бога* 0,69; *посещать церковь* 0,68; *быть скрытным* 0,64; *иметь свое хозяйство* 0,49. Данный фактор говорит сам за себя – это традиционно-мировоззренческий фактор. Здесь прослеживается естественное сочетание для старообрядцев таких переменных, как вера в Бога и скрытность, потому что, как известно, вся история старообрядчества пропитана гонениями, где скрытность была естественным состоянием человека в данном религиозном сообществе. Обращает на себя внимание, что верить в Бога и иметь свое хозяйство соединены в одном факторе. Это объясняется тем, что, во-первых, в новых тяжелых природных условиях можно было адаптироваться старообрядцам в Забайкалье только благодаря упорному физическому труду, поэтому такие ценности, как религия и хозяйственность стали на один уровень в мировоззрении семейских Забайкалья; во-вторых, необходимость трудиться обосновывалась ссылками на христианское учение, согласно которому

труд есть божественное установление. Поэтому сейчас на современном этапе такие ценностные установки как вера в Бога, скрытность и хозяйственность интерпретируются в сознании жителей Красночико́йского района как единое целое, скрепленное общей традицией.

В пятый фактор вошли четыре переменных: *иметь домашний уют* 0,73; *быть материально обеспеченным* 0,64; *быть упорным* 0,56; *получать много денег* 0,45. Пятый фактор с полным основанием можно назвать материальным, но его отличие состоит в том, что материальное благополучие предполагает наличие материального хозяйства.

В шестой фактор вошли три переменных: *быть открытым* 0,69; *соблюдать традиции своего народа* 0,5; *найти любимого человека* 0,48. По нашему мнению, данный фактор является фактором внутрисемейных ценностей: во-первых, семья должна быть открытой, чтобы гармонично существовать в сообществе, во-вторых, в семье важно соблюдать традиции своего народа, в-третьих, чтобы семья была крепкой, нужно жить в ней по любви, т.е. найти себе любимого человека.

В седьмой фактор вошли три переменных: *иметь поддержку родственников* с факторной нагрузкой 0,69; *ощущать уважение и поддержку окружающих* 0,65; *иметь верных друзей* 0,47. Данный фактор – фактор, объясняющий безопасность человека, что можно добиться с помощью крепких связей с семьей и обществом, а также социальным уважением.

В восьмой фактор вошли три переменных: *наслаждаться жизнью* 0,73; *быть свободным* 0,52; *иметь возможность развлекаться* 0,46. Думается данный фактор можно объяснить как фактор стремления к гедонизму, к значимым экзистенциональным целям.

Таким образом, обобщив массив ценностных суждений семейских Забайкальского края, мы выявили значимые ценности с позиции их убывания: это стремление к личному социальному успеху, социально-личностные ценности (сдержанность, терпимость, спокойствие, честность, помощь ближнему), ценности

индивидуальные (уверенность, рассудительность, любознательность, целеустремленность), традиционно-мировоззренческий фактор (вера в Бога, посещение церкви, хозяйственность), материальные ценности, внутрисемейные ценности, ценности безопасности человека, стремление к гедонизму.

Важно не только выяснение ценностного содержания этнического сознания, но также необходимо, по нашему мнению, определить насколько те или иные ценности распространены в поколенческом срезе. Это позволит посмотреть в будущее ценностей семейских Забайкалья. Для нас главное сравнить два поколения, молодое и пожилое, в результате мы выявим тенденции изменения этнического сознания семейских Забайкальского края.

Молодое поколение 18...25 лет.

1 фактор включает 9 переменных: *быть свободным* 0,72; *быть целеустремленным* 0,7; *иметь хорошее образование* 0,65; *быть уверенным в себе* 0,61; *иметь хорошую репутацию* 0,61; *наслаждаться жизнью* 0,6; *быть индивидуальностью* 0,55; *быть профессионалом в работе* 0,54; *оказывать помощь ближнему* 0,47. Первый фактор объединяет значимые экзистенциальные ценности-цели.

2 фактор: *иметь свой бизнес* 0,82; *получать много денег* 0,81; *иметь престижную профессию* 0,77; *быть материально обеспеченным* 0,68; *занимать высокое положение в обществе* 0,63; *устроиться жить в городе* 0,52. Очевидно, что второй фактор молодежи – материальный.

3 фактор: *сделать что-то важное для общества* 0,79; *быть терпимым к окружающим* 0,69; *быть сдержанным* 0,66; *быть честным* 0,65; *быть физически здоровым* 0,45. Данный фактор – фактор социально-личных характеристик, ориентирован на отношение с обществом.

4 фактор: *иметь поддержку родственников* 0,79; *иметь возможность развлекаться* 0,78; *ощущать уважение и поддержку окружающих* 0,68; *иметь творческую (увлекательную) работу* 0,53; *иметь верных друзей*

0,5; *посещать церковь* 0,45. Четвертый фактор направлен на безопасность человека, на его комфортное существование.

5 фактор: *быть любознательным* 0,68; *быть открытым* 0,67; *быть рассудительным* 0,64; *быть волевым* 0,63; *занимать высокое положение в обществе* 0,49; *быть индивидуальностью* 0,45.

6 фактор: *быть упорным* 0,67; *ощущать самоуважение* 0,61; *быть скрытным* 0,5; *быть любознательным* 0,46.

Пятый и шестой факторы объединяют личностные характеристики, ценные для этнофора.

7 фактор: *верить в Бога* 0,78; *быть спокойным* 0,53; *соблюдать традиции своего народа* 0,45; *посещать церковь* 0,48. Седьмой фактор – традиционно-мировоззренческий.

8 фактор: *почитать родителей и старших* 0,63; *найти любимого человека* 0,62. Данный фактор – фактор семейных ценностей.

Поколение от 56 лет и старше.

1 фактор: *быть сдержанным* 0,95; *быть честным* 0,86; *быть рассудительным* 0,81; *быть волевым* 0,78; *быть терпимым к окружающим* 0,77; *быть физически здоровым* 0,71; *ощущать самоуважение* 0,64; *быть любознательным* 0,61. Первый фактор включает в себя ценностные суждения социальной направленности или качества, которые необходимы для жизни в обществе.

2 фактор: *иметь свое хозяйство* 0,93; *соблюдать традиции своего народа* 0,75; *верить в Бога* 0,68; *быть спокойным* 0,66; *посещать церковь* 0,65; *быть скрытным* 0,6; *оказывать помощь ближнему* 0,54. Второй фактор – традиционно-мировоззренческий.

3 фактор: *быть профессионалом в работе* 0,81; *иметь хорошую репутацию* 0,8; *быть целеустремленным* 0,78; *быть упорным* 0,7; *ощущать самоуважение* 0,54. Третий фактор объединяет личностные качества.

4 фактор: *занимать высокое положение в обществе* 0,82; *иметь возможность развлекаться* 0,79; *быть свободным* 0,79; *посещать церковь* 0,56; *верить в Бога* 0,54; *быть*

открытым 0,49. Данный фактор объединяет в себе экзистенциальные ценности-цели и религиозные ценности, что говорит о нерасчлененной целостности человеческого существования этнофора.

5 фактор: *иметь престижную профессию* 0,83; *получать много денег* 0,75; *иметь хорошее образование* 0,55; *иметь свой бизнес* 0,51. Пятый фактор – материальный.

6 фактор: *иметь верных друзей* 0,76; *сделать что-то важное для общества* 0,67; *ощущать уважение и поддержку окружающих* 0,63; *наслаждаться жизнью* 0,62; *быть открытым* 0,55; *соблюдать традиции своего народа* 0,51; *оказывать помощь ближнему*

0,45; *иметь творческую работу* 0,45. Данный фактор ориентирован на отношение с обществом, оценку окружающих, другими словами, этот фактор можно назвать фактором микро-социальной определенности.

7 фактор: *быть храбрым* 0,92; *иметь поддержку родственников* 0,89; *быть скрытым* 0,53; *быть упорным* 0,52.

8 фактор: *иметь домашний уют* 0,87; *найти любимого человека* 0,84. Седьмой и восьмой факторы – факторы семейных ценностей.

Теперь просмотрим распределение позиций (рангов) значимых факторов в зависимости от возраста (см. табл. 2).

Таблица 2

Поколения	Материальный фактор	Традиционный фактор
Молодое поколение (18...25 лет)	2	7
Среднее молодое поколение (26...39 лет)	1...2	3
Среднее поколение (39...55 лет)	4	5
Старшее поколение (56 лет и старше)	5	2,4,6

Итак, мы видим, что ценности молодого поколения материальны, ценности старшего поколения традиционны и социальные. Кроме того, с каждым новым поколением материальные ценности становятся лидирующими в структуре ценностей семейских Забайкалья, а традиционные уходят на последние позиции.

Резюмируя сказанное, сделаем следующие выводы. Этническое сознание семейских Забайкалья дрейфует в сторону господства материальных ценностей. При этом в этническом сознании сохраняются традиционные ценности – уважение к старшему поколению, ценность веры, семейных отношений, общности, но в меньшей структурированности и значимости, чем раньше. Главное смыслообразующее звено, главный вектор ценностного развития старообрядцев – вера и сохранение

древлеправославия канул в прошлое. С его исчезновением изменилась вся структура и система ценностей семейских Забайкалья: семья, труд, общинность носят теперь социально-утилитарный характер, а не религиозный, ушли в прошлое большинство высоких морально-нравственных устоев, которые отличали старообрядцев от других общностей. Процесс модернизации, оттеснив религию на периферию социальной жизни, сложил у семейских Забайкалья новое мировоззрение, которое базируется на принципах рационализма, культурной дифференциации общества, на светских ценностях (земное счастье, благополучие, свобода, активная «мирская» деятельность), где все сферы бытия становятся все более независимыми от религии.

Процесс трансформации ценностных

изменений в мировоззрении семейских Забайкалья на современном этапе можно назвать эволюционным, зависящим от преобразования и изменения всех общественных структур и всего общества в целом, где главное место в данных изменениях занимает процесс глобализации. Поэтому в будущем у семейских За-

байкалья, как и у остальных этносов, будут господствовать материалистические ценности с малой долей традиционных. Думается, что в ближайшее будущее у семейских Забайкалья есть опасность потерять остатки своей этнической уникальности и полностью слиться с российским этносом.

Литература

1. Ожегов С.И. *Словарь русского языка / С.И. Ожегов.* – М.: Государственное изд-во иностранных и социальных словарей, 1961.

2. Гаврилова Е.А. *Доминирующие ценност-*

ные ориентации старообрядчества Забайкалья / Е.А. Гаврилова. – Вестник ЧитГУ. – № 3 (46). – Чита: ЧитГУ, 2008. – С. 110-113.

Коротко об авторе

Briefly about author

Гаврилова Е.А., старший преподаватель кафедры социальной антропологии, религиоведения и философии, Читинский государственный университет (ЧитГУ) служ. тел.: 26-22-29

Gavrilova E., Lecturer of Social Anthropology, Religion Studies and Philosophy Department, Chita State university (ChSU)

Научные интересы: философия, этнография, история, религия

Scientific interests: philosophy, ethnography, history, religion

КНИГОГРАД

Васильева, С.В. **Территориальные особенности эффективности личных подсобных хозяйств в послереформенный период:** научное издание / С.В. Васильева. – Чита: ЧитГУ, 2009. – 121 с.

В последние годы возрос интерес к проблемам владельцев подсобных хозяйств. Он вызван значительными изменениями в социально-экономическом образе жизни. Однако материалов, посвященных изучению проблем частного сектора сельского хозяйства, катастрофически не хватает, что затрудняет составление целостной картины о проблемах и перспективах развития ЛПХ, а информация, содержащая сведения о данном регионе, практически отсутствует. Представленное издание предлагает комплексное исследование личных подворий.

Издание рассчитано на широкий круг читателей и разные категории населения: студентов, преподавателей, специалистов в области сельского хозяйства и экономики в целом

Казанцева, Н.А. **Канада на пути к информационному обществу:** научное издание / Н.А. Казанцева. – Чита: ЧитГУ, 2009. – 147 с.

Настоящая монография посвящена проблеме становления информационного общества в Канаде.

В работе раскрыты сущность и содержание понятий «информационное общество», «постиндустриальное общество»; обозначены приоритеты информационной политики США и стран Европейского союза; проанализирована зависимость политического курса Канады от современных глобализационных процессов.

Монография предназначена для студентов специальности 032301.65 – Регионоведение, преподавателей гуманитарных дисциплин

Содержание

Колонка редактора	3
Юбилейные даты. <i>Декабрист XX в.</i>	4
Научная жизнь	7

Искусствоведение

Чуб Е.А. , КГИИ, г. Красноярск Композиционно-драматургические особенности вокальных циклов красноярского композитора Владимира Пономарева	10
--	----

Культурология

Букина Н.В. , ЧитГУ, г. Чита Особенности современного мифологического мышления как формы культурного кода	16
Филиппова Н.П. , ЧитГУ, г. Чита Символо-знаковые системы региональной культуры Забайкалья	21

Науки о земле

Глотов В.В. , ЧитГУ, г. Чита Обоснование рациональных размеров шахтных полей при разработке жильных месторождений	28
Лизункин М.В. , ЧитГУ, г. Чита Определение первоначальных (природных) напряжений горного массива Бом-Горхонского вольфрамowego месторождения	35
Овсейчук В.А., Алексеев О.Н. , ЧитГУ, г. Чита Разработка отечественной дешевой узкозахватной электрогидравлической погрузо-доставочной машины для отработки маломощных рудных тел	39
Романов В.Г. , ЗИП СибУПК, г. Чита Обоснование критериев различия пиритов осадочно-диагенетического и гидротермального генезиса	44
Секисов А.Г., Манзырев Д.В. , ЧитГУ, г. Чита Минералого-геохимические и наноструктурные особенности золотосодержащих руд месторождений Забайкальского края	51
Турушева Т.В. , ЧитГУ, г. Чита Совершенствование системы мониторинга воздушного бассейна г. Чита	56

Педагогика

- Камоза Т.Л.**, КГТЭИ, г. Красноярск
Анализ состояния общепрофессиональной готовности студентов вуза 62
- Чан-ха-ли Ю.С.**, ЗабГГПУ, г. Чита
Состояние обучения школьников
самостоятельной учебно-познавательной деятельности на
уроках русского языка (на материалах анализа анкет учителей Забайкальского края) 69
- Юсова В.И.**, ГОУ СПО «Педагогический колледж г. Балей»
Сомоопределение личности: философский, социологический,
психологический, педагогический аспекты 75

Политология

- Макарова Л.С.**, ЧитГУ, г. Чита
Социальная и политическая стратификация как переходный политический процесс 81
- Савинов Л.В.**, СибАГС, г. Новосибирск
Этнополитика газового транзита (на примере республики Алтай) 87
- Третьякова Т.О.**, ЧитГУ, г. Чита
Организационная управленческая структура на государственной
службе и в органах судебной власти 92

Право

- Асочаков А.А.**, СФУ, г. Красноярск
Криминалистическая характеристика преступлений в сфере банковской
деятельности: основные аспекты, особенности, возможности прогнозирования 98
- Васильева Н.Ю.**, БГУЭП, г. Чита
Основные новеллы института президента в части обеспечения принципа разделения
властей в Российской Федерации 106
- Липич О.А.**, ЗИП СибУПК, г. Чита
Нормативно-правовое регулирование потребительской
кооперации в России в 1917-1920 гг. 110
- Михайленко К.С.**, СФУ, г. Красноярск
Теоретическое и прикладное значение моделирования и прогнозирования
в построении криминалистической характеристики преступлений
в сфере экономической деятельности 114

Психология

- Ефрюшкина О.В.**, ДВГУПС, г. Хабаровск
Я-концепция личности в контексте организационной культуры 118

Социология

- Романова Н.П.**, ЧитГУ, г. Чита
Место женщин в социально-стратификационной структуре российского общества 124

Филология

- Гавриленко О.В.**, ДальГУ, г. Владивосток
Концепт *лес* в англоязычных культурах 135

- Даллакян А.В.**, ИвГУ, г. Иваново
Перевод художественного текста: мера точности
(на материале перевода К.Д. Бальмонта
стихотворения П. Дуряна «Моя скорбь») 138

- Доржиева Э.С.**, БГУ, г. Улан-Удэ
Эволюция сюжетных структур романов Бурятии 145

- Ерофеева И.В.**, ЗабГГПУ, г. Чита
Архетип в медиатексе: возможности и особенности воспроизведения 150

- Жамсаранова Р.Г.**, ЧитГУ, г. Чита
Этноязыковая принадлежность генонима «Забайкальский Хамниган» 155

- Ившин Л.М.**, УИИЯЛ УрО РАН, г. Ижевск
Обозначение палатальных согласных в удмуртско-русском словаре З. Кротова 1785 г. ... 162

- Кудрявцева Р.А.**, МарГУ, г. Йошкар-Ола
Марийский рассказ конца XX века (типология персонажей) 165

- Лиханова Н.А.**, ЧитГУ, г. Чита
Этнолингвистическое осмысление фрагментов региональной картины мира 170

- Хазанкович Ю.Г.**, ЯГУ, г. Якутск
Литература и книжная культура эвенков: к истокам зарождения 176

Философия

- Арзуманов И.А.**, ИрГУ, г. Иркутск
Морфология пространства религиозной культуры:
философско-методологические возможности категории «религиозное пространство» 182
-

Гаврилова Е.А., ЧитГУ, г. Чита

Ценности семейных Забайкальского края в современности 188

Книгоград 194

Contents

Editor's column	3
Anniversaries	4
Scientific life	7

Art History

Tchub E. Composition and dramaturgic peculiarities of vocal cycles of Krasnoyarsk composer Vladimir Ponomariov	10
Bukina N. Peculiarities of modern mythological thinking as forms of cultural code	16
Filippova N. Systems of Symbols and Signs of regional Trans-baikal Culture	21

Earth Sciences

Glotov V. Justification of rational dimensions of mine takes during vein deposits exploitation	28
Lizunkin M. Determination of base (natural) mountain range stresses of Bom-Gorkhonskoye tungsten deposit	35
Ovseichuk V., Alekseev O. Development of domestic cheap narrow-cut electrohydraulic loader for shallow ore bodies	39
Romanov V. Ground of sulphur-ore of sedimentary-diagenetic and hydrothermal genesis test of differences	44
Sekisov A., Manzyrev D. Mineralogical-geochemical and nanostructural peculiarities of auriferous ores of Trans-baikal Territory deposits	51
Turusheva T. Development of aerial basin monitoring system of Chita City	56

Pedagogics

Kamoza T. Professional preparedness of students analysis	62
--	----

Chan-kha-lee Y.

State of schoolboys teaching to independent educational and cognitive activity at Russian lessons (on basis of Trans-baikal Territory teachers' forms analysis) 69

Yusova V.

The self-determination of a personality: philosophical, sociological, psychological and pedagogical aspects 75

Politology

Makarova L.

Social and political stratification as transient political process 81

Savinov L.

Ethnic policy of gas transit (by an example of Altai republic) 87

Tretyakova T.

Administration structure at public service and judicial authority 92

Law

Asochakov A.

Criminalistics description of crimes in bank field: main aspects, peculiarities, forecasting capability 98

Vasil'eva N.

basic novels of the President institution in securing separation of powers in the Russian Federation 106

Lipich O.

Standard-legal adjustment of users' cooperation in Russia in 1917-1920 110

Mikhailenko K.

Theoretical and applied meaning of modeling and forecastingn criminalistics description of crimes in economic field 114

Phsychology

Efryushkina O.

Self-conception of personality in the context of organization culture 118

Sociology

- Romanova N.**
A place of women in social-stratification structure of Russian society 124

Philology

- Gavrilenko O.**
The concept *Forest* in the english-speaking cultures 135
- Dallakyan A.**
Translation of artistic text: accuracy degree (based on K. Balmont translation of P. Duryan poem "My Sorrow") 138
- Dorzhiyeva E.**
Evolution of Buryat novels plotlines 145
- Erofeyeva I.**
Archetype in a media text: possibilities and peculiarities of reproduction 150
- Zhamsaranova R.**
Ethnolinguistic attribute of genonymum "Trans-baikal Khamnigan" 155
- Ivshin I.**
Palatal consonants designation in Z. Krotov Udmurt-Russian dictionary, 1785 162
- Kudryavtseva R.**
Mari short novel of the close of XX century (typology of characters) 165
- Likhanova N.**
Ethnolinguistic perception of a regional picture of the world fragments 170
- Khazankovich Y.**
Literature and book culture of Evenk: to the sources of origin 176

Philosophy

- Arzumanov I.**
Morphology of religious culture space: philosophic-methodological means of the category "religious space" 182
- Gavrilova E.**
Present-day values of Trans-baikal Territory Old Believers 188
- Knigograd** 194
-

ВЕСТНИК

ЧИТИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 2 (53)

2009

Научный редактор д-р социол. наук Н.П. Романова

Литерат. редактор Т.А. Эпова

Технический редактор М.А. Витовская

Подписано в печать 27.04.2009

Сдано в производство 25.04.2009

Форм. бум. 60 x 84 1/8

Печать офсетная

Уч.-изд. л. 18

Тираж 500 экз.

Бум. тип. № 2

Гарнитура литературная

Усл. печ. л. 17,1

Заказ № 65

Читинский государственный университет
672039, Чита, ул. Александрo-Заводская, 30

РИК ЧитГУ
672039, Чита, ул. Александрo-Заводская, 30